

БОРИС КРИГЕР

В БЕЗДНЕ

 ALTASPERA

© 2018 – BORIS KRIGER

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to: altaspera@gmail.com

В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация.

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

Перед вами литературное произведение.

**Все совпадения имен и фактов случайны и
непреднамеренны.**

...Нет ничего тайного,
что не сделалось бы явным...

Евангелие от Луки 8:17

ПРЕДИСЛОВИЕ

Православный священник решил открыть двери своего дома всем нуждающимся. Много лет там жили несчастные. Он любил их по мере сил и всем обеспечивал, старался всегда поступать по-евангельски. Люди отмечали, что в церкви при этом доме царила особая благодать и умиротворение, а атмосфера, создаваемая священником, была доброй и ласковой.

Многие полюбили этот дом. Туда приезжали не только несчастные, но и те, кто хотел им помочь. Жили вместе, весело и уютно. Конечно, случались и эксцессы, но в основном этот уголок был успешной попыткой жить по-евангельски.

Даже те, кто не бывал в этом доме, слышал о том, как много людей он принимает и как щедро получают в нём те, кто, вероятно, уже и не надеялся на человеческое отношение к себе. Дом, способный

впустить и приютить самых разных людей: от интеллигенции, писателей, паломников до тех, кого люди редко подпускают к себе, – больных, обездоленных, никому порой не нужных. И это радовало и удивляло всякое христианское сердце. То, что христиане носят в сердце как некий неисполнимый идеал, в этом доме было воплощено в реальность. Вот где живое христианство, действенное, очевидное и непревзойдённое. Это не игра в христиан, не мимикрия под благочестие.

Цепь гонений не смогла разрушить этот дом и храм. Но оказалось, что разрушение таилось внутри дома. Матушка, внешне поддерживая супруга, скрыто и люто ненавидела его и всё, что он делал, а также всех, кто жил в этом доме. Ненависть разъедала её душу, пока не произошёл взрыв.

Дом и храм были разрушены. Матушка ушла от мужа и забрала детей. Батюшка, не ведая истинных причин таких действий самого родного ему человека, впал в отчаяние, подал прошение о снятии сана и отошёл от веры.

Супруги не виделись полгода. Бывшая жена стала очень жестокой и циничной и при встрече, чтобы окончательно добить бывшего батюшку, нагло при свидетеле призналась раздавленному мужу и даже представила доказательства, что всегда страдала скрытой сексуальной зависимостью. Она пыталась с помощью церкви подавить свою пагубную страсть, но её муж ничего об этом не знал и потому не мог ей помочь. Тогда она разрушила церковь и приют, а также прогнала мужа, чтобы получить свободу и предаваться пагубной страсти со многими женатыми мужчинами и даже принимать от них деньги.

Супруга полностью отошла от веры и пользовалась в этом поддержкой остальных членов семьи. Дети отвернулись от бывшего батюшки и всеми силами пытались выдать мать замуж за богатого человека, люто ненавидя отца.

Звучит совершенно невероятно. Потеря такого дома, –безусловно, трагедия, однако доброе сердце осталось, а значит, и впредь оно будет всеми возможными путями помогать всякому, кто

обратится за помощью. Но настоящая трагедия – это потерять такое сердце, возненавидеть людей и Бога; истинное несчастье – обесмыслить всё, что было в прошлом, всё, что было сделано с огромным трудом, ибо такой подвиг созвучен Христу, а значит, усилия прошлого наполнены самым высоким смыслом. Можно спросить у всех тех людей, что согрелись и получили любовь и пищу в этом доме: были ли они спасены и обрели ли надежду? Все они в один голос благословят того, кто окружил их заботой и неравнодушием.

Батюшка, узнав истинную причину произошедшего, покаялся в своём отходе от веры, вернулся в церковь обычным прихожанином и стал молиться о бывшей матушке, продолжающей разрушать себя и близких. Всех потрясли события, описанные в этом романе.

ПРОКЛЯТИЕ

«Будь ты проклята за то, что ты наделала!». Слова имеют силу яда. Хорошо настоящего, крепкого. Но чем ещё отплатить за разрушение всего? Взорваться раскатом грома, испариться, рассыпаться прахом?

В канун Рождества бывший православный священник, вернувший себе мирское имя Герберт, не хотел ехать на встречу с младшим сыном. Жена оставила его, забрав ребёнка. Герберт не понимал причин происходящего. Супруга обвиняла его в том, что он любил чужих людей больше, чем родную семью, и во многих других вещах. Однако Герберт чувствовал, что есть истинная причина всего событий, но не мог её понять.

Десятилетний сын материл Герберта по телефону, обвиняя во всём случившемся и упражняясь в словах, не свойственных десятилетним детям. Мать его не сдерживала и этим лишь явно поощряла.

Но Рождество – особый случай. Герберт выбрал игрушку – коробку с каким-то пластиковым трансформером – и явился на место встречи в затрапезный «Макдоналдс».

Сначала Герберт заметил её. Она была совершенно чужой, внешне невозмутимой, но всё равно как-то неприятно взволнованной. На некотором расстоянии он увидел и остальных членов семьи. Повзрослевший двадцатитрёхлетний Джейк играл кислой усмешкой на самодовольной физиономии, рядом вилась его подружка. Через минуту Герберт заметил новоиспечённого мужа своей старшей приёмной дочери Энжелы. Отцом зятя был инспектор местного муниципалитета – официальный разрушитель приюта и церкви. Все члены семьи источали мощные волны неприязни, и Герберт не решился подойти к ним, невольно бросив со своего места: «Вся банда в сборе». Ему не ответили.

Вдруг появился Патрик – лебединая песня, последняя любовь Герберта, его милый сынишка, на которого он с самого рождения смотрел с

умилением. Герберт никогда не сердился на мальчика, не ругал его всерьёз. Любил он сына неимоверно и, как оказалось, обречённо.

Патрик заметно волновался. Сначала мальчик не решался сесть и как бы покачивался в нерешительности, словно неспелый пшеничный колос. Его светлые волосики только подчёркивали это сходство.

– Боже, как я его люблю, – Герберт щурился от головной боли, – как же я скучаю по моему малышу!

Эти мысли вызвали у Герберта вязкую боль в левом виске. Он потёр лоб и висок и с трудом снова взглянул на Патрика. Сын мялся в нерешительности, словно собирался дать пощёчину, но никак не мог собраться с духом.

Герберт написал сыну стихотворение:

Малыш! Коль стал б я королём, то отдал б королевство,
Карету, скипетр, народ и царский свой наряд!
Корону я б свою отдал и царское наследство,
Чтоб только тихо наблюдать, как длится твоё детство,
И за один твой взгляд.

А если стал бы Богом я, то небеса и землю
Отдал бы, ангелов, чертей, потоки райских струй,
Пространство, время и людей, которым я не внемлю,
За то, чтоб просто рядом быть, и счастлив был бы тем я;
За твой лишь поцелуй!

Герберт пододвинул мальчику подарок. Патрик неуверенно осмотрел коробку, из которой выглядывал трансформер; было видно, что игрушка ему понравилась. В век электроники Патрик очень любил осязаемые игрушки и мог подолгу разглядывать и ощупывать их в магазине, не решаясь остановить свой выбор на чём-то конкретном, – скорее, он получал удовольствие от самого процесса.

Патрик несмело отодвинул подарок и посмотрел на мать.

– Не смей ни в чём обвинять маму! – внезапно резко, не по-детски чётко произнёс сын. – Если ты посмеешь её обвинять, то я... я не знаю, что!.. тогда я вообще!.. Понятно? – продолжил он сумбурно. – Это я сам решил. Я не хочу, чтобы ты со мной виделся, и не звони мне. Никогда!

– Хорошо, не буду, – резко ответил Герберт, словно бы ждал этого демарша.

– Я не хочу с тобой...

– Я тоже не хочу, – добавил Герберт. Сначала его охватила непривычная злоба на сына, но потом он вдруг поперхнулся гамбургером и зарыдал. Продолжая жевать ненавистный фарш, Герберт застрочил пульками горьких слов.

– Не ожидал от вас такого предательства. Вышвырнули меня из своей жизни, ластиком стёрли! Что мне, помереть теперь? Исчезнуть?

– Ну, прости, не плачь! – испуганно произнёс Патрик и погладил своей совсем ещё детской ручонкой большую папину руку, беспомощно лежащую на грязном столе. Другой рукой Герберт, бросив гамбургер, интенсивно тёр глаза, как будто в них что-то попало. Патрик не помнил отца плачущим.

– Герберт, не надо так говорить, – вмешалась Эльза.

– Я сам решаю, как и что мне говорить! – взвился Герберт. Слезы внезапно сменились едва приглушённой яростью. – Иди, погуляй!

Эльза приподнялась, но сразу передумала.

– Ты хочешь, чтобы я ушла? – притворно мягко спросила она Патрика. Тот на мгновение задумался и пробормотал «нет». Эльза тут же села на место.

– Что я вам сделал? Я тридцать лет жил только для вас. А тебе, чем я досадил тебе? Разве я не любил тебя больше всех на свете? Не принял тебя на руки, когда ты родился? Не провёл бок о бок с тобой всю твою жизнь? Не баловал тебя? Не покупал всего, чего тебе хотелось?

Патрик задумался и упрямо повторил «нет».

– Что нет? Что я тебе сделал?

– Ты приводил в дом жить наркоманов и алкоголиков, и мама сказала, что теперь у тебя другая женщина!

Герберту эта фраза, вырвавшаяся из детского ротика, показалась какой-то неестественной, вызубренной. Неужели Эльза дала мальцу подробные инструкции о том, как надо себя вести?

Герберт, оставшись без семьи и дома, лишившись сана, встретил милую женщину и надеялся на счастье с ней, хотя связь эта была душевная, дружеская, а не плотская. Но кто в наше время в это поверит?

– Ну и зачем тогда надо было увлекаться христианством? – Герберт проигнорировал слова о женщине, ответив только на обвинение в открытии приюта в собственном доме. – Всё это прежде всего было инициативой твоей мамы. Мы должны были помогать тем, кто нуждается, и сейчас у нас дома живут несчастные. Мне выгнать их на улицу?

– А там всё ещё кто-то живёт? – вдруг с неподдельным интересом и уже вполне мирно спросил Патрик.

– Да, в твоей спальне живёт женщина с ребёнком, которой мы собирали деньги на кесарево сечение.

– Ой, она родила? – Патрик явно радовался, что разговор потихоньку поворачивал в примирительное русло.

– Да, – улыбнулся Герберт.

– И ты за всё платишь?

– Конечно! – соврал он, хотя давно уже не мог делать взносы по ипотеке, а сумма неоплаченных счетов за электричество достигла угрожающих размеров. По его расчётам, дом не успеют продать через публичные торги до весны и ещё не отключат свет – гуманное общество! Появился закон, согласно которому нельзя отключать электроэнергию до конца марта.

– Почему все твои дети тебя ненавидят? – вдруг дерзко спросил Патрик.

– Это надо спросить у мамы! Мама со мной развелась.

– Ты первый начал и ты ведь больше уже не священник! У тебя уже всё хорошо! – обиженно сказал Патрик.

– Неправда! Она начала первая. Если от священника уходит жена, то он должен снять сан – это очень древняя традиция. Твоя мама заставила меня подписать бумаги на развод в мой день рождения! И там указала, что я не могу даже привести тебя в наш дом, не могу с тобой никуда поехать!

– Это правда? – спросил мальчик маму. Та молчала.

– Ну, скажи, что это не так, – настаивал Герберт, надеясь, что Эльза хоть как-то отреагирует.

Но женщина лишь подала Патрику еле заметный знак. Малыш сначала не понял, но потом догадался. «Наверное, Эльза имеет в виду, что, если ребёнок хочет уйти, пусть скажет, и свидание немедленно прекратится», – подумал Герберт. Однако сын не торопился.

– Почему ты не продашь дом? – было видно, что Патрик любил дом, в котором родился и где прошло его детство. А вот Эльза этот дом ненавидела, поэтому Патрик спросил о продаже, с опаской поглядывая на мать. Та неодобрительно хмыкнула. «Как бы не так, продаст он!» – читалось на её лице.

– Да кому он нужен, кто его купит? Цена меньше долга, – промямлил Герберт и быстро сменил тему. – А вы всё ещё живёте в другом приюте?

– Нет, нам дали дешёвую государственную квартиру, – опять совсем не своими словами ответил Патрик.

– Я даже не знаю, где вы живёте...

– Не знаешь? – вдруг оживился Патрик и неожиданно для Герберта отрезал:

– Вот и не ходи к нам и не звони. Никогда. Ты ведь тоже неплохо устроился с новой женщиной.

Патрик резко вскочил и убежал. Мать облегчённо вздохнула и поднялась. Тут, неожиданно для всех, мальчик вернулся и посмотрел отцу в глаза; до сих пор он постоянно отводил взгляд.

Герберт пододвинул к нему игрушку, хотя чувствовал, какая будет реакция.

– Засунь её себе в задницу, – тихо прошипел мальчик и удалился. За ним поднялась и ушла мать, встали и быстро исчезли наблюдавшие за происходящим остальные члены семьи.

Герберт остался сидеть один. Головная боль прошла. Он резко поднялся, оставив игрушку и недоеденный гамбургер на столе, вышел на морозный воздух, надеясь ещё раз увидеть своих близких, уже ставших чужими. Но они словно растворились в морозной дымке.

Герберт достал мобильный телефон и внезапно написал Эльзе сообщение: «Будь ты проклята за то, что ты наделала!».

Если Я свидетельствую Сам о
Себе, то свидетельство Моё не
есть истинно. Есть другой,
свидетельствующий о Мне; и Я
знаю, что истинно то
свидетельство.

Евангелие от Иоанна 5:31

ДОМ У ОСЕННЕГО ЛЕСА

Одна писательница часто вспоминала своё сумбурное путешествие в гости к Герберту Адлеру. В те годы он ещё был священником, и этот сан ему необычайно шёл. Герберт выглядел как огромный и добродушный хозяин большого дома, эдакий плюшевый медведь.

Она, честно говоря, не ожидала, что священник, у которого было небольшое издательство, заберётся в такие далёкие места, где иногда на подворье приходит из леса медведица. Ехать пришлось несколько часов. Дом стоял у дороги, в пристройке располагалась церковь, а рядом раскинулся роскошный осенний лес.

Писательница ехала к совершенно незнакомым людям. Надо же было вдруг собраться туда, где никогда не была и куда лететь больше одиннадцати часов! Да, там её книгу выбрали для издания, потом решили провести презентацию, но прежде люди друг друга никогда не видели. Да и сами Адлеры в её лице могли получить особу с какой-нибудь жуткой придури. Но почему-то женщина была уверена, что всё будет нормально, и не ошиблась.

В аэропорту её встречали двое – Хелен и Димка. Но приезд оказался на грани срыва, потому что сотрудники паспортного контроля долго и дотошно выясняли, зачем она приехала, куда именно, к кому и на какой срок. Когда гостя уже почти утратила надежду, ей всё-таки разрешили пройти в зал встречающих. Но к тому времени там осталась лишь жалкая кучка людей, среди которых не было никого с нужной табличкой. Писательница растерянно прошлась туда-сюда, обдумывая ситуацию, как вдруг её заметили, и она тотчас же попала в эпицентр какого-то конфликта.

– Ох, простите, а мы тут! – воскликнула Хелен, уничтожающе глянув на Димку. – Это всё твоё ротозейство!

– Конечно, я во всём виноват! Это я, что ли, уходил отдохнуть, потому что табличку держать спина болит?!

– А ты где был?! Сравнил меня, пожилую женщину, с собой, молодым мужиком!

– Вот именно, я бы и один справился, хоть никто бы настроение не портил!

– Уже видели, как ты справился! Со своими-то проблемами не справляешься!

– Гос-с-поди, а это-то тут при чём?! – Димка в отчаянии закатил глаза.

– Ещё как при том! Когда безответственность – жизненное кредо...

В ответ Димка скорчил кислую гримасу и тяжело вздохнул.

Не требовалось много времени, чтобы понять: эти двое – гремучая смесь, и за время ожидания их взаимная неприязнь достигла критической точки.

– Надеюсь, этот тип довезёт вас в целости и сохранности, – произнесла на прощанье Хелен, бросив в сторону Димки испепеляющий взгляд. – Не вздумай лихачить! Батюшка доверил тебе машину!

Ох, если бы Хелен не вышла у своего дома, гостье пришлось бы всю длинную дорогу находиться между двух несовместимых миров.

Хелен – друг семьи, ну а Димка – безалаберное существо, прозевавшее срок подачи документов для продления визы и рискующее вот-вот оказаться в нелегальном положении. Батюшка обещал помочь, и Димка уже не впервые оказался под его опекой.

– Уф, вот мегера! С ней живым уж точно не доедешь, заклюёт! – фыркнул Димка с облегчением.

Весёлая же компания собралась вокруг батюшки! Однако Димка оказался хорошим водителем и по дороге успел изложить свою жизненную позицию, политические взгляды, презрение к масонам и много другой интересной информации, из которой, например, следовало, что от Северной Америки вскоре может ничего не остаться, потому что крупнейшему в мире вулкану в национальном парке

«Йеллоустон» пришла пора просыпаться. Следовательно, надо жить на всю катушку, пока живётся. Или спастись бегством. Описывая ужасы предстоящего апокалипсиса, Димка без приключений довёз гостью до места.

Это был восторг: дом окружала природа и именно то, что писательница в ней больше всего любила, – лесная тишина. Стоял разгар золотой осени, самое поэтическое время. Правда, с желтеющей листвой в эти края приходят и дожди. Классическая осень, навевающая грусть! Конечно, не сразу, но женщина заметила, что к невинной грусти примешивается какая-то другая, вовсе не поэтическая, больше похожая на уныние. С чего бы?..

Может быть, не очень радовало отсутствие прихожан в церкви? Куда приятнее, теплее, когда служба проходит при хоть каком-то скоплении народа. Но кто придёт в такой-то глуши? Тут и там – редко разбросанные дома, частная собственность, разделённая лесными угодьями. Похоже, здесь не принято по-соседски общаться. Полное безлюдье.

Добротный дом верно хранил тепло недавно ушедшего лета, поэтому камин в главной и самой просторной комнате пока пустовал без огня. Комната эта служила гостиной, но все её стены, как в заправской библиотеке, заполняли книги. Ими были забиты и многие другие места, и сама библиотека – смежная комната с письменным столом. Гостье вспомнилась её российская квартира, где книги простирались по стенам до самой прихожей. Да, были времена!.. Но тут было ясно, что этот дом, подобно старому интеллигенту, расставаться со своей обширной коллекцией книг не намерен, несмотря на повсеместный Интернет и прочие возможности тотальной компьютеризации. Ну и хорошо.

Гостиная казалась какой-то сумрачной, может быть, из-за пасмурной погоды, Не спасали и огромные окна, перед которыми раскинулся заброшенный бассейн, внося в лесной пейзаж досадный фрагмент запустения. А тут ещё Димка успел поведать, что жизнь в стране тяжёлая, местные – сволочи, а иммигранты все неустроенные и

несчастные. Правда, он и в других странах успел пожить, но там тоже плохо.

Такие разговоры как-то не способствовали безмятежности. Да ещё молодая женщина, которую тоже временно приютили в этом доме, рассказала свою невесёлую историю о неудачном замужестве и скандальном разводе. Теперь она вынуждена хвататься здесь за любую работу, даже самую *непристойную*, чтобы содержать ребёнка, которого успела вывезти за границу от отца, грозящего лишить её родительских прав и заточить в психушку. «Надо же, как кругом всё плохо! – думала гостья. – И дом почему-то кажется пустым. Где все?».

Однако дом, производивший впечатление почти пустого, был вполне себе наполнен людьми. Они изредка мелькали в кухне, тихо спускаясь с верхнего этажа, а потом надолго исчезали в своих небольших комнатах и затихали. Как выяснилось, это бездомные, которым некуда деться. Чем они живут, что делают целыми днями?

Как часто бывает в гостях, свободного времени оказалось с избытком, и писательница, помимо

прогулок, иногда праздно слонялась по дому и двору. Но не она одна предавалась такому занятию. Ещё слонялись две кошки, собака и мальчик по имени Патрик, сын Герберта и Эльзы. Он находился на домашнем обучении, и каждый вечер Эльза добросовестно отрабатывала с ним школьную программу. Чем ребёнок занимался всё остальное время, было непонятно. Его гостья видела чаще других. Они с мальчиком о чём-то беседовали и даже пытались декламировать какие-то стихи, но...

— Было время, когда мы ни в чём не нуждались, имели достаточно денег, чтобы позволить себе такой большой дом, — объяснил гостье Герберт. — А теперь, можно сказать, отрабатываем это наше бывшее чрезмерное материальное благополучие и разделяем свой дом с теми, кто оказался в бедственном положении. Для моей семьи из трёх человек такое жильё слишком велико. А старшие дети, Энжела и Джейк, уже живут отдельно.

Ясно, что перед гостьей был человек неординарный, склонный глубоко погружаться во всё, за что бы ни взялся. Он принял сан священника

и решил реально творить добро. Вот только добро это оборачивается неприятностями. По законам предоставить свою жилплощадь совершенно посторонним людям и остаться безнаказанным не так-то просто. Посыпались административные письма, потом начались суды и даже аресты. Одно из писем пришло как раз в то время, когда писательница гостила у Адлеров:

«На какие средства живут в вашем так называемом приюте эти бомжи? Если на выделяемое им государственное пособие, то как знать, не сдаёте ли вы часть жилплощади этим людям в аренду и не уклоняетесь ли таким образом от налогов? А если они проживают у вас на ваши средства и вы содержите их сами, то не является ли это основанием для прекращения выплаты пособия данным лицам?».

— Вы видите, какая логика? — возмущался батюшка. — Да, мы действительно из личных средств оплачиваем все коммунальные услуги, покупаем продукты для этих бедолаг, потому что с них взять нечего. Нет бы поощрить, помочь в нашей деятельности, так вот вам, пожалуйста!

Гостья была поражена: человек из благих побуждений взвалил на себя такую миссию, а его травят. Если сдавать жильё внаём ради бизнеса, то уж, конечно, не каким-то неблагополучным и подозрительным лицам, среди которых попадаются и пьяницы, и наркоманы, и ещё неизвестно кто. Какой здравомыслящий пойдёт на это ради наживы? Первое, что приходит в голову, что в таком роскошном поместье можно было сделать пансион для людей с достатком, желающих отдохнуть на природе, попариться в баньке, (благо, она в этом доме имелась) и поплавать в бассейне. А тут ведь, оказывается, и бассейн не без причины заброшен – на эту роскошь уже нет средств.

Но настоящий служитель церкви должен быть далёк от суеты с целью набить себе карманы, и батюшка увлечённо следовал этому принципу.

Матушка, радушно встретив гостью в день приезда, даже не присела со всеми за стол, похлопотала на кухне и исчезла. Как вскоре выяснилось, каждый здесь мог обслужить себя сам, залезть в холодильник, достать... Вот тут вопрос! Что

достать, своё или общее? Оказалось, что своего там не было, всё было общим. И это загадка. Если каждый из постояльцев что-то возьмёт из холодильника или положит туда, как планируется приготовление еды? Впрочем, гостя как-то не замечала строго отведённого времени на завтрак, обед и ужин. Она решила не вдаваться в подробности существования обитателей такого необычного дома.

Батюшка всегда оставался приветливым, невозмутимым, с неизменным чувством юмора:

– В этом доме не всякий день встретишь всех, кто тут есть, но попадётся мне на глаза – получите душеспасительную беседу.

Наверное, это нормальная семья, они живут так, как считают нужным, ведь состоят в браке с самой юности. Значит, ладят. И всё-таки сохраняется странное чувство какой-то недосказанности. На фоне видимого благополучия гостя совершенно бессознательно, поневоле проникалась истинным настроением семьи. Угадывалось какое-то

неуловимое беспокойство, невидимая щель, куда потихоньку ускользала радость бытия.

Писательнице отвели прекрасную комнату, и было заметно, что самой хозяйке приятно доставить гостю удовольствие. Лишь в это время удалось застать матушку в состоянии оживления, и то на какой-то миг. А в основном ей была свойственна замкнутая озабоченность, если не сказать подавленность.

Такое лицо гостя уже где-то видела. Да, видела – у жены одного раввина, как-то пригласившего её к себе на субботнее застолье. Скромная квартира, просто тесная для такой большой семьи с пятью детьми, по всей видимости, родившихся друг за другом. Странная для неё кухня, разделённая на две части – молочную и мясную – по всей строгости Галахи. Углы, заваленные тряпьем, до которого у многодетной матери не доходят руки... Но главное – какое-то тусклое настроение хозяйки дома. Она молчит, раздаёт еду, но не хватает чего-то в человеке, и всё тут. Может, раввин на самом деле муж-диктатор? Или виной всему хронически однообразная жизнь? Если однообразно счастливая,

тогда ладно, но тут, похоже, с однообразием всё в порядке, а вот со счастьем туго. Почему? Ну, в случае с женой раввина можно допустить, что причина – бытовая замороченность, когда жизнь как движение робота, чётко и бесконечно производящего одни и те же действия. Так живут многие, но не все это осознают, а вот для творческих натур подобный образ жизни губителен. Так может быть, в матушке подавлено творческое начало, которому некогда голову поднять в вечных заботах о таком большом и многолюдном доме? Гостья слышала, что матушка пишет стихи, любит рукодельничать.

Наступил День благодарения с традиционной индейкой. Среди постояльцев дома один оказался бывшим поваром, и его чрезвычайно увлекал процесс приготовления этой птицы. Когда откормленную великаншу разморозили, жилец буквально вцепился в неё, так что индейка сейчас же попала в опытные, жадные до привычного дела руки. Приятно смотреть, а главное – забота с плеч. Но в матушке почему-то не замечалось никакого праздничного подъёма:

– Ох, батюшка меня просто задолбал этой индейкой! Можно подумать, без неё конец света настанет.

Но хозяин просто хотел раз в год сделать своим постояльцам приятное на праздник.

Индейка получилась превосходная. Вечером гостя впервые увидела всех жильцов одновременно за большим кухонным столом, и у неё отлегло от сердца. Нет, всё в этом доме нормально, просто что-то показалось. Наверное, и правда всего лишь осень, дожди...

В дальнейшем писательница с сожалением узнала, что тревожное предчувствие её не обмануло. На этот дом всё-таки свалились большие неприятности. Но самое печальное, что утверждалось, якобы благотворительная деятельность батюшки довела семью до распада, в то время как реальная причина крылась совсем в другом. И вовсе не благими намерениями устлана дорога в ад; ад пожирает всякие благие намерения.

ПЛЮШЕВЫЙ МЕДВЕДЬ

Всякий человек, наверное, должен представлять или хотя бы догадываться, кто он такой на самом деле. Из всех многочисленных ролей есть одна самая главная, глубинная, неподдельная. Тут уж и правда не имеет значения чужое мнение. Раз говорит человек, что он видит себя так, а не иначе – значит, так и есть!

Герберт не хотел взрослеть. Помните, как было в «Маленьком принце» у Экзюпери? «Я долго жил среди взрослых. Я видел их совсем близко. И от этого, признаться, не стал думать о них лучше».

Ему не нравился этот мир разводов и браков, шантажа и лести, заводов и фабрик, тюрем, больниц, кладбищ, притонов, парламентов, а также районных игровых домов.

Он говорил: «Я плюшевый медведь». Конечно, при этом за свою жизнь он успел побывать многим. Кем бы он ни был – подлецом ли, хоть и не чуждым щедрости и благородства; лицемером ли, хоть и откровенным до основания; священником, хоть и

отчасти безбожником; бесом, святым, бизнесменом, учёным, профаном, специалистом, шарлатаном, философом, выскочкой, писателем, плагиатором, поэтом, графоманом и много, много ещё кем, но сам-то он считал и верил, что прежде всего он плюшевый медведь. Грязнуля, обжора, но милый и ласковый, как Винни-Пух.

На этом и зиждился величайший диссонанс его бытия. Потому что плюшевый медведь не может быть ни подлецом, ни лицемером, ни святым, ни священником – да вообще никем, кроме себя самого. Плюшевый медведь может быть только *плюшевым медведем* и никем другим.

Но мир не соглашался с таким определением Герберта, и поэтому тот был обречён на неразрешимый и вечный конфликт.

Никто не мог сказать Герберту, что он не плюшевый медведь – ласковый, наивный, милый. Потому что он сам видел себя именно таким.

Конечно, ему никто не верил. В реальном мире нет места плюшевым медведям.

Он превратил свою избранницу Эльзу в плюшевого зайчика и любил её так, как не может любить человек. Он боготворил её, создал из неё себе кумира и поплатился за это.

И в этом была самая страшная, самая пронзительная трагедия его жизни.

ЕВАНГЕЛИЕ НЕ ДЛЯ ТЕБЯ

Эльза вполне внятно выражала своё недовольство:

– Послушай, Герберт, что ты от меня хочешь? Ты даже блядью меня назвал (совершенно непонятно, за что) и мокрицей, и плесенью, и ничтожеством, что вообще являлось и является твоим самым откровенным мнением обо мне.

– Прости меня, но ты сказала, что хочешь найти себе другого мужа.

– И вся эпопея с твоим священством – в том же ключе: жажда власти, жажда руководить во что бы то ни стало и всех нас держать в кулаке. И ещё как

можно больше народа туда засунуть. Только кроме нас никто не торопился – приход твой был пуст.

– Приход – не бизнес и не должен славиться количеством прихожан. И власти я никакой не хочу. Нас многие знают, и с тобой не согласятся.

– То, что у тебя четыре тысячи друзей в «Фейсбуке», ничего не говорит, кроме плохого. Виртуально морочить людям голову гораздо легче. Ну, несколько лет попритворялся и хватит.

– О чём ты? За эти годы у нас побывало более тысячи человек, и жили у нас в доме совсем не виртуально. Уж они бы точно заметили, что я хочу власти, и говорили бы об этом. Но так говоришь только ты!

– Как ты мне сказал? Религия была создана, чтобы держать народ (то есть меня, видимо) в узде.

– Я говорил об этом с сожалением... И вовсе не хотел держать тебя в узде.

– Не получилось с уздой – в помойку её. Всё забыл, что от священства поимел когда-то: и чудеса, и возможности бесов гнать в самом начале «карьеры». Всё прекратилось, когда другой священник, который

помог тебе принять сан, стал врагом номер один. Даже уже вспомнить не могу, за что ты с ним поссорился.

– Он не стал врагом. Просто по своей прихоти решил развалить приход, наживался на всём что можно, а когда я возразил, подмётными письмами пытался лишить меня сана.

– С ним ты не сохранил отношений даже после примирения в алтаре, через митрополита.

– Да я бы рад, но он и сам не пожелал со мной общаться. Украл у нас двенадцать томов богослужебных книг! Пришлось их покупать заново.

– Какой бы он ни был человек и священник, он твой брат во Христе. Но для тебя это пустой, ничего не значащий звук. Евангелие написано для других, чтобы *ты* им растолковывал. Когда оно касается тебя, ты находишь себе тысячу оправданий, можно даже отказаться от венчанной жены.

– Я не отказывался от тебя. Ты сама ушла!

– И ты не постыдишься сказать это в церкви другому священнику, которому так или иначе исповедовался несколько лет. Вернее, писал списки

своих грехов мелким почерком на нескольких страницах.

– Я старался как мог.

– Может, для Патрика и особенно для Джейка ты создал вокруг себя духовную атмосферу?

– Но Джейк сам вёл себя ужасающе, приводил пьяные компании в наш дом при храме, а я только тихо возражал, не гнал его. Как тут создать духовную атмосферу?

– Ты очень любишь Патрика. Что ты сделал для сына в его интересах? Построил ли дом, где он может спокойно жить, чтобы к нему никто не приставал ежеминутно, чтобы он не наблюдал пьяные драки и разборки день за днём?

– Если бы ты не провоцировала постояльцев, у нас бы и драк не было. Эльза, ты сводила жильцов с ума своей желчностью.

– Тебя интересовал только уровень твоей жизни, свобода для авантюр, ширина твоей аудитории и глубина власти. Ты жил, исходя исключительно из этих параметров. И требовал, чтобы все мы – и я, и дети – слепо и покорно шли за тобой. Потому что

ты – капитан. У матросов права голоса нет и быть не может. И уволиться с твоего корабля нельзя – это предательство. А то, что ты творил, – это не предательство?

– Я всегда предлагал снять отдельную квартиру для семьи. Но тебе эта идея не нравилась. Почему-то тебе обязательно нужно было разрушить приют и храм вместо того, чтобы просто тихо отойти в сторону, жить отдельно со мной нашей обычной семейной жизнью. А в приют я ходил бы как на работу, а ты вообще могла бы там не появляться. И теперь ты меня лишаешь возможности общаться с сыном. За что?

– С Патриком ты будешь общаться, только если он захочет. Его отчуждение – дело твоих собственных рук, я говорила тебе это давным-давно, ещё когда мы вместе жили в твоём доме, когда ты заходил в его комнату и орал на меня и на него заодно часами.

– Если я и говорил что-то резким тоном, то от отчаяния. Я не мог понять, почему всё, что бы я ни

делал, ты считала неверным. Сама же ничего делать не желала, только возмущалась и критиковала.

– Патрик пытался что-то сделать, чтобы прекратить твои наставления и этот кошмар, но ты был на коне, тебе было не до нас. Ты точно знал, как надо жить: кого приводить в дом, как я должна угождать тебе и всем бродягам под чёткую дробь твоих распоряжений. И после того как мы ушли, ты не сделал ни одного движения, чтобы договориться. Ты поехал в монастырь, наверное, становишься игуменом, ведь для простого монаха корона великовата. С игуменством не прошло, там сами все игумены. Альтернативой были только проститутки.

– Я не спал с проститутками! У меня вообще никогда не было женщин, кроме тебя! Я пытался спасти падших женщин, и многих отвратил от этих занятий.

– Вернуться обратно, служить на месте, попытаться всё сохранить и вернуть – невозможно. Ничего ведь не произошло, всё можно было восстановить. Я у тебя под мышкой, дом твой не

унесла. Даже если бы там проживало мало людей, тебе бы продолжали помогать.

– Дом был разрушен тобой, о чём ты говоришь!

– А со мной договариваться – гордыня из ушей лезет: как это я, твоё домашнее животное, мокрица и ничтожество, поломойка и доярка, смела тебя, такого талантливого и неотразимого, бросить. Я должна была ниже грязи сидеть и ждать, когда ты себя и меня окончательно засадишь в тюрьму своими авантюрами, а Патрика – в приют. Или свечку держать тебе с какой-нибудь бабой, а сын будет это наблюдать. Или на улицу вышвырнешь – ты ведь хозяин всех и вся и всегда делал только то, что хотел.

– Ну, странно так говорить при твоём сегодняшнем образе жизни. Сама рассказывала, как ты с тремя разными мужчинами, без любви, только по воли похоти...

– Потрахалась, получила свою дозу счастья и живу дальше. Не так, как ты, с твоим лицемерием. С одной стороны, ты всех заглаживал и задаривал, чтобы они были довольны. Потом меня и старших

детей посадил на антидепрессанты и держал так много лет, хотя препараты изначально выписывали тебе, когда ты уже ходить не мог от внутренних противоречий.

– Да, но оказалось, что эти лекарства снижали твоё либидо и хоть как-то сдерживали развратную страсть. Ты ведь обманывала меня, что интим тебя не интересует!

– Интим с тобой меня не интересовал.

– Ты отказалась от таблеток и слетела с катушек.

– Но и тебе тоже прикрывать уже нечего, ты чётко выбрал свой любимый шаблон поведения а-ля твоя мама – всех материть и требовать любви, послушания и благодарности. Так что не только моя семья такая страшная: они, мой отец и дед, хотя бы разошлись по разным углам и не тиранили друг друга всю оставшуюся жизнь. Твои же ненавидели друг друга на близком расстоянии. Одной ненависти твоей мамы к свекрови или собственному брату хватило бы на небольшой город, не говоря уже о ненависти между ней и твоим отцом. Ей, как и тебе, всё время необходим был враг, она никогда не брала

на себя ответственности за свои взбрыки, всех колотила и физически, и словесно без остановки. Я думаю, диагноз у вас общий, и факт, что я столько лет прожила в мире с вами обоими, не говорит об его отсутствии. Когда власть оказывается не такой сладкой или вовсе ускользает из рук, вы сжираете всех вокруг без разбора. Она – своих детей и мужа, ты – своих детей и меня. Отец твой ещё у нас в доме орал со слезами, что ему надо было с ней сорок лет назад развестись. Так что у тебя наследственность тоже ещё та, есть чем похвастаться.

– С этим я не спорю, родители у меня были сложные. Но я, ей-богу, не ищу себе врагов!

– Ты говоришь мне, чтобы я не питала иллюзий, что ни о каком восстановлении супружеских отношений со мной не может быть и речи.

– А ты предлагаешь мне стать твоим четвёртым мужчиной?

– Ты говоришь о том, что желаешь добра и о восстановлении отношений если не со старшими детьми, то хотя бы с Патриком.

– А что же в этом плохого? Я не думаю, что твоё влияние пойдёт сыну на пользу, особенно учитывая твою личную жизнь.

– Моя личная жизнь – совершенно не твоё дело. И уж тем более никак не дело десятилетнего мальчика, которому вообще рано знать о близких отношениях между мужчинами и женщинами. Ты говоришь, что я манипулирую системой, детьми, твоим братом, общими знакомыми, чтобы манипулировать тобой. Послушай, что я тебе отвечу. У меня никогда не было к тебе ревности, включая твою женщину, с которой ты живёшь сейчас. Наличие или отсутствие у вас интима никак не меняет дела. Я охотно поверю, что вы живёте как брат и сестра. Хотелось просто понаблюдать, как ты будешь себя вести и чего от меня требовать в случае восстановления отношений. Все вокруг мне говорили, что будет намного хуже, чем было до разрыва. Я не верила. Думала, что в тебе есть что-то хорошее, что-то доброе и справедливое, остатки если не любви, то милости. Но их нет! И видимо, и не

было никогда. Одно враньё длиной в двадцать написанных тобой томов и тридцать лет.

– Враньём занималась как раз ты все эти годы.

– То, что ты пытаешься создать сейчас – это новая аудитория из твоей женщины и Патрика. Так вот, Патрику морочить голову тридцать лет, как мне, у тебя не получится. Он будет видеть тебя таким, какой ты есть, сразу. Остановись на варианте аудитории поклонников из одной твоей женщины, насколько у неё терпения хватит, конечно. А теперь можешь вредить и мстить мне, сколько тебе заблагорассудится.

– Я вовсе не собираюсь тебе мстить.

ТЫ РАЗРУШИЛА НАШ МИР

– Эльза, ты разрушила наш мир, мой мир до основания и невосстановимо. Ты разрушила меня, словно с дулом у виска принудила рухнуть в бездну. Придала кислый, тошнотный вкус всему, что было до сих пор в моей жизни. О, лучше б ты меня убила, отравила или как угодно!

Наш ласковый лес опустел и обуглился.

Не знаю, какая дьявольская сила могла подвигнуть тебя на такую безжалостную подлость, настоящее насилие. Ты лишила меня дома, семьи, детей, смысла жизни – всего, чего только можно было меня лишить. Ты меня лишила *меня самого*. Меня больше нет. Ты не просто уничтожила семью, ты стёрла саму идею *меня*, сам принцип, саму мою первооснову.

Все самые страшные преступления, самые отвратительные гнусности оправдываются самозащитой – например, как комитет общественного спасения, как высшая мера социальной защиты. И это неудивительно.

С чего ты взяла, что я собираюсь причинить вам какой-нибудь вред? С самого начала истории я ничем не выказывал таких намерений, я послушно подписывал документы и выполнял все твои просьбы. Пока что вред причиняла мне только ты. Зачем так жестоко, так неотвратимо поступать с человеком? Особенно если учесть, что

воображаемые тобой действия, от которых ты себя защищаешь, никогда не произойдут.

С чего ты взяла, что я собираюсь вам мстить? Ведь вы – мои кровинушки. Как же я могу желать вам вреда?

Но ты не веришь и оправдываешь этим свою жестокость, применяя ко мне высшую меру социальной защиты, практически уничтожая меня. И самое обидное – я не помню, чтобы за тридцать лет ты была настолько жестока с кем-либо ещё.

Да, твои опасения можно понять. Стоит допустить меня, дать мне возможность говорить, как все твои доводы рассыплются, словно карточный домик. Поэтому нужно заставить меня молчать. Но недаром говорят: если любишь – отпусти. Значит, таким образом я проявляю наивысшую степень своей любви к тебе. Я тебя отпускаю.

Ты имеешь дело с выдуманным тобой фантомом. Более того, что бы сейчас ни случилось в твоей жизни, ты будешь подозревать, что это результат моих злых намерений или проклятий. Ты глуха на своём пьедестале самозащиты.

Конечно, в молодые годы я был довольно мстительным человеком, безжалостным в бизнесе, преследующим своих обидчиков и конкурентов. И теперь ты предположила, что, отойдя от Церкви, я вернусь к своим старым взглядам. Но к вам это не относится! Впрочем, для меня в любом случае не будет возврата к прежнему: идея мести мне опротивела, хотя твоя клика во главе с вашим новым родственником – инспектором, разрушившим нашу церковь и жизнь, – более чем заслуживает отмщения. И всё же вам нечего опасаться.

Ты приняла мою веру за слабость, как это часто бывает. Тебе было плевать, что людям, жившим у нас в доме, наша помощь была нужна как воздух; в свою очередь, люди, жившие у нас в доме, сами были необходимы мне как воздух. Потому что увлекаясь бедами чужих, я забывал собственные несчастья. Теперь мне этого сильно не хватает, хотя и кажется, что многое сделанное нами было абсолютным безумием. И действительно, без крепкой веры всё совершённое не имеет никакого

смысла. Даже больше: как оказалось, это не имеет смысла и с верой.

В прежние годы я прилагал максимум усилий, чтобы обеспечить родных всем, в чём они только могли нуждаться, исполнять их самые сложные фантазии. Но что бы ни делалось, что бы ни происходило, всё оказывалось ненужным, излишним, невостребованным. Стоило чему-нибудь пойти не так, и я всегда оказывался в этом виноват. Впрочем, вы были недовольны, даже когда дела шли как надо.

По твоей логике получается, что в своей новой прихоти обратиться к церковной жизни я вновь попытался дойти до некоего безумия и, соответственно, опять оказался неправ, теперь уже навсегда.

Но главным обвинением против меня можно считать утверждение, что я не способен на любовь, что всё испытываемое мною по отношению к жене и детям – не глубокое чувство, а холодный расчёт или некая иллюзия. Однако утверждать такие вещи нельзя, потому что у любви нет стандарта. Конечно,

есть Божественная любовь, но о ней мы сейчас говорить не будем (потому что она требует добровольного самораспятия и настолько граничит с оголтелым садизмом по отношению к тем, кого любит Бог, что тут недалеко и до ереси).

Я говорю о любви обыкновенной. Заявление, что человек не может и не умеет любить, мне кажется бессмысленным. Только сам человек может сказать, что в его понимании есть любовь, испытывает он это чувство или нет. Я верю, что любил всецело, всепоглощающе. Я отдавал себя всего, испытывал самую ласковую нежность, какую только возможно вообразить. Я придумывал чудные названия своим домочадцам, всячески баловал их, ласково внимал каждому их слову. В чём ещё должна проявляться любовь?

В свою очередь, члены семьи тоже заявляли, что любят меня. Любят, но ненавидят всё, что связано со мной, – моё священство, моё творчество, мой дом, библиотеку, моих друзей, бизнес, моё прошлое, настоящее и будущее – всю мою жизнь.

В этой ситуации взаимные обвинения в нелюбви не имеют никакого смысла. Конечно, если применить светские мерки, я кажусь безумным фанатиком: пустил к себе наркоманов, разрушил дом. А если оценивать по меркам христианства, то как же поступать иначе? Разве можно проповедовать одно, а совершать другое? *Как может уживаться любовь к ближнему вместе с лютой ненавистью к нему?*

В этом и есть наше с тобой различие, Эльза: я не могу жить, когда меня раздражают противоречия, а ты даже не замечаешь этих расхождений и несоответствий.

По твоему мнению, я сделал всё это, чтобы довести ситуацию до абсурда и тем самым сбросить с себя бремя семьи. По твоим словам, я использовал христианство, чтобы наносить им удары тебе по голове, доводя все предписания до буквального исполнения: «Раздай всё, возьми крест и следуй за мной». Я создал для тебя невыносимые условия существования, приводил в дом наркоманов, алкоголиков, сумасшедших, подвергал тебя и ребёнка опасности. Я будто сошёл с ума; но в

действительности совершал эти действия намеренно и целенаправленно, чтобы избавиться от жены.

Конечно, можно принять к рассмотрению и такой вариант. По твоему мнению, во мне никогда не было веры, я просто уцепился за православие как за средство освобождения себя. Но зачем нужно было выбирать такой сложный, долгий путь длиной в девять лет? Путь страданий, лишений, ощущения себя абсолютным идиотом? *Наверное, это всё-таки была настоящая вера.*

Не зря апостол Павел говорил, что вера наша для эллинов – безумие, а для иудеев – соблазн. Наша вера – безумие. Нужно либо придерживаться её, либо вообще не ступать на этот путь.

Но что тут можно поделать? Трудно представить себе более пошлого положения, чем то, в котором оказался я. Наверное, поэтому католическим священникам запрещено жениться. Ведь семья – это всегда своеобразная группка людей, тянущая всё себе в коробочку, откладывающая только для себя, неспособная на самопожертвование. И как бы православные ни клеймили и ни ругали католиков,

видимо, те приняли правильное решение о безбрачии своего священства.

Теперь ты освободилась от меня и теперь ты – солнце в своей вселенной. Если говорить о власти, то ты её получила сполна. Отныне всё исходит и возвращается к тебе. Сейчас ничто не мешает тебе жить так, как ты считаешь верным. И я не буду критиковать плоды этой жизни, хотя они весьма очевидны. Младший сынишка увлекается играми, где чудовища вырывают друг другу сердца, а старший посещает психиатров, и живёте вы в таком же районе среди наркоманов и их детей – мало что изменилось! И это только то, что мне известно. О том же, что от меня сокрыто, мне остаётся только догадываться.

Казалось, что между нами никогда в полной мере не было понятия «вместе», понятия «мы». Другие пары переживали войны, голод, тюрьмы, концлагеря, эпидемии, нашествия инопланетян – что угодно и при этом оставались вместе. Тебя же сломила обыкновенная зависть к тому, что другим незаслуженно хорошо в твоём доме. Ты сама

говорила о себе в минуты прозрения: «Я разрушила нашу церковь! Я старая завистливая дура!».

Для меня ты и дети составляли стержень моего существования. И когда я лишился его, жизнь потеряла всякий смысл.

А ты всегда блюла некий собственный интерес, мало мне доступный, непонятный. Богомолочка! Не зря ту пакостную козявку называли самкой богомола. Вот ты и загрызла своего самца.

Ты вышла победителем в войне, которую *я не вёл*. Я не боролся и не жаждал власти. Просто кто-то должен был что-то делать. И этим кем-то всегда оказывался я. Я делал всё, но только не воевал с тобой. Нетрудно выиграть, когда противник не нападает и не оказывает сопротивления. За исключением нескольких приступов бешенства, которые можно пересчитать по пальцам, я не сделал ничего дурного — так, немного покричал в телефонную трубку да написал дюжину сердитых стихов. Произошло это в момент, когда твои действия и слова стали настолько вопиющими, что никакое ангельское терпение не помогло бы их

выдержать. Даже когда я тщетно пытался спасти церковь и нужна была твоя подпись, ты по-прежнему блюла свою пользу.

Впрочем, всё равно, после того как ты переступила порог нашего дома и ушла, уже ничего нельзя было изменить. Все мои усилия были напрасны. Также я отчётливо понимал, что и остановить тебя мне не удастся.

Договариваться с тобой было бесполезно. Ты бы обманула меня и, приблизив, добила бы окончательно. И ты это знаешь.

Вера и любовь несовместимы с лицемерием. Ты обвиняешь меня во лжи, но я говорю то, что думаю, — до самой подноготной, самой правдивой сути. Я же не обвиняю тебя ни в чём и не надеюсь на суд Божий. Тот, кто так несправедливо поступил со мной при жизни, вряд ли рассудит лучше после смерти. Да, и хороша ложка к обеду.

Любовь делает человека слабым, но в то же время и сильным; беззащитным и в то же время защищённым.

Беззащитным – оттого, что человеку всегда есть о чём беспокоиться – о предмете своей любви. Любящему человеку всегда есть что потерять. Защищённым – потому что у человека всегда есть тот, кто все свои молитвы и заботы обращает ему на благо.

Человеческий разум оправдает и объяснит что угодно. Поэтому ни оправдания, ни объяснения не имеют никакой ценности. Ещё меньше смысла несут слова о любви и желании примириться в то время, как действия говорят совсем о другом.

Я никак не ожидал, что ты так поступишь со мной. Конечно, в ответ мне тоже следовало совершить неожиданные для тебя поступки, и я сделал это. Но если все твои действия оказались направлены против меня, то я всего лишь пытался сохранить свою жизнь и построить её заново.

Отсутствие любви делает человека неуязвимым и совершенно беззащитным.

Неуязвимым – потому что нечего бояться потерять; беззащитным – потому что незачем жить.

ТЕМНИЦА, О КОТОРОЙ ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ

Старшему сыну Джейку тоже было что сказать Герберту:

– Какой бы ты ни решил сделать следующую главу своей жизни, знай, что ты остаёшься моим отцом. Если ты объявишь себя банкротом, найдёшь работу на полную ставку и запишешься на приём к психиатру, я помогу тебе снять квартиру и купить подержанный автомобиль. В противном случае будь осторожен и знай, что в моём сердце нет ненависти к тебе. Мне жаль тебя и я тебя люблю.

– Послушай, Джейк, я всю жизнь работал так, как тебе и не снилось, у меня три работы, и помогать мне искать четвёртую не надо. Ты предлагаешь устроить мою жизнь при том, что до сих пор тебе ни разу не удавалось устроить свою! Если всё дело заключалось бы в жилищном вопросе, то это было решаемо! Я не мог жить в трёхэтажном доме только с моей семьёй из трёх человек, зная, что другие нуждаются в еде и приюте. Этот дом я построил для вас. Я надеялся, что вы с сестрой приведёте в него своих супругов, и

мы будем жить каждый на своём этаже, но в то же время вместе. Мы с Эльзой нянчили бы внуков, и ей не нужно было бы заводить зверьков, чтобы утолить материнский инстинкт. Тогда не нужно было бы никого приглашать жить в наш дом. Но помнишь, как было в Евангелии? Когда на пир не пришли друзья, хозяин дома позвал бродяг!

Но с Эльзой дело оказалось совсем в другом. Она никогда не хотела такого дома и отвадила вас от него. Я не мог продать дом, потому что при нём уже была построена церковь, а священники не продают церковь! Это святое место, которое имеет свою собственную жизнь! Хотя из-за вас церкви больше нет. Я пытался отделить семью от приюта. Как ты помнишь, мы переезжали в отдельную квартиру и жили там восемь месяцев. Но твоя сестра, достойная последовательница матери, устроила скандал в приюте и всех разогнала. А отдельной квартирой мама тоже была всё время недовольна. Между прочим, туда ты привёл девочку с улицы, поселил её на полу. Достойный поступок! Если бы ты с ней не переспал.

– При чём тут это?

– А при том, что ты относишься ко мне с двойными стандартами. Тебе можно блудить, пить, курить дурь, а меня ты осуждаешь за то, что я попытался устроить свою жизнь, когда мама бросила меня. По-твоему, это нормально, что мама и Патрик оставили меня, к тому же вот так, обманом? А должны были взять меня с собой. И это ты называешь духовностью?

– Я помню, как ты послал меня вместо себя на всецерковную конференцию. Я очень не хотел ехать, но это оказалось очень важно для меня. Я встретил таких людей и пережил такое, что не мог себе и представить. Это именно то, что мне было нужно, и я благодарен, что был удостоен такой чести, что ты и мама позволили мне выступить с отчётом о вашей церкви и приюте. Так много любви и хороших слов было сказано о тебе и маме! Так много людей вспоминает вас и восхищается! Я понимаю, во что ты веришь. Я понимаю безусловную любовь, которую ты проповедуешь. Я понимаю, на чём основывалась идея твоего приюта. Но ни один отчёт,

представленный на конференции, не говорил о том, что кто-то ещё делал то же самое, что и ты. Думаю, потому, что совершённое тобою – невозможно. Невозможно принять и любить всех в твоём доме, потому что только святые способны на это.

– Как ты можешь говорить, что это невозможно, если я прожил так девять долгих лет? Тогда скажи, что и явление Христа на три евангельских года было невозможным! А мы продержались в три раза дольше!

– Ты уподобляешь себя Христу?

– А разве ты не знаешь, что священник должен стремиться к подобию с Христом, и потому к нему в былые времена обращались «ваше преподобие»? Преподобие кому, как не Христу?

– Я считаю, что любовь, о которой ты говоришь, – это только половина любви. Я думаю, что любовь, о которой рассказывал Иисус, заключалась не только в том, чтобы позволить прокажённому поселиться в вашем доме, но и в том, чтобы очистить его кожу от проказы. Я думаю, если бы какой-нибудь священник сделал бы то же самое, что и ты, – открыл приют в

своём доме – у него были бы такие же слёзы и разлад в семье. Потому что мы не святые. Мы грешники. Я думаю, что стиль жизни, который ты установил в своём доме, не только мешал твоему младшему сыну и жене; полагаю, это также наносило ущерб и твоей душе. Да, Бог послал тебе этих людей. Но ты звал их через газеты! Ты кричал буквально с крыши во все стороны, что двери твоего дома открыты. Да, Бог послал эту женщину с ребёнком в неоплаченном такси, за которое ты рассчитался, и из-за неё мама поссорилась с тобой. Но ты же когда-то помог ей, проститутке, вернуть ребёнка, не зная, кем она была.

– Я отвратил её от занятия проституцией.

– Поэтому она и не могла оплатить проезд! Ты спасал жизни. Да, ты многим помог. Но эти жизни спасены волей Бога. Не твоей волей. Мы не святые. И Бог будет показывать нам, что мы не святые, через людей, с которыми мы не справляемся, через стихийные бедствия; через Патрика, ставшего свидетелем тех ужасов, которых не должен видеть ребёнок.

– Ты думаешь, что дети, живущие в обычных семьях, никогда не сталкиваются с пьянством?

– Как наша мама, которая была нежной, терпеливой, милой женщиной, превращается в опустошённого человека и пробивает в ярости дыры в стенах! И будет становиться только хуже. Всё для одного урока: ты не святой!

– Я не считаю себя святым!

– Ты был молодым священником, который изучил всё по книгам.

– Я изучил Евангелие не только по книгам, но и на собственной шкуре!

– Твоя гордость ослепляет тебя и заставляет думать, что ты знаешь вещи лучше, чем Бог.

– А ты считаешь, что это не твоя гордыня заставляет тебя говорить с отцом так, будто ты митрополит, а я молодой священник?

– Разве Бог просил тебя приглашать регентшу ещё и второй раз, когда с первой не получилось?

– Правильно, ты заморочил первой регентше голову, а когда не удалось переспать с честной

девушкой, унизил её и нашёл другую, более сговорчивую.

– Бог показывает, что тебе предстояло пройти долгий путь. Он показывает тебе это, когда ты теряешь семью.

– Я люблю свою семью и не понимаю, почему должен её терять!

– Вопрос не в том, как ты можешь любить незнакомцев больше нас и не в том, почему ты выбираешь их, а не нас. Вопрос в другом: как ты любишь незнакомца, когда твоей любви не хватает даже на то, чтобы сохранить свою семью?

– Я вас люблю!

– Твоя жена не верит, что ты её любишь. Почему она должна в это верить? Потому что ты заводишь животных, когда ей хочется с ними возиться, и избавляешься от них, когда она устаёт? Она больше, чем просто женщина, которая нуждается в домашнем животном, чтобы было чем заняться. Она была твоим инструментом, твоей правой рукой.

– Ну и оставили бы меня в покое в моём приюте! Зачем надо было всё разрушать?

– Ты говоришь, что мы не выживем без тебя. Думаешь, ты выживешь без нас? Она любит тебя. И доказательство состоит в том, что она прошла с тобой через всё это. Проблема в том, что ты не умеешь любить. Потому что думаешь, что исцеляешь от проказы, а на самом деле заражаешь проказой себя и всю свою семью и притворяешься, что наш дом не прокажён.

– Твой пример с проказой неверный. Ты исходишь из того, что мы изначально были не прокажённые, потому что считаешь нас лучше тех, кто приходит к нам жить. Это не так. Они не могут нас заразить проказой, потому что у нас она уже есть. Разве мы не совершаем те же самые грехи, что и они? Или если наши грехи другие, разве это меняет дело? На протяжении веков все прокажённые собирались вместе, чтобы жить в лепрозории, так что в этом нет ничего плохого. Зря вы с мамой думаете, что эти люди грязные, а вы чистые, поэтому вы их избегаете, это неправильно. Потому что каждый, кто приходил к нашему порогу, был сам Христос. И, презирая и избегая их, вы избегали Христа.

– Я страдаю от тех же грехов, что и ты. Я – это ты. Я говорю, что люблю, но не чувствую этого в своём сердце. Моя гордость ослепляет меня. И когда это происходит, я не вижу, что же делаю неправильно. Самая опасная темница – та, о которой мы не подозреваем. Я знаю, что ты это знаешь. Я знаю, что мы говорили об этом раньше. У тебя такая же гордость, но по-другому. Ты не святой и никогда им не будешь!

– Ещё одна ошибка – говорить, что мы грешники, а есть святые, и это совсем другие люди. И святые, и грешники сделаны из одного теста. Святыми не рождаются, святыми становятся. Все святые – тоже грешники. Разница в том, что святые могут видеть свои грехи и пытаются избавиться от них. Жизнь во Христе – это путь к святости. На небесах нет несвятых. Там одни святые. Говоря, что грешники не должны стремиться достичь святости, ты лишаешь их неба и готовишь им ад, в котором, впрочем, мы с тобой и очутились. И последнее, но не менее важное: ты был очень далёк от того, что я делал, очень редко говорил со мной. А я ведь был как-никак

священником. Ты просто съездил на церковную конференцию в мир, совершенно тебе чуждый, и сделал целую кучу ложных выводов. Да, я горд, да, я грешен, я ничтожество, но ты не в состоянии давать мне духовные советы, это не хорошо ни для меня, ни для тебя. Всякий, кто утверждает, что следовать за Христом можно в чистой рубашке, без боли, без стонов – лжец. Ты должен был искать духовного совета, а не давать его. Но теперь поздно об этом говорить. Ты и мама не любите меня.

– Я люблю тебя. Я люблю тебя так сильно, как грешник вообще способен любить, – ответил Джейк холодно, и это был их последний разговор.

БЕДНАЯ ЭЛЬЗА

Описывая жизнь, как ни старайся, всё равно получишь пошлую анкету: родился, побрился, умер. Чтобы разобраться в происходящем, необходимо углубиться в историю.

Супруга Герберта Эльза Адлер родилась в семье так называемой рабочей интеллигенции. Её отец

всего в жизни достиг сам, был трудовым садистом, доводил себя и других до иступления, выбился в люди и стал весьма успешным человеком. Немалую долю его успеха можно было объяснить лицемерной способностью уживаться с системой, делая при этом вид, что остаёшься принципиальным до истеричности человеком. Заграничные командировки, руководящая должность и очень высокая зарплата сделали своё дело: отец задрал нос, тогда как мама Эльзы паслась на вторых ролях. Дочка росла избалованной, хотя родители были чрезвычайно придирчивы к ней и её старшему брату. Сегодня лучшим и правильным для них был сын, а дочь – плохой и негодной, завтра же всё оказывалось наоборот. Эта традиция осталась на всю жизнь.

Эльза была довольно смазливой девочкой и не избежала насилия. Весьма рано познав вкус чувственных утех, она охотно им предавалась. За первые двадцать лет жизни девушка попробовала минимум полтора десятка мужчин. Её первая любовь, как это часто случается, завершилась предательством со стороны парня, и, когда попытка

свести счёты с жизнью не увенчалась успехом, Эльза пустилась во все тяжкие. Попойки в разнузданных компаниях нередко заканчивались дурно. Впрочем, в России того времени это было нормальным.

Странно, что, будучи матушкой, она горячо осуждала других за пристрастие к алкоголю и разнузданному поведению. А какими мы сами были в молодости? Нет святее святош, чем бывшие блудницы. Но ещё большие святоши – блудницы будущие.

Эльза рано забеременела и, по сути, вышла замуж за первого подвернувшегося парня. Брак был заключён уже на энном месяце беременности. Эльзе пришлось уйти из института, который для неё выбрала мама по причине близости расположения от дома. Началась нескончаемая череда пелёнок и стирок. Мужа девушка не любила.

Ей удалось вырваться в другой институт, где Эльза и прибрала к рукам наивного, неопытного Герберта. Молодому человеку было всего семнадцать лет, в то время как Эльза уже стала матерью полугодовалой Энжелы.

Герберт влюбился в Эльзу без памяти. Будучи инфантильным мечтателем, на простое предложение переспать он зачастил:

– Нет. Я могу только навсегда! Если я полюблю, то не хочу, чтобы это когда-нибудь кончилось! Я этого не перенесу.

Эльзу умиляла эта наивность. Ведь Герберт пытался хорохориться, а тут оказался таким смешным.

Эльзу ничуть не смущал тот факт, что она изменила первому мужу, а Герберту всё было безразлично. Он мог влюбиться в любую, которая поманила бы пальцем.

Тумаки родителей и сверстников развили в юном Герберте такой комплекс неполноценности, что он мёртвой хваткой вцепился в свой первый чувственный опыт, словно других вариантов и не могло быть, и не ослаблял её тридцать лет. Но если обернуться назад, Герберт и Эльза, наверное, плохо подходили друг другу.

Герберту была нужна наивная девочка. Он подумал, что Эльза такая. И как-то в пылу признания

покаялся: «Я тебя никогда не предам!». К его удивлению, Эльза рассердилась. «Никогда не говори никогда!» – раздражённо ответила она.

Герберт принял за аксиому слова, сказанные Эльзой о её первом муже: он, дескать, ни рыба, ни мясо, потому что не пришёл забрать молодую жену из роддома и не смог купить шкаф, и девушке пришлось приобретать мебель самой.

Герберта не смутила ни скудность обвинений, ни тот факт, что гуляли они с Эльзой исключительно на деньги мужа.

Трудно сказать, что Эльзу привлекло в Герберте. Он был увальнем, хоть и остроумным. Едва ли девушка поначалу имела на него серьёзные виды. Герберт же, хоть и был влюблён, совершенно не представлял себе брака, в особенности с замужней женщиной, имевшей ребёнка.

Трудно не заметить параллели между судьбой Герберта и тем, что случилось с первым мужем Эльзы. Герберт никогда не задумывался, как же тот, должно быть, страдал, когда его ребёнка увезли и не

оставили надежды вновь увидеть! Его дочери на тот момент было всего три года.

Герберт знал первого мужа Эльзы и помнил, как мужчина держал девочку на руках, учил слову то ли «шимпанзе», то ли «гамадрил» и очень смеялся. Потом строго взглянул Герберту в глаза и сказал, что за жену и дочь убьёт кого угодно. Эльза упоминала ранее, что однажды супруг от ревности чуть насмерть не покалечил кого-то отвёрткой, которая потом стала предметом страхов и шуток об обманутом муже.

С первым супругом Эльзы Герберт познакомился и несколько раз встречался на общих вечерах в компаниях. Тот заведовал местным клубом, или домом, культуры, занимался переписыванием кассет, копированием книг и документов. Тогда в Советском Союзе с ксерокопиями была проблема, и человек таким образом зарабатывал.

Сейчас Герберту было странно, что он никогда не задумывался, какую боль причинил человеку своим поступком, тем более на тот момент чужой ребёнок ему был совершенно не нужен. Герберт отобрал то, в

чём абсолютно не нуждался, а человек потерял то, за что был готов убить. Все годы жизни Герберт не осознавал этого, а к пониманию пришёл совсем недавно, перед случившимся. Стоило осмыслить события, как то же самое произошло и с ним.

Христианство предполагает очень серьёзную работу над собой, выявление грехов, осознание обиды, нанесённой ближнему. Это непрерывный процесс, в ходе которого приходишь к пониманию, как же сильно ты был неправ, считая какие-то вещи совершенно неважными, незначительными. Иногда это лишь иллюзия. Когда отходишь от такого чувства и состояния, то возвращаешься к прежним взглядам. Может быть, это самокопание и самоедство иллюзорно.

Сейчас, когда у Герберта отобрали ребёнка, он испытал такие же эмоции, как первый муж Эльзы. И, остыв, вдруг осознал, что сам послужил тому причиной. Конечно, можно во всём обвинить жену. Но он отчётливо помнил, что чрезвычайно враждебно относился к бывшему супругу Эльзы.

Воспоминания девочки о папе были очень свежи, когда она говорила о нём, Герберт злился, запрещал. Она пыталась прибегнуть к шантажу: «А папа покупал мне это, делал то». Конечно, тогда Герберту было всего 18–19 лет, но всё равно это не оправдание.

После этого осознания Герберт постоянно поражался удивительной мстительности Бога. Господь ничего не готов спустить, сделать в лёгкой степени. Герберт осознал свою вину – необязательно же было так его наказывать, снова тыкать носом. Разве понимания не достаточно?

Но дело в том, что наши искушения – это операция, которая необходима, чтобы нас спасти. Операция неизбежна. Тот, кто проходит её с молитвой и верой, словно получает болеутоляющее, а тот, кто без – страдает неимоверно.

Герберт думал: не правда, когда говорят, что тем, кто крестится, прощаются все грехи. Памятуя об этом, Герберт с супругой считали, что грехи им автоматически списываются. Более того, если кто-то случайно нарушил заповеди ещё раз или не осознал

чего-то, потом можно исповедаться, и грехи снова будут отпущены, Бог не поставит их в вину!

Но бесконечная школа жизни заставляет побывать во всех положениях. Если ты кого-то угнетал, то обязательно будут угнетать тебя; если был богатым – станешь нищим. Если ты был плохим сыном, предал отца, то и твой ребёнок поступит так же. Зачем такая скрупулёзная мелочность?

Итак, в какой-то момент Эльза решила, что всё же выйдет за Герберта замуж, и, преодолев невероятные сложности, молодые парень и девушка стали одной семьёй.

Родители с обеих сторон упорно раскачивали лодку, тянули каждого супруга в свою сторону. Особенно старались родители Эльзы. Они истово ненавидели как жену своего сына, так и мужа своей дочери. Для них не существовало на свете людей хуже.

Иногда отношения между Гербертом и Эльзой висели на волоске, но всё же любовь преодолевала преграды. Основным противоречием пары был спор следующего характера. Эльза считала, что жить надо

обыкновенной жизнью, в ней без труда угадывалась психология поломойки: едва закончился рабочий день, нужно отложить швабру в сторону, а дальше хоть трава не расти. Герберт же, наоборот, терпеть не мог стандартных путей и всегда искал необычные дороги, набивая немало шишек.

Герберт был сама противоречивость. Он создал ласковый мир своей фантазии, в которой его возлюбленная была плюшевой зайкой, а он милым медвежонком. Его убеждённость, что он не мужчина, а плюшевый медведь, не мешала ему быть цепким и довольно рациональным.

Надо признать, Герберт оказался весьма успешен и к тридцати годам создал бизнес, сколотил состояние и обосновался в собственном поместье в благополучной стране.

Как многие другие люди, вокруг Герберта имелся ряд частных и государственных лиц, считавших, что по нему, сукиному сыну, давно плачет тюрьма, однако ничего особенного за мужчиной не числилось — было больше шума, чем огня. Эльза поневоле вовлекалась в эти дразги, и нервная система обоих

супругов, несмотря на молодой возраст пары, была истощена. Жена имела привычку полностью терять рассудок в критические дни, превращаясь в безжалостную фурию. У Герберта же наблюдались мощные перепады настроения, однако их периодичность не была столь очевидна.

Эльза была как оборотень. В обычном своём состоянии это милый и ласковый ангел, заботливый и готовый к самопожертвованию. Но в какой-то момент она превращалась в желчную, завистливую, полную ненависти женщину, причём без видимых внешних причин.

Герберт знал о приближении ужасной метаморфозы по тому, что накануне Эльза обычно принималась безо всякой причины извиняться, словно чувствовала своё грядущее озлобление.

Вот и в последний раз Эльза сказала:

– Прости!

– За что?

– Просто прости.

И на следующий день началось...

Последние несколько лет перед приближением своего дня рождения Эльза входила в особо тяжёлую форму озлобленности. Позже Герберт осознал, что Эльза считала, будто в с каждым годом становится сё менее привлекательной и удаляется от осуществления своих подспудных желаний. Как оказалось, Герберт не интересовал Эльзу как мужчина. И поэтому она всё больше опускалась, превращаясь в старуху, не следила за собой. Она часто жаловалась Герберту, что хочет и не может похудеть, чтобы стать привлекательной. Герберт искренне отвечал, что любит её и такой! И недоумевал: для кого ей хочется стать привлекательной?

Герберт надолго уезжал по делам, чтобы избежать скандалов с Эльзой. Но это ещё больше её злило, и в последний раз она не дала Герберту уехать, пригрозив: «Только попробуй, я разгоню всю твою кодлу».

Герберту было жалко своих домочадцев, и он остался. Впрочем, как бы он ни поступил,

разрушительная ненависть Эльзы всё равно довела бы дело до конца.

Противодействие Эльзы всему, чем бы Герберт ни занимался, не было явным и открытым, но зато оказывалось весьма действенным. Муж пускался в продолжительные увещевания жены, но толку было мало. Не дай бог, если он осмеливался заявлять, что причин для разногласий нет, что жизнь прекрасна и хорошо устроена и что дело в пресловутых критических днях или климаксе! Эльза приходила в ярость, и в какой-то момент каждый из дней жизни стремился стать критическим!

Однажды Герберт заболел, а если быть точным, вообразил себе, что смертельно болен. Целый год оба супруга безрезультатно посещали психолога и в итоге обзавелись стойкой привычкой к приёму антидепрессантов. Если Герберт использовал препараты аккуратно, ограждая страшного себя от окружающих, то Эльза употребляла их бессистемно и урывками. Попытки объяснить жене, что её очередное недовольство связано не с реальностью, а с химическими процессами в мозге, приводили к тем

же результатам, что и в ситуации с критическими днями.

Герберт был неопытен в отношениях с женщинами, и ему казалось, что всё так и должно быть. Он бесконечно уступал, мирился, извинялся, а отношение к нему жены и детей с годами становилось всё хуже.

ЛОЖЬ, ОБВИНЯЮЩАЯ ВО ЛЖИ

Оба супруга обвиняли друг друга во лжи, хотя считали, что ведут себя и говорят абсолютно искренне. Оба супруга страдали лицемерием, но у каждого из них оно имело свои отличия. Лицемерие Герберта было осознанной необходимостью, он прекрасно понимал разницу между тем, что говорит, и тем, что в действительности думает, это позволяло ему каяться в лицемерии и бороться с ним; лицемерие Эльзы было неосознанным. Каждый момент существования она лгала сама себе и потому никогда не могла понять в полной мере, что на самом деле с ней происходит.

Эльза незаметно оказывала на детей огромное влияние, а Герберт, как ни старался, в их глазах был неким подобием шута. Герберт пытался действовать предельно демократично. Он уважительно выслушивал любое мнение малыша, не перебивал и относился к детям как к взрослым. Плоды такого поведения оказались горькими: дети стали воспринимать отца как дурного и бесполезного ребёнка. Они переняли у матери привычку считать всё совершаемое отцом глупостью. Приёмная дочь Энжела впоследствии даже обвинила Герберта в том, что он напрасно подарил ей на свадьбу сто тысяч долларов. Да, и такое бывает.

Старший сын Джейк предъявлял отцу претензии, что нанятые для него в качестве гувернёров профессора из Кембриджа оставили пробелы в его образовании. Услуги профессоров оплачивались отдельно, за счёт других ста тысяч.

У Герберта не получалось оказаться правым; чтобы он ни делал, всё было плохо. К этому привычному для себя презрению он относился с горькой усмешкой: мол, это такая игра, но в

действительности семья меня любит и уважает. Оказалось, что это не так.

Герберт открыл выгодный бизнес, позволил детям войти в него и отлично зарабатывать, но Энжела и Джейк развалили дело отца до основания. Их ненависть и неуважение ко всему, связанному с отцом, были настолько сильными, что дети не желали участвовать в его бизнесе вплоть до нервических припадков. Ни купленные машины, ни квартиры, ни отличные заработки – ничто не могло изменить их мнения. Дети принимали это как должное, но вели себя так, что далее оставлять их в бизнесе было невозможно.

Герберт говорил себе: так и надо, это нормально – и со вздохом наблюдал, как в других семьях дети становятся продолжателями дела отцов.

КАРФАГЕН ДОЛЖЕН БЫТЬ РАЗРУШЕН

Эльза долго не верила, что, уйдя из дома, потеряла мужа. Хотя сама давно и страстно хотела его потерять.

Супруг и раньше безуспешно пытался привлечь внимание жены тем, что вокруг него крутились хорошенькие девушки, но – упаси боже – даже в мыслях ничего себе не позволял. Духовная жизнь притупляет страсти, и человек начинает любоваться юной красотой без похоти, а с восторгом от совершенства Божьих творений. Да и девочки были намного моложе Герберта, а материальным положением он, разорённый держатель приюта, никого привлечь не мог. Так что его не соблазняли, видов на него не имели, и к тому же статус священника обязывал всех держаться пристойно.

Герберт напрасно старался привлечь к себе внимание супруги. Эльза его не ревновала.

Раньше, всю свою жизнь, она боялась его потерять; мама внушала Эльзе, что муж её обязательно бросит. Герберт и не помышлял ни о чём таком. После обращения в христианство супружескую пару стали разрывать скандалы. Это довольно частое и хорошо описанное явление в духовной жизни. Эльза вела себя вызывающе и не оставляла Герберту никакого другого выхода, как

временно удалиться. Так учили и святые отцы: не скандаль, удались.

Герберт сообщил детям, что его всю жизнь используют и никто не любит, что, в общем, было недалеко от истины. Потом он ушёл из дома и поселился в коттедже на озере. Все знали, где он, но никто не торопился звать его назад.

Прошло три дня. Эльза тяжело пережила этот момент. Потом Герберт вернулся, его встретили неприязненно, и примирения не произошло. С тех пор Эльза всегда вспоминала тот случай. Любое выяснение отношений начиналось с упрёка: «Восемь лет назад ты от меня ушёл!». Самое страшное, что она повторяла это и всем окружающим, да так, что все думали, что человек и правда ушёл от жены.

Эльза своим безразличием провоцировала Герберта, а когда вдруг действительно поняла, что потеряла его, то поспешно предлагала встретиться, говорила ласковые слова, будто Герберт ей всюду мерещится и кажется, что он пришёл к ней.

Герберту хотелось прийти, но он уже не мог верить. После требования Эльзы развестись Герберт

считал, что стоит ему приблизиться, и она постарается сознательно или бессознательно окончательно его уничтожить. Сработал элементарный инстинкт самосохранения.

Конфликт с женой имел несколько плоскостей – прежде всего практическую и экономическую, а именно – недовольство существующими условиями проживания. Можно было ограничиться этим, однако Эльза стремилась перевести конфликт в личностную плоскость, показать, что разрыв происходит на всех уровнях одновременно.

Как-то супруги задержались в церкви, и перед самым уходом Герберт повернулся и задумчиво спросил жену: «Хорошо, ты собираешься со мной разводиться. Наверное, ты будешь искать другого мужа?». «Почему это должно тебя волновать?» – был её ответ. Герберт произнёс: «Как ты была блядью, так ею и осталась». Потом он оправдывался, что на церковном языке слово «блядь» считается допустимым, его использовал даже Кураев применительно к Мадонне. Однажды Кураев употребил резкое слово в телефонном разговоре, и

посыпались претензии: как же духовное лицо может так выражаться? Проповедник ответил: «Блядь – это тот, кто занимается блудом, а «блуд» означает заблудившегося, потерявшего правильное направление человека». Поэтому в церковно-славянском сознании слово «блядь» вполне допустимо. Герберт не помнил, присутствует ли оно в святых книгах, но он его употребил.

Эльза же, умолчав о предыстории и основе, стала кричать на каждом углу, что батюшка в церкви обозвал её блядью.

Герберту почему-то пришло на память, что устроенный им и Эльзой первый брак дочери Энжелы распался, и, конечно, Герберт оказался во всём виноват. Он просто устал быть во всём виноватым.

Первый молодой человек дочери, Стюард, ранее с позором изгнанный, водворился на прежнее место. Герберт, обратив его в православие, уже надеялся венчать молодых, но тут Эльза, вступив в сговор с Энжелой, снова изгнала Стюарда за его никчёмность. Дочь сошлась с сыном инспектора,

который преследовал Герберта за устроенные в доме церковь и приют.

Злость инспектора возникла из-за провокаций со стороны Эльзы, которая угрожала его убить, если тот не оставит в покое их дом. Инспектор даже вызывал полицию, но блюстители закона только посмеялись, увидев Эльзу в платье со смешным узором. Она не походила на преступницу.

Герберт при этом по-христиански благодушествовал. Сын врага, который разорял Адлеров постоянными судебными процессами и настаивал на уничтожении церкви, жил в его доме, спал с его дочерью, а Герберт наивно терпел такое положение вещей и даже внутренне был рад своей незлобivosti. Вот, мол, какой я совершенный христианин!

Со временем ситуация только усложнилась. По доносу инспектора муниципалитета Эльзу и Герберта обвинили в мошенничестве, так как из-за полного разорения супруги стали получать пособие по бедности. В вину им ставился обман государства – только поглядите на них!

Супруги были арестованы на Пасху. Семья пребывала в шоковом состоянии, при этом сын инспектора продолжал проживать с Энжелой в доме Герберта и сохранял прекрасные отношения со своим отцом. Муж дочери регулярно и в подробностях доносил инспектору обо всём, что происходило в доме Адлеров.

Когда дело у пары подошло к свадьбе, преследования приостановились, и Герберт вздохнул свободно. Мог ли он в тот момент предполагать, что попал в настоящую западню?

Эльза сблизилась с семьёй инспектора, и новые родственники стали весьма методично внушать ей определённые вещи: мол, Герберт – религиозный фанатик, он доведёт всех до тюрьмы. Он приводит в дом кого ни попадя! Семена пали на благодатную почву.

Вдобавок из длительной отлучки вернулся Джейк – друг сына инспектора. Поражённый эдиповым комплексом, он яростно ненавидел отца, его так трясло, что парень даже не мог говорить со своим родителем.

Так сложился заговор против Герберта. Карфаген должен был быть разрушен.

ГРАНИ НЕНАВИСТИ

Ненависть к Герберту пульсировала где-то глубоко внутри, прорываясь изредка злыми всполохами слёз. Эльза возненавидела мужа, возможно, сама того не сознавая и боясь признаться себе в этом. Такое часто случается в продолжительных браках. Иногда один из супругов или оба внезапно либо постепенно принимают усердно друг друга ненавидеть. Если процесс происходит обоюдно, это ещё половина беды. Но в данном случае Герберт и не подозревал, что стал ненавистен жене. Да, ему приходило в голову, что Эльзе не нравятся его действия, слова и вообще любые темы, связанные с ним. Но ведь она была его первой и единственной женщиной, и Герберт не смог уловить признаков приближающейся катастрофы.

Он давно заметил, что, став на путь христианства, потерял свойственное ему везение. Материальная жизнь стала непомерно тяжела. Семья, привыкшая, что у Герберта всё получалось как по волшебству, начала ещё интенсивнее

критиковать его за неудачи, не удовлетворяясь объяснениями, что в происходящем нет его вины. Несмотря на то, что это явление хорошо известно в православных кругах, его редко принимают во внимание. Действительно, в других областях деятельности человек более или менее преуспевает в соответствии со своими усилиями. Но стоит ему стать по-настоящему православным, то есть, по сути, стать на путь борьбы с Сатаной – почти всё, за что он берётся в материальном мире, рассыпается. Можно даже оценить искренность веры по устроенности прихода. Если в приходе толпы, у батюшки всё под контролем – считай, все ровным строем идут в ад. У настоящих батюшек сплошные неурядицы, и в приходах пусто. Потому что им активно препятствует сам Сатана, а Бог не вмешивается, так как считает: чем человек несчастнее в материальном плане, тем это спасительнее для его души.

Герберт был просто в шоке, когда осознал, что его предприимчивая натура, обычно приносившая ему успех за успехом, наткнётся на непреодолимую стену, как только он встанет на евангельский путь.

Ему казалось, что когда другие священники жаловались на бесконечную цепь невзгод, то просто были сами виноваты, а он, такой умный и удачливый, будет жить совсем по-другому. Но не тут-то было. Такой бесконечной и неотступной вереницы проблем Герберт и вообразить не мог.

Но и в успешные годы Герберта осуждали. Эльзу раздражало в муже всё. Готовность Герберта выполнить любое взбалмошное желание жены, нередко приводившее к конфузу, умение смешить, давно переставшее действовать на неё, стремление быть любимым, а потому вечно хвастающимся самыми разнообразными вещами — всё в нём казалось ей отвратительным настолько, что она даже переселилась из спальни в комнату сына. Отговоркой был храп Герберта. Но кто сейчас не храпит? Сытая жизнь и бесполезное существование способствуют храпу.

Любила ли Эльза Герберта когда-нибудь? В начале отношений, завязавшихся ещё в юности, ей казалось, что любила. После, спустя годы, Эльза уже не была в этом так уверена.

Иногда после ссор Эльза истово и с воодушевлением молилась, призывая Бога вмешаться в их брак и дать ей то счастье, которого она заслуживала. Каким образом Богу предлагалось вмешаться, какого именно счастья она желала, Эльза не знала, но боялась даже подумать, что скоро этот кошмар, называемый семейной жизнью, закончится.

Она пыталась отвлечься на посторонние занятия, но Герберт во всё совал свой нос, постоянно присутствовал рядом со своим непобедимым рассудочным мнением, и деться от него было некуда. Платья из нелепой ткани с мишками, зайками, морковками и цветочками, неизменно выбранной по вкусам Герберта, оставались недошитыми. Картины, которые она принималась рисовать – недописанными, стихи – неопубликованными.

Раскатистые волны храпа звучали реквиемом по её загубленным талантам. Эльзе казалось, что Герберт подавлял её всецело, и потому был ей ещё более ненавистен.

А там, где есть ненависть, всегда присутствует и месть. Супруга мстила Герберту с упоением,

науськивая против него детей. С самого детства внушала она им, что, чем бы папа ни занимался, всё это не более чем бредни и глупости, что существует нормальная, обычная жизнь, где все могут быть счастливы. А он, грузный мечтатель, вечно воображал себе неведомо что, и от этого струилось вязкое и непрерывное несчастье всей её семьи, даже на фоне полного, безоблачного благополучия.

Так бывает, когда встречаются две ярко выраженные противоположности. Один витает меж звёздных россыпей, другая ищет смысл в кастрюльке вермишели. То, что было важно для Эльзы, Герберту казалось ребячеством, достойным снисхождения, — огород, корова, козы, куры, разведение собак и кошек. Любая блажь исполнялась мужем со снисхождением, полным серьёзного внимания, за что супруга ненавидела его ещё сильнее.

Христианство для Эльзы тоже превратилось в очередную блажь, доведённую Гербертом до крайней точки, до последней прожилки распятого тела. Женщина хотела некой отдушины, просила тайно креститься сама и крестить детей, создать

духовную оппозицию мужу, но он, узнав о её желании, возглавил и этот каприз.

– Я хочу, чтобы ты стал священником, – однажды ночью сказала жена.

Герберт принял православие всем сердцем, буквально, без компромиссов. Эльзе нравилась в церкви внешняя сторона. Она, как и большинство прихожанок, любила возиться с поминальными записками и свечками, рассуждать, какой иконке надо помолиться, чтобы куры лучше неслись, а груши плодоносили. Но груши, посаженные в соответствии с очередной Эльзиной блажью, никак не желали плодоносить. Герберт вполне серьёзно читал им отрывок из Евангелия о неплодоносящей смоковнице, которая засохла после встречи с Христом.

Герберт вообще всё воспринимал серьёзно, а Эльзе показалось, что он ухватился за веру как за средство подавления и угнетения её свободы. И тогда прозвучало иное желание.

– Я хочу развестись, – однажды утром, едва заметно плача, промолвила она. Герберту стало ясно,

что придётся выполнить и это желание, хотя оно было несовместимо с предыдущим. Священник, которого бросает жена, должен либо удалиться в монастырь, либо отказаться от сана. Герберт писал горькие стихи:

1

Большая ненависть случается внезапно,
Бескомпромиссно и не поэтапно,
А просто, словно ураган в ночи.
И не помогут тут, увы, врачи,
Как ни страдай, как выпью ни кричи.
И как ни вой сражённой дробью дичью,
Она плюёт на всякие приличья
И, принимая разные обличья,
На части рвёт, и если не убьёт,
То изувечит вплоть до обезличья.

2

Большая ненависть случается с любимой,
И я до дна пью эту чашу с дымом,
Что поднимается от чаши с кислотой.
Не верил я, что можешь стать такой,
Но, видно, горько в этом заблуждался.
Причин не нужно. Прутик оборвался,
И вот я в бездну рухнул без следа.
Я знал, что так бывает иногда,

Но ни за что бы не поверил, право,
Что не любовь в той чаше, а отрава,
Что выпью я её один до дна;
Ты наконец останешься одна.

3

Возможно, тот, кто с разумом не дружит,
Потом на склоне лет ужасно тужит,
Но оправданий ворох под рукой,
Упрёки льются пламенной рекой.
А посему вполне гнездится ад
Средь доводов, кто прав, кто виноват...

КТО В ТЕРЕМЕ ЖИВЁТ?

Дом, в котором семейство Адлеров прожило около двадцати лет, располагался на покрытом густым лесом участке в полтора гектара. Весь участок Герберт огородить не сумел и окружил железным решётчатым забором только обширный задний двор. Там располагался вышеупомянутый огромный бассейн, выкопанный Гербертом в богатые годы, когда-то полноводный и зовущий плескаться, теперь же превратившийся в унылую клоаку. Бассейн Герберт вырыл для Джейка, но в нём успел порезвиться и маленький Патрик. Затем средства на содержание искусственного водоёма иссякли, и он пришёл в запустение.

Посреди двора стояла добротная сколоченная баня, выстроенная в соответствии с мечтами Эльзы. Но супруги в ней не парились – там получали удовольствие многочисленные гости. За баней располагалось место для пионерского костра. Рядом с ним был разбит небольшой фруктовый сад, несколько яблонь и груш. В углу двора стояли

коровник, козлятник, крольчатник и курятник. Но живности там давно не было. Эльза, наигравшись в деревенскую жизнь, утратила к ней интерес, да и воинственный муниципалитет противился этой спонтанно возникшей ферме.

Рядом с фермой был огород. Его окружала изящная белая изгородь, а ворота, ведущие на участок, были выполнены в китайском стиле. Туда Герберт в своё время заказал привезти семьдесят тонн чернозёма, но толку от огорода тоже было немного.

На первом этаже располагалась гостиная с огромным камином. Библиотека размещалась на всех этажах, книги были страстью Герберта. Далее роскошные двери вели в кабинет Герберта. На том же этаже были кухня и столовая. Весь основной этаж Герберт заселил бездомными, выделив четыре крохотные спальни, а кабинет предоставил в распоряжение профессора.

В подвальном этаже было ещё пять спален для бездомных, а на верхнем в основном располагались

семья Герберта и самый главный бездомный по имени Дэйв, проживший в этом доме дольше всех.

Из огромного кирпичного гаража на три машины была отстроена прекрасная церковь, внутри которой стены были обложены камнями, а на крыше красовалась луковка с крестом.

Герберту постоянно не хватало места для страждущих, и он перекраивал дом, чтобы выделить ещё угол.

Когда кто-то творит добро, то другим это почему-то становится неприятно. Они раздражаются на творящего добро, клеветают, обвиняют его в лицемерии, своекорыстии и недобрых намерениях. Им словно бы самым стыдно, что они не творят добро, хотя призваны это делать. Таким образом они пытаются, дабы оправдать себя, очернить того, кто воистину творит добро.

Мы встречаем это и в нашей современной жизни. Сколько вокруг историй и случаев, когда люди искренне пытаются помочь другим – тем, кто в беде, кто болен, в заключении, страдает тяжёлыми депрессиями, кто остался на улице без крова. При

этом службы и люди, действительно призванные оказывать помощь по своему предназначению или профессии, ставят палки в колёса желающим помочь, обвиняют их, пытаются прекратить их деятельность. Известно, что это происходит и в России, и на Западе. Социальные службы, призванные обеспечить всем необходимым человека, попавшего в трудную жизненную ситуацию, считают, что достаточно бросить ему деньги для того, чтобы он мог терпимо существовать.

Но не деньги нужны человеку. Человеку нужны внимание и любовь; нужны неосуждение и поддержка, вера в то, что он сам кому-то нужен. Человеку нужна надежда! Этого всего социальные службы давать не желают, они не предназначены для такого. Они словно бы сняли со всего населения обязанность помогать нищим, а сами свели эту помощь к распределению жалких копеек, которых едва хватает, чтобы вести очень плачевное существование. Когда же они видят, что кто-то другой пытается от чистого сердца, по-доброму своему намерению помочь несчастным, то приходят

в ярость. Они пытаются такого помощника уничтожить и остановить вместо того, чтоб хотя бы не мешать. Уж о том, чтобы просто помочь, нет даже и речи.

Дело в том, что общество, полагая, что решило проблему нищеты, лишило людскую помощь несчастным такой составляющей, как любовь и сердце. А без любви и сердца, без призвания помощи Божьей никакое дело не может преуспеть, какие бы благие намерения ни лежали в его основе. Лишая людей Христа, активно борясь со всяким проявлением религии, наше общество приходит к тому, что, сколько бы оно ни пыталось помочь несчастным, счастливее от этого оно не становится. Это вредит и тем, кому помогают, потому что такая помощь не приходится ко двору; это вредит и тем, кого освободили от обязанностей помогать, сказав: «Раз вы платите налоги, вы больше ничего не должны. Теперь вы можете не подавать нищим, не кормить голодного, не принимать у себя бездомного, не посещать человека в тюрьме – мы займёмся этим

за вас». Сказали – и обманули. Потому что не занялись.

Кроме того, Господу Богу не важна материальная сторона вопроса. Творцу Вселенной и всех галактик наверняка хватает средств, чтобы всех обеспечить чем только угодно. Ему надо, чтобы мы в доброте сердца своего любили ближнего, как самого себя. Чтобы мы, любя Бога, видели в каждом приходящем к нам образ Божий; чтобы мы каждый день творили добро для тех, кто нуждается в нашей помощи.

Но общество словно лишило нас этой возможности. Герберт нередко встречал людей, которые говорили: «Да, я хочу помогать, но как?». Они обращались в волонтерские учреждения, в благотворительные фонды, а там налагались специальные ограничения, выдвигались разные требования: вы должны подать свою автобиографию, вы должны представить справку из полиции, вы должны принести рекомендации из других мест. И только тогда, возможно, вас примут. Да и то, ваша деятельность окажется, скорее всего, всего лишь винтиком в огромной системе раздачи мнимых благ.

В лучшем случае ваши действия будут идти непосредственно в помощь кому-то, если вы, например, кого-то кормите; в худшем случае вы будете рассылать открытки с просьбами о пожертвовании, причём большая часть полученных средств будет уходить как вода в песок, на рассылку ещё большего количества открыток с просьбами пожертвовать ещё больше.

Вот так общество превратило нас в бездушных и бездумных существ, которые даже при возникшем желании исполнить завет Божий не могут найти такой возможности: не могут накормить голодного, принять бездомного, напоить жаждущего, посетить человека в больнице и темнице, одеть нагого. Не можем мы! Мы словно изолированы друг от друга, находимся в каких-то пузырях, из которых не получается выбраться. Общество будто рассадило нас по каким-то ячейкам, в каждой из которых мы абсолютно одиноки, хотя и находимся в толпе. В шумящей, грязной и беснующейся толпе, где мы чувствуем себя совершенно ненужными, абсолютно одинокими и покинутыми. Между тем, будь у нас

такая возможность, мы могли бы следовать заветам Христа; мы могли бы каждым своим днём служить тому, кому необходима наша помощь.

Вот и получилось то, что получилось. Хотя мы и создали социальное общество и очень гордимся тем, что у нас теоретически не может быть нищих, что система гарантирует каждому из своих членов кров над головой и пищу, минимальное медицинское обслуживание и прочие необходимые блага для поддержания физического существования, – но о душе-то в этой системе совершенно забыто. Отняв у нас возможность служить Христу, забыв и запретив имя Христово, лишив сотрудников социальных ведомств умения любить, не осуждать, сострадать, общество практически свело на нет весь смысл веры и человеколюбия.

Посмотрите на несчастных людей, живущих на пособия! Они влачат мрачное, бессмысленное, тяжёлое существование. И если имеют какие-то средства, то вместо того, чтобы тратить их на скудную пищу, расходуют на алкоголь, наркотики и прочие безумия, тщетно пытаясь притупить боль

своего невыносимого существования. И теряя таким образом скудные средства, они всё равно остаются такими же нищими, какими бы они были, не получая никакой помощи. Возможно даже, эта помощь и вовсе идёт им во вред. Без неё они бы купили меньше наркотиков и алкоголя.

Как же можно переломить это? Мы должны понять, что социальные службы – сами по себе, а мы – сами по себе. Господь, обращаясь к нам со словами накормить голодного и принять бездомного, не имел в виду, чтобы мы переложили эту обязанность на кого-то ещё. Потому что Господу не нужны от нас финансовые отчисления. Ему нужно наше живое участие в судьбах других людей. Ему нужно, чтобы мы обрели подобие Богу тем, что научились бы сочувствовать друг другу и искренне любить; тем, что научились не быть эгоистами, а могли жертвовать хоть чем-нибудь ради ближнего. Если Господь явил нам пример бесконечной жертвы ради грехов всего человечества, то от нас Он ожидает хотя бы малой жертвы: чтобы мы потерпели неприятного человека рядом с собой, отдали свой

кусоч пищи нуждающемуся и накормили бы его, ведь он действительно голоден; чтобы мы проявили как-нибудь любовь к человеку и, главное, чтобы мы помолились о нём.

Это самая большая помощь! Потому что кусоч хлеба Господь даст любому и без нашего участия. Он обладает всеми богатствами мира, Ему не нужно наше материальное подаяние. Это материальное участие нужно нам самим как доказательство того, что мы способны хоть чем-то пожертвовать ради другого. Говорят, самая ценная наша жертва ради ближнего – это молитва. Потому что мы и о себе-то не молимся. Ведь чтобы молиться искренне, надо и любить искренне, надо испытывать неподдельный интерес к человеку. А мы не только к ближнему, но и к себе-то не имеем искреннего интереса. А тут ещё надо молиться о чужом! Более того, о неприятном нам человеке, может, даже и о враге нашем; о несправедливо обличающем и обвиняющем нас.

Вот чего Герберт так и не научился делать. Даже будучи священником, он так и не научился молиться – не технично повторять заумные слова, а молиться всем

сердцем, всем умом и всей душой своей. На литургиях он, кажется, приближался к чему-то подобному, к немоу предстоянию в блаженной благодати. Но о людях, да и о себе, молиться не научился.

Вот в чём есть настоящее человеколюбие и милосердие – научиться молиться о ближнем. И каждый раз, когда люди проходили через его дом и снова уходили в никуда (одни продолжали дальше жизнь, другие, как потом оказывалось, погибали), Герберт считал, что главная его вина не в том, что он недодал им хлеба или внимания, а в том, что он не молился о них. Ведь если бы умел молиться, то Господь совершал бы для этих людей чудеса. Ибо сами о себе они молиться не могут. Сами они не могут ни устроить свою жизнь, ни наладить отношения с Богом.

Вот что требуется от нас более всего на свете – научиться любить так, чтобы наша молитва о ближнем и дальнем, о друге и враге была искренним криком нашей души, истинным желанием, дабы Господь ниспослал благодать на тех людей. И это

будет наше самое главное исполнение Божьей заповеди.

Герберт считал, что в упорных поисках счастья они с Эльзой наконец преуспели, причём нашли его в весьма неожиданной форме. Оказалось, что избавиться от собственных страданий можно, лишь полностью окунувшись в чужие страдания.

В течение девяти лет дом Адлеров был открыт для всех, кто нуждался в жилье и пище, внимании и любви. За этот период там побывало множество людей, некоторые жили в приюте по четыре года и более.

Так случается, что обычный человек оказывается выброшенным из жизни. Неудачный развод, конфликт с мачехой, ссора с невесткой – и вот альтернатив нет. Нужно где-то срочно переждать кризис, собраться с силами, построить новую жизнь.

То, чем занимались жильцы, не представляло собой ничего нового. Всем с детства известна сказка про теремок. Стоял в поле теремок. Прискакала блоха-попрыгуха:

– Терем-теремок! Кто в тереме живёт?

– Я, муха-горюха, – и так далее.

Доброжелательное отношение к странникам (в широком смысле странниками могут именоваться и люди, лишённые постоянного крова) было свойственно многим христианским подвижникам, открывавшим приюты и больницы для бездомных и сирот. И это неудивительно, ведь необходимость заботы о незнакомом человеке, оказавшемся в нужде, согласуется с милосердием и заповедью Христа о любви к ближним.

Пренебрежительное же или, что хуже, жестокое отношение к страннику может стать причиной низведения Божьего гнева, ибо страждущий послан Господом.

Каждый день приют Адлеров сталкивался с недостатком жизненно необходимых продуктов и безденежьем. Но это не превращалось в непреодолимое препятствие; всё устроивалось как-то само собой, можно сказать, чудом.

Бывало, что в доме проживало по четырнадцать человек в возрасте от трёх до девяноста трёх лет. В основном это были больные и несчастные люди с самыми разными судьбами.

Бог творит чудеса руками людей! Чудеса случаются, нужно просто внимательно посмотреть вокруг себя.

Таким своего рода чудом являлся этот приют. Адлеры подвергались всяким гонениям, как и все, кто пытается творить нечто благое: «...будут поносить вас и гнать, и всячески неправедно злословить» (Евангелие от Матфея, глава 5:11). Их и расселяли, и пытались снести церковь, таскали по судам и даже держали под домашним арестом. Но всё это не погубило благое начинание. Приют жил и принимал много людей. Конец ему пришёл не из-за внешней угрозы: матушка Эльза, действуя тайно и беспощадно, как раковая опухоль, погубила этот дом.

На весь район с населением в пятьдесят тысяч человек не было ни одного приюта для бездомных. Несколько лет ушло на то, чтобы наконец открылся один официальный приют на восемь человек, но там разрешали провести только две недели и пускали только в ночное время. У Адлеров же всякий, кто

приходил, мог жить бесплатно сколь угодно времени.

Кроме того, официальный приют разрешили открыть только после того, как случилась трагедия: молодой бездомный, которого туда не пустили, потому что никак не могли получить разрешение на открытие, сгорел заживо, пытаясь согреться. Это событие потрясло местную общину, и власти наконец сподобились снизить до нужд самых несчастных. Тогда приют Адлеров, по мнению властей, стал и вовсе не нужен.

Этот приют существовал спонтанно, без бюрократических препон. Но русская община оказалась очень отзывчива на призывы о помощи. Приюту постоянно помогали едой, одеждой и деньгами.

И так Адлеры жили день ото дня, от чуда к чуду. Люди помогали чрезвычайно. Вот пример: в приюте не хватало фруктов, витаминов, несчастным грозила цинга. Ведь жили у них в основном больные люди, хотя некоторые старались работать и приносить пользу. Судьбы встречались самые разные, но все

люди действительно нуждались в помощи, и им некуда было деться.

Итак, четырнадцать человек. Каждый взял по яблочку – считай, мешка яблок нет. Тогда Герберт предложил поставить вместо вазы для яблок большую стиральную корзину. И что же? За выходные приезжавшие к ним паломники, не сговариваясь, наполнили эту корзину яблоками.

Это ли не чудо из того же сорта, как превращение воды в вино или насыщение пяти тысяч человек пятью хлебами? Только чудеса эти Господь творит руками людей.

Скажет Эльза, мол, кто бы стог сена для коровы передвинул ближе к коровнику – и в тот же день приезжают три молодца, с утра делают работу и уезжают. Разумеется, бесплатно, ещё и пожертвования оставят. Совпадения... А может, всё-таки чудеса?

Неожиданно приюту жертвуют три тысячи долларов. Герберт уже догадывается, что это не просто так, и правда: ломается микроавтобус, на

котором он возит больных по врачам, и требуется именно такая сумма, чтобы его починить.

Обещание Господа «Не заботьтесь...» исполнялось постоянно. Жили как в раю, всё, что было необходимо, оказывалось под рукой. Но стоило попытаться получить больше, подстраховаться – тут же натыкались на стену.

Герберт и Эльза полностью посвящали свои дни заботе о своих домочадцах: одному нужно к врачу, другому в школу. Так и проходил день за днём. Герберт готовил им еду, проводил с ними время, бывали периоды, когда ежедневно совершались богослужения. Господь же заботился о том, чтобы им не было ни в чём недостатка в точном соответствии со своим обещанием: «Итак, не ищите, что вам есть или что пить, и не беспокойтесь, потому что всего этого ищут люди мира сего; ваш же Отец знает, что вы имеете нужду в том; наипаче ищите Царствия Божия, и это всё приложится вам» (Евангелие от Луки 12: 29–31).

И совершалось именно так! Апостол Павел писал: «Не заботьтесь ни о чём, но всегда в молитве

и прощении с благодарением открывайте свои желания пред Богом» (Послание к Филиппийцам 4:6).

Вот ещё одна, казалось бы, тривиальная история. Не было в приюте пылесоса. Вдруг люди привезли им новый пылесос. Они не просили – откуда людям было знать? А они привезли, потому что у них оказался лишний. И так постоянно – чудо за чудом.

Снова скажете: совпадения. Хорошо, пусть так. Этот мир чудесен именно потому, что он объясним. Всякое чудо можно, пусть и с натяжкой, растолковать как следствие каких-то объективных причин. Но в этом и заключается чудесная сторона мира. Создатель не вмешивается в установленные Им законы бытия и творит чудеса руками людей. Порой это сложнее, чем явно низвести огонь с небес. Ведь отношения между людьми так сложны и многогранны, их намерения так непостоянны, а поступки зиждутся на весьма зыбких побуждениях. Как сделать так, чтобы многие люди действовали сонаправленно с единым промыслом? Это под силу только Богу!

Герберту думалось, что, растворившись в чужих заботах, супруги познали полноту жизни. Конечно, не обходилось без эксцессов – жильцы злоупотребляли алкоголем, дрались, угрожали. Но для христианина это вполне нормальная жизнь.

Казалось бы, кому будет мешать приют, особенно если ближайшие соседи находятся чуть ли не в четверти километра от него? Но нет! Стоило только водрузить на крышу луковку с крестом, как сразу же сосед, с которым Адлеры когда-то поссорились, вызвал инспектора из муниципалитета. Чиновник явился и сообщил, что приглашать людей в их церковь запрещено, потому что система канализации не предусматривает такое использование жилья.

Герберт и Эльза с этим не согласились. Как водится, стали обивать пороги, жаловаться местным властям и политикам – всё напрасно. Канализация – дело нешуточное. Через три года амбициозный инспектор не только полностью разорил супружескую чету судами, но и пожаловался в полицию. Было выдвинуто обвинение в том, что

супруги считаются разорившимися и получают пособие по бедности, однако при этом в доме проживают жильцы, а значит, съёмщики – налицо явный обман государства. Но ведь большинство живших в доме людей не вносило никакой платы, и только некоторые помогали по мере своих сил. Началось расследование, и на Пасху (да, именно на Пасху) Герберта и Эльзу арестовали, затем отпустили до суда. Следствие и суд длились ещё несколько лет. В конце концов супругам вынесли приговор – лишение свободы сроком на три месяца, однако он был заменён на домашний арест. Такая издевательская замена, наверное, объяснялась тем, что это особенно интересно – назначить священнику в качестве наказания домашний арест; если он выйдет из дома, его поймают и отправят в тюрьму до конца срока. А если священнослужителю нужно пойти к умирающему? Пускай идёт под страхом тюрьмы! И это происходило в двадцать первом веке в свободной цивилизованной стране.

Как только человек на фоне нормальной человеческой жизни становится искренним

христианином, с ним начинают происходить события, подобные евангельским историям двухтысячелетней давности. Его гонители в большинстве своём тоже считают себя христианами, но не видят вопиющего противоречия.

Стоит отметить, что обычный городской приют в городе был рассчитан только на женщин с детьми. Бездомным мужчинам некуда было обратиться. Как было сказано выше, муниципалитет запрещал открытие приюта, который уже имел возможность принимать несчастных, потому что соседи были против. И вот зимней ночью бездомный молодой человек сгорел заживо прямо у ворот этого официального закрытого приюта, пытаясь согреться. Только тогда конкуренты Адлеров получили разрешение на открытие приюта, но с рядом оговорок: принимать-то можно всего восемь человек, да и то с ограничением срока пребывания. И уж после этого приют Герберта Адлера преследовали всеми силами.

Оба судебных дела были полны фотографий церковных служб и икон из дома Адлеров как

доказательств преступной деятельности Герберта. Да, его судили за церковь! Но в чём же здесь преступление?

Первое заявленное нарушение – это использование собственного дома для совместной молитвы с соседями и игнорирование правила, что канализация не рассчитана на такое количество людей. Значит, если позвать сорок человек и употреблять с ними крепкие спиртные напитки, это будет считаться нормальным – это же частная вечеринка. Приглашение же трёх местных старичков для того, чтобы вместе помолиться, переходило в категорию общественного собрания и являлось преступлением.

Обвинения во втором преступлении тоже оказались максимально надуманы. За первое нарушение Герберта разорили, и теперь, когда человек пытался предоставить свой кров бездомным, чтобы вместе выживать, его обвинили в мошенничестве и обмане государства. Дальше к делу присоединилась налоговая служба и предприняла попытку отобрать у Герберта последнюю верёвку, на

которой от всей замечательной кутерьмы можно было бы повеситься.

Суд потребовал выплатить всё полученное за год пособие, в противном случае семью ожидало бы тюремное заключение. Помог Адлерам нищий жилец Дэйв, бывший вышибала и отчаянный курильщик марихуаны. Он получил крохотное наследство и отдал всю сумму за выкуп Герберта и Эльзы с условием, что следующие два года будет бесплатно проживать в приюте. Вместо двух лет он не оплачивал пребывание в доме целых четыре года. Кроме того, он принялся активно помогать Эльзе и Джейку в заговоре против Герберта.

В итоге дом был продан. Перепилив сук, на котором сам же и сидел, Дэйв не прожил и четырёх месяцев после потери жилья. Его нашли мёртвым: голод, наркотики и больное сердце сделали своё дело. Некого было позвать на помощь! Останься он в доме Герберта, ему могли бы вызвать скорую помощь и спасти.

Дэйв всегда говорил, что является атеистом; когда умрёт, он вернётся в этот дом, где

единственный раз за всё своё существование жил счастливо и беззаботно. «Я буду являться приведением новым хозяевам этого дома!» – усмехался Дейв. Он был при жизни весьма уродлив, с лицом, с которого не испить воды; его характер также не отличался приятностью.

После потери дома Герберт пытался помогать людям, но его помощь оказалась никому не нужна. Нужен был его дом, а сам по себе Герберт никому не был нужен.

ОСТРОВ ЛИШНИХ ЛЮДЕЙ

Герберт называл свой приют островом лишних людей – как на свалку, им сбрасывали неугодных и неудобных. Кто-то избавлялся от не в меру сварливых родителей, кто-то – от опостылевших супругов, а кто-то – от надоевших детей. И ведь не было ни одного по-настоящему осиротевшего. Обязательно кто-то у человека имелся, но этот кто-то и знать его не желал. Это и понятно: люди-то тяжёлые, неприятные, проблемные, пьющие и

дерущиеся, лживые и бессовестные, блудливые и опустившиеся, но при этом глубоко одинокие и несчастные, и вечно балансирующие на краю гибели.

То, что было немыслимо на нашей родине (где это слыхано, чтобы в Союзе пьющего выгнала на улицу жена или мать? терпели, мучились), холодный западный рассудок вполне допускает и поддерживает. Как удобно жить в своих чистеньких домах, похожих на дворцы, сбросив родных, как ненужный сор, выставив их на улицу так, будто сами родственники ни капельки не виноваты, что эти люди стали такими!

Самое удивительное, приюту помогали вовсе не те, кто избавился от своих неудобных родителей, супругов и чад, а совершенно другие, незнакомые или мало знакомые люди, не замеченные в подобных радикальных чистках собственных семей.

Казалось бы, женился, родил, воспитал, вырастил алкоголика, вора, наркомана, лгуна, подлеца – ну и живи с ним. Какой-никакой, а свой сын, своя дочь, родной муж или жена. Не будем никого винить, со всеми бывает. В семье, как говорится, не без уroda.

Но нет же! Выставляют за дверь и даже не думают копеечкой посодействовать. А люди ведь в приют попадали больные, часто с травмами головы, неспособные ни отвечать за себя, ни себя содержать. С ними возиться надо – каждый день, каждый час. И толку от того, что некоторым из них положена пенсия по инвалидности? Без присмотра они её за два дня пропивают и потом валяются без сознания по паркам, изнасилованные и в синяках на полтела, того гляди в морг попадут. А потом всё будет чистенько: был человек – и нет. Красота!

А тот, кто его, по сути дела, предал, вышвырнул на все четыре стороны, будет с этим вполне счастливо жить дальше, говоря: мол, сам человек виноват, уже взрослый был, а жить с ним или с ней я не мог. А Герберт мог? А ему это счастье было надо? За это он поплатился собственной семьёй и чуть не поплатился жизнью.

Да, нам Бог велел терпеть всех, любить всех, кормить всех. А родственникам обитателей приюта, Бог, видимо, велел икорки красной откусывать, ручки чистенько вымыть и почивать в своих постельках.

Кукушки и то порядочнее поступают, подкидывая своих кукушат. Кукушата-то у них непьющие и без криминальной истории на три тома.

Но все как раз тыкали в Адлеров пальцем – мол, идиоты. И зачем вам это надо – пускать к себе в дом всякую шваль, жить в вечном страхе поножовщины на кухне? Закройте свою богадельню! Вот и закрыли. Не без дружной и настойчивой помощи со всех сторон – закрыли.

Раз нет совести, так хоть бы денег давали, чтобы такие люди, как Герберт и Эльза, с пустыми карманами не тащили на себе больше дюжины людей, чтобы у батюшки днём и ночью не болела голова, как достать еду и оплатить жильё и коммунальные услуги!

Глас вопиющего в пустыни!

А В БОГА-ТО ТЫ ВЕРИШЬ?

Дочь Энжела вышла замуж за сына инспектора, преследовавшего церковь четы Адлеров. Новый член семьи долгое время жил в доме Герберта и доносил

своему отцу обо всем происходящем. Вероятно, инспектор стал внушать Эльзе, что Герберт – религиозный фанатик, что уже нет никакой возможности сдерживать поступающие на их дом жалобы. На приют жаловались, потому что местные органы соцобеспечения отказывали в выплате пособий несчастным, которых повсюду собирал и привозил к себе жить Герберт. Содержать же четырнадцать человек без какой-либо финансовой помощи, на одни только пожертвования в виде картофеля, риса и вещей, было весьма непросто. Приближалась зима, а с ней и огромные затраты на отопление. В муниципалитет не переставали поступать жалобы на то, что у Герберта проживает слишком много людей. Но ведь дом был огромным и легко мог вместить и пару десятков человек!

Пока шли приготовления к свадьбе дочери, Герберт радовался. Никто не предупредил его, чем всё это закончится. Он начал ремонтировать и обустраивать дом для несчастных.

В один прекрасный день жена сказала, что хочет развестись.

– Развестись? А в Бога-то ты веришь? – осторожно уточнил Герберт.

– Считай, что нет, – резко ответила Эльза. – Ты бьёшь своей религией меня и детей по голове.

– Я вовсе не хочу никого бить. Ты позвала меня к Христу, я пошёл, возглавил это шествие, стал священником, и вот теперь ты разворачиваешься назад?

– Я тебя ни о чём не просила, тем более возглавлять. Ты применяешь религию для подавления всех вокруг себя.

Герберт был искренне удивлён. Никого он вроде бы и не хотел подавлять. Есть учение, есть каноны, есть правила... В его доме и так практически ни одно из этих правил не соблюдалось. И вот теперь оказывалось, что он тиран и деспот, который насаждает чуть ли не теократическую тиранию.

Но ведь Эльза сама выбрала путь православия! Как же она хотела одновременно быть матушкой и при этом плевать на своего батюшку? Причём тот ничего и не требовал. Обычно на всё в таком доме должны брать благословение у священника. В доме

Адлеров и близко ничего подобного не было. Герберт, наоборот, думал, что по доброте или пагубному человекоугодию слишком всех распустил. А тут такая новость: тиран!

Официальным мотивом её желания развестись были невозможные условия жизни. Герберт предложил: «Давай изменим жизнь. Прихожане хотят купить для нас другой дом поменьше, а этот оставить под приют», – но Эльза позвонила им и велела не делать этого. Герберт озвучил другой вариант: «Если хочешь, давай снимем отдельную квартиру и будем в ней жить», – но и на это получил отказ. Любые попытки что-либо изменить пресекались на корню. Эльза жаждала мести и крови за свою, по её мнению, неудавшуюся жизнь.

Впоследствии выяснилось, что она ушла в государственное заведение, ведь в этой стране всё происходило по правилам: если женщину с ребёнком обижали, она имела право на соцобеспечение и недорогое субсидированное жильё. Герберт много раз наблюдал ситуацию, когда женщины используют

систему, чтобы получить от государства жилплощадь по очень низкой цене.

Эльза начала провоцировать жильцов, рассчитывая, что они нанесут ей обиду. На Герберта в этом плане было мало надежды, он в то время являл собой самую кротость, поэтому женщина переключилась на живших в доме людей. В свою очередь, эти бывшие бездомные были очень нервными.

В один прекрасный день жена пришла домой со стеклянными глазами. Видимо, она с кем-то обсуждала, что в случае отсутствия доказательств того, что её обижают в собственном трёхэтажном доме, ей не дадут субсидированного жилья. Эльза сцепилась с одной женщиной, никто даже не слышал, что они друг другу сказали. Супруга немедленно позвонила в полицию и заявила, что её обижают, просила приехать и спасти её. В приюте не хватало только полиции!

Герберт взял трубку и заверил: «Эта женщина сейчас уедет». В это время жена уронила кастрюлю. Полицейские на том конце провода закричали: «Что

у вас происходит?! У вас драка, мы срочно выезжаем!». Герберт уговорил жену взять трубку и ответить: «Нет, ничего не происходит, можно не приезжать».

Это произошло в выходной, ни в одной гостинице не было мест, и отправить женщину было совершенно некуда. Герберту пришлось два с половиной часа везти её к знакомым, чтобы где-то поселить. На обратном пути он понял, что добром это не кончится, жена обязательно привлечёт к делу полицию или сотворит что-то худшее. Тогда Герберт снял себе комнату, приехал и сообщил, что будет жить отдельно, на что Эльза ответила: «Не надо, я уйду сама». Через несколько дней она с детьми куда-то исчезла, солгав, что едет жить к прихожанам, у которых больной ребёнок.

Герберт подумал: «Хорошо, пусть ухаживает за ребёнком, это не так уж страшно». В дальнейшем оказалось, что ни к каким прихожанам Эльза не поехала, а заявила властям, что её обижают, и поселилась в государственном приюте. Через некоторое время ей предоставили великолепную

двухэтажную квартиру, за которую практически не нужно было платить. Люди давно привыкли к этой системе, для большинства ожидание в очереди на жилплощадь занимало пять-шесть лет. Но если человека обижали, он получал жильё гораздо быстрее. В случае с Эльзой дело было вовсе не в везении – ей поспособствовал работающий в муниципалитете инспектор, возможно, даже не поставив женщину в известность.

Итак, жена легко и просто обменяла Герберта на квартиру, имея трёхэтажный дом. Такому ходу её научили проживающие в доме Адлеров люди; они и сами всё время прибегали к подобному методу.

Как же Эльза объясняла и представляла себе этот расклад? Она полагала, что всё останется как прежде: батюшка будет продолжать служить, она станет приезжать и петь в хоре. Здесь отчётливо проявилось всё её лицемерие: как же Герберт теперь сможет служить, если ему стало противно жить? Как она сможет петь в хоре, когда предала мужа?

Герберт больше не мог совершать литургию, не мог стоять перед престолом Божьим. Он был

слишком ошарашен происходящим и понимал, что вернуть прежнее благоговение уже не сможет. Эти чувства выливались в стихи:

1

Опять моих былых видений след
Не кажется мне мрачным, в самом деле.
Как позабыть вас, грёзы прежних лет,
Когда моим вы сердцем овладели?
Я словно запасал вас долго впрок
И вот теперь я вижу, как в тумане,
Моих надежд несбыточных поток,
Волшебный ветерок моих желаний.
Собой картины вы счастливых дней
Напомните, как отголосок мифа,
И снова в сладкий хоровод теней
Любви и дружбы уведёте тихо.
А хоровод тот – сущий лабиринт,
Где не найти ни выхода, ни входа...
И снова сердце горько заболит
О прежнем счастье, плача без исхода.
Поёте мне вы песни, что я пел,
Когда не мог ещё представить даже
Всё то, что я потом перетерпел
И душу что оставило мне в саже.
Угас, увы, мой пламенный восторг,
Как первое конца напominанье,

Когда ещё представить я не мог,
Что сбудется и это предсказанье.
И длинная упрямая тоска
Стянула душу, словно бы удавка,
И мыслью тяжкой шепчет у виска,
Что мне былого якобы не жалко.
Ещё как жалко! Средь духовных царств
Я заплутал, увы, вполне серьёзно.
И моё сердце превратилось в кварц,
И жизнь моя переродилась в фарс!
Что невозможным было, то возможно!
И, содрогаясь и давясь слезой,
Я променял святыню на банальность,
И всё, что ныне, – словно не со мной,
А то, что было, – словно бы реальность...

2

Когда расстались мы
В молчаньи и слезах,
Убитые мечты
В сердцах разбили в прах.
И в холоде лица,
И в бледности щеки
Постиг я до конца
Всю глубину тоски.

И поцелуй росы,
Что в предрассветный час,
Предупрежденьем был,
Что чувствую сейчас.
Как от стальной косы,
Опали клятв листы.
Не пало на весы
Последнее «прости».
И в имени твоём
Уже намёка нет
На то, что мы вдвоём
Прожили много лет,
На то, как я рыдал
И как рыдала ты,
Похоронив в подвал
Убитые мечты.
Запретная любовь
Закончилась тоской.
И лучше больше вновь
Не видеться с тобой.
Лишь через много лет,
Отбросив стыд и страх,
Послать тебе привет
В молчаньи и слезах.

Больше не было его ласковой и кроткой Эльзы. Не было милой и доброй матушки. Украл инопланетяне, бесы – думайте что хотите. Да, именно инопланетяне! Украл и подменили, всё, нет её больше. Герберт любил собственную фантазию и теперь горько её оплакивал.

Полями в звонкой рани, как побледнеют тучи,
Уйти мне будет проще. Ты ждёшь давно меня.
Промчусь я через рощи, взлечу я через кручи,
О, как разлука ранит! Не вытерпеть ни дня.

Но тяжким думам тесно от ноющей разлуки.
Не слышно мне ни звука, и некому помочь.
Мой путь – сплошная мука. Согбенный, скрестив руки,
Бреду в край неизвестный, и день мне стал как ночь.

Меж звёздными мирами читаю твоё имя,
И парус не белеет над бездной грозовой.
Не встречусь я губами с ресницами твоими,
А положу фиалки на камень гробовой.

ШУТ, МАТЬ ТЕРЕЗА И КУ-СЮ

Во всякой истории, даже самой грустной и непоправимой, нужен какой-никакой шут, как у короля Лира. Чтобы таскаться за ним и протяжно канючить: «Дя-я-я-я-я-денька, дя-я-я-я-я-денька, войди в разум! Никакой ты не король, а дурак! Лучше быть королём дураков, чем королём-дураком!». Цитата, конечно, не точная, но сейчас не до цитат. Лир не был жертвой, он донимал своих дочерей по полной программе. Гостил у каждой по месяцу со свитой из ста дебоширивших рыцарей, которые обижали местную прислугу; самодурствовал и требовал к себе полного почтения, немедленного исполнения любых взбалмошностей, хотя реальную власть отдал дочерям. Хотя мало кто обращает на это внимание, но Шекспир правдиво описал характерные черты многих родителей. Так, родители Эльзы, например, были чистой воды короли лиры с заламыванием рук и призыванием бури дуть во всю буйную дурь.

Герберт не был королём Лиром ни в какой степени. Да, его безусловно все предали, но всё-таки король был взбалмошным негодяем, а Герберт, может, и взбалмошный, может, по мнению Эльзы, и негодяй, но по-другому. Лир был нелиричный, а Герберт – лиричный и поэтому не Лир. Вот такая несправедливость иногда случается даже с самыми трагическими героями. Герберт ведь и сам был шут ещё тот. Как сказала одна прихожанка, он хоть и внешне вполне смахивал на классического попа с богато украшенным бородой ликом, но взгляд у него, дескать, был слишком живой, шутки вольными, а где свобода высказываний, там и когнитивный диссонанс в полной мере. Всё это усугубляло неуважительное отношение к авторитетам, которое Герберт с трудом скрывал, хотя оно и весьма выпячивало.

По закону жанра земного спектакля главный герой не мог быть сам себе шутком, и поэтому наш ласковый и, несомненно, полный любви к нам Громовержец, хоть и с сомнительным театральным вкусом, подыскал слишком живому священнику

шута от души – как говорится, не обидел, отвалил в полной мере, чтобы мало не показалось!

Злого шута звали Савий. Он появился в доме Адлеров, как водится, внезапно. Будучи профессиональным, идейным бездомным, он тёрся возле протестантской церкви и порядочно замучил служителей. А наш батюшка, славившийся широтой религиозной и прочей терпимости, принял его даже от протестантов, не побрезговал. Ведь прочие православные убеждены, что другие деноминации никакие им не братья во Христе: как говорится, чёрт им – брат во Христе! Правильно веровать нужно, без всякий зыбких, скользких ересей.

Савий явился на велосипеде, балансируя, как эквилибрист, огромным тюком на спине, где шатко покоился весь его многообразный скарб, включая палатку. Савий селиться у Адлеров не пожелал, а разбил лагерь на лужайке перед домом. Питался отдельно, исключительно здоровым образом, а в дом наведывался по хозяйственным нуждам и позадирать домочадцев.

– Батянечка, – придурочно обращался он к Герберту, – в вашем притоне, простите, приюте побольше бы девчонок. А то у вас только всякая нелюдь кишит. Никакого удовольствия! Я это не от сладострастия, а по-дружески рекомендую. Вы так себя, ваше преподобие, совсем от красоты и пригожести отучите. Хотя матушка скоро всё равно всех разгонит.

– Это почему? Так уж и разгонит? – Герберт смеялся над лжеюродивым. Ему казалось, что шут несёт бред, но ведь тот попал в точку. Разогнала, ещё как разогнала!

– Так виданное ли дело, батянечка, в дом всякую шваль тащить?! – кричал Савий, и кишащая вокруг шваль злобно огрызалась на такие неуважительные слова о ней.

– А мы сами-то с вами не шваль, что ли? – по-философски обобщал Герберт. Но Савий гнул своё.

– Вот вы, батянечка, духовно сибаритничаете, а кончится всё несуразно, помяните моё слово. Слезами умоетесь. Выть будете!

– Так уж и быть! И это почему ещё сибаритствую? – интересовывался Герберт. – Сибаритствуют – это вроде живут в роскоши и неге? Эка загнул – «сибаритствовать»!

Савий, несмотря на образ дурачка и любимую присказку: «Что-то вы, батянечка, мудрёно изъясняетесь, непонятное чавой-то говорите», – часто выстреливал заумным словечком, словно приоткрывая очередную страшную тайну своей биографии (коих, впрочем, было немало). Дескать, он не простачок, а может, даже какой-то философ бродячий или метафизик с обширными мнениями в весьма хитросочинённых вещах.

– Так, батянечка, я и говорю – сибаритничаете, но духовно. Нельзя на таком помёте, как мы, опыты ставить, коммуны образовывать, строгую анархию вводить. Вы же, батянечка, поплатитесь за эдакие вольности. Мы вам всю плешь проедем, а потом голым и босым гулять отправим.

Герберт смеялся и не верил. Стоило ответить шуту что-нибудь в православном духе, как Савий приходил в нешуточное негодование.

– Я верую в Колобка, – возвещал Савий победоносно. Он этой верой в колобка ещё протестантов довел до нервной тряски.

– Это почему же в Колобка?

– Его невозможно поставить на колени! Ему не выкрутишь руки! – Савий становился в торжественную позу и принимался декламировать: «Верую и исповедую, яко Колобок еси воистину круглый, пришедший в мир голодных накормить, от них же первый есмь аз». Этим богомерзким словоблудием Савий приоткрывал очередную свою тайну: его необычная осведомлённость в церковном жаргоне говорила о том, что за свою жизнь он обжёгся и об эту жаровню.

Савий юродствовал от души, с охотой и со вкусом. Когда в приют звонили, он брал трубку и совершенно придурочным голоском с придыханием возвещал:

– Аллё! Чаво надо? Батюшку? А они давеча пришли-с домой выпимши, почивают и будить не велели! – и это при том, что совершенно трезвый Герберт сидел напротив Савия, когда тот так

паясничал. Но батюшка только благодушно веселился и поощрял шута, чем выводил из себя всех жителей приюта и особенно матушку.

– Какой он юродивый? Юродивые – святые, а он же атеист, – говорила с нескрываемой неприязнью Эльза, – креста на нём нет.

– Да многие с крестом хуже безбожников, а у него, может, такая форма юродства, – размышлял Герберт. – Может, он надел на себя такую личину... Или, может, он *святой атеист*?

Но Савий не был святым. Святые ведь не должны ненавидеть, а он самозабвенно на дух не переносил подавляющее большинство жителей приюта, и ему охотно платили той же монетой. Самая страшная, можно сказать, животная вражда у Савия была с регентшей, которую Герберт выписал с Украины взамен молоденькой певчей, не выдержавшей в приюте и пары месяцев.

Одесситка регентша Алефтина была куда крепче. Она продержалась почти год и уехала от греха подальше уже под самый конец, когда матушка

Эльза принялась опасно злобствовать направо и налево.

Регентша Алефтина тоже не понимала батюшку.

– И шо вы разоряетесь без копейки денег? – частенько говорила она ему. – Разгоните всю эту кодлу.

– Так в том-то и дело, что каждый житель приюта предлагает всех выгнать и оставить только его. Все хотят индивидуальный приют! Чтобы заботились и кормили только его одного.

– Ну, это уже таки брак называется, когда приют для одного. Батюшка, я всё понимаю. Вы такой верующий, но не до такой же степени!

– А до какой степени нужно быть верующим? – вопрошал Герберт. Тут вмешивался Савий:

– Батянечка, регентшу первую гнать надо. Она консервы общие ворует и у себя в комнате прячет.

– Мужчина, а тебя что, спрашивали? Я пару банок скумбрии с благословения батюшки взяла, чтобы на родину послать.

– Батянечка, гони её. Она ведьма!

– Шоб я видела тебя на одной ноге, а ты меня одним глазом!

– Ви уходите с кухни, слава богу, или остаётесь, не дай бог? – Савий подстраивался под одесситский говор, хотя заметно злился.

– Да шо ви уже такое говорите, чего я вам ещё не слышала? – напирала Алефтина. – В Украине эта скумбрия нужнее. У меня там дочь и мать!

– Шоб ви так жили, как прибедняетесь!

– На тебе дулю, купи себе саван, а на сдачу застрелись!

– Не крутите мне мои фаберже!

– Да будь я на родине, я бы твои фаберже тебе на уши натянула! Тебе скучно? Сейчас я сделаю тебе скандал, и будет весело!

– Иди ты на ...

– Я там чаще бываю, чем ты на свежем воздухе! – отвечала Алефтина, хоть прожила год в вынужденном воздержании, и это при том, что Савий постоянно жил в палатке, и воздух вокруг его нехитрого жилья был вполне свежий, за исключением самой палатки.

Ох, как они друг друга ненавидели! А Герберт потешался над смачной перебранкой. Наивный идиот.

Герберт пытался увещевать Алефтину:

– Вы же не жительница приюта, а наоборот, представитель церкви.

– Да она стерва: и жалование получает, и скумбрию ворует, – вмешивался Савий.

– Да вот те крест, убила бы вахлака! – замахивалась Алефтина на Савия. Вот поверите ли, батюшка, этот поц всю жизнь мне тут отравил. А вы ведь меня, почитай, спасли. Я уж и не знала, в проститутки пойти или к вам ехать.

– Да какая из тебя проститутка? – возмущался Савий как истинный знаток. – Тебе самой доплачивать придётся, чтобы кобель какой затрапезный позарился!

– Убыю засранца, батюшка, вот тебе Святой Боже, убыю!

И Алефтина нешуточно зыркала на Савия так, что даже в соседних комнатах у многих холодело на сердце.

Вообще, кухня в доме Адлеров была истинным полем брани. Изящно оформленная за немалые деньги, с игривыми завитушками и витражными стёклышками в шкафчиках она грубо диссонировала со страстями, невольной свидетельницей которых ей приходилось быть. В доме Адлеров всё вызывало это ментальное несоответствие между изысками декора и дикостью житейских сцен. Возможно, только после революции, когда чернь нахлынула во дворцы, можно было наблюдать такую фантазмагорию. Но здесь прежнее богатство таким образом, в соответствии с безумием Христа, было отдано на всеобщее поругание.

– Разваливают дом, а ему хоть бы что, – сетовала Эльза, хотя дом не любила. Может, Герберт назло ей разрушал свой самый дорогой подарок, сделанный жене. Этот дом, как, впрочем, и всю свою жизнь, он посвятил ей, но та не желала его даров. И вот теперь он измывался над домом и тем самым неосознанно мстил за отвергнутый дар, за отвергнутую любовь. Вот такая сложная комбинация вполне могла, как говорится, иметь место.

Савий особенно любил издеваться над батюшкиным домом. Он частенько говорил:

– Не ожидал я от вас такой пошлой меркантильности. Всё-таки лицо духовное, а барахла, как у последнего барыги.

Но Герберт всё принимал с незлобивой усмешкой.

Когда на очередной моцион выходил ещё один персонаж приюта – величавый профессор, который приехал к Герберту на недельку, а задержался на два года, – Савий неизменно повторял:

– Ну что, утомились, пися́?

Профессор писал исторические поэмы и морщился при слове «пися́», а Савий много раз на дню повторял эту фразу.

– Дайте-ка я Вам яишенку сварганю, – примирительно предлагал Савий, и профессор благосклонно позволял себя угостить. Питался он в основном яичницами, которые жарил себе в любое время дня.

Савий утверждал, что когда-то служил поваром в ирландской харчевне, видимо, после того как, по его же словам, его выгнали из садовников в Англии.

У него весьма ловко выходили супчики и омлеты. Но готовил он их только профессору и батянечке. Больше никому.

Ещё жила в приюте старая грузинка Тереза, и поэтому, разумеется, её прозвали не иначе как мать Тереза. Жила она не от нужды, а потому что дома ей в её почтенные девяносто три года было скучно, и сын на лето привозил её пожить с людьми, пообщаться.

Мать Тереза была красавицей даже в свои годы. Её благородные черты лица указывали на принадлежность к гордому народу. Тонкие жилистые руки неизменно несли на пальцах целый капитал, состоящий из разнообразных алмазов и яхонтов невообразимой каратности.

Она обладала короткой памятью и постоянно повторяла одни и те же истории, но, поскольку в приюте жило четырнадцать человек и приезжало

много гостей, ей всегда была уготовлена благодарная аудитория.

– Ваабщэ, я винодэлка, – в очередной раз начинала свой рассказ мать Тереза, хотя все знали, что она выпускница консерватории.

– Как же так, – тут же встревал Савий, – вроде же вы служительница музыкальных муз?

– Ой, маладэц! Дагадался! – обворожительно улыбалась Тереза. – Но сначала я была винодэлка. Ми хадили на практику с грэлками и туда сливали молодое вино. Патом всэ удивлялись, пачему практиканты такие вэсёлые!

– Ой, матушка Тереза, куда ж вы на старости лет попали! – причитал подлец Савий.

– А што? Разве тут плохое мэсто?

– Ой, плохое, – передразнивал её Савий.

– Сынок, ты што, картвели? Грузин?

– Да, конечно! – врал Савий, хотя часто представлялся полным именем – то Самуил Моисеевич, то Моисей Самуилович. Настоящее его имя так никто и не узнал.

Мать Тереза верила и тут же переходила с ним на грузинский. Савий настолько манерно реагировал на якобы родную речь, что мать Тереза верила, а более подробно разобраться в национальных корнях шутника не могла, потому что через минуту всё забывала.

Герберт садился за разбитое фортепиано и принимался аккомпанировать, мать Тереза устраивалась рядом и пела по-грузински «Сулико». В одном месте Герберт всегда фальшивил, и мать Тереза резко шлёпала его по пальцам, приговаривая: «Нэ так!» – и заставляла сыграть правильно.

Но и тут Савий не оставался в стороне. Он затягивал захватывающую песню:

«Дэнги есть – Уфа гуляю,
Дэнги нэт – турма сижу!»

И тюрьма не заставила себя долго ждать. Савия арестовали на складе, где он хранил то, что не мог возить на своём велосипеде. Его обвинили в том, что он обчистил пять соседей по складу и украл двести турецких ковриков, всякую утварь и картины малоизвестного индийского художника, причём, по

утверждениям родственников, на сумму в двенадцать миллионов долларов.

Савию конкретно грозил срок. А ведь он бездомничал именно потому, что панически боялся государства и всяческих сношений с властями.

Савия выпустили до суда, и только после восьми месяцев напряжённого следствия оказалось, что картины индусы украли у себя сами, чтобы получить страховку.

Но и тут полиция не утомилась, желая записать его в сообщники. Два суровых следователя явились к Герберту в дом. Герберт отметил, что так можно любого обвинить в причастности к этой краже, да хотя бы и его самого. Сыщики внимательно посмотрели на Герберта и спросили наполовину в шутку, наполовину всерьёз: мол, если хотите, мы вам это устроим...

Герберт предоставил такие неоспоримые доказательства убогости Савия, а также его бронебойного кухонного алиби (ибо с успехом заезжего актёра он выступал на кухне сутки напролёт), что дело против него рассыпалось и с

несчастливого сняли все подозрения. А ведь хотели дать пять лет. Куда же делись двести ковриков, так и осталось тайной.

В доме шутили, что рано или поздно коврики найдутся у Савия, потому что он всё тащил к себе либо на склад, либо прятал в палатку.

Следователи, уходя, с заметной подозрительностью посмотрели на ковер у двери – не турецкий ли? – но ковер был настолько многострадально нетурецкий, что ввёл следствие в тупик, из которого оно так и не вышло.

После того как угроза тюрьмы миновала, Савий неожиданно принялся за устройство личной жизни. В приюте проживала тихая женщина, у которой муж сошёл с ума и, видимо, немного её этим заразил. Ей очень хотелось, чтобы её считали больной и сумасшедшей. Савий звал её Ку-Сю, охотно всякий раз склоняя её имя. Стоило ей появиться на кухне, как он говорил:

– А, вот она, Куся! Никак проснулась. Шейка тоненькая, а жить-то хочется!

Куся улыбалась благосклонно. Её муж пропал бесследно, и теперь она была не прочь наладить личную жизнь, несмотря на болезненную скромность поведения.

Герберт и не предполагал, что у Савия с Ку-Сю может выйти что-то серьёзное. Ведь мужчине было уже под шестьдесят, а Ку-Сю едва исполнилось сорок. Но в приюте все возрасты в любви были проворны, как ни смущало это нашего чистосердечного наивного батюшку.

Он всё понял, только когда Савий принялся готовить яишенку и для Ку-Сю. Большого доказательства интимности их отношений не требовалось.

Хотя и раньше регентша Алефтина докладывала, что её враг Савий уединяется и блудит с только с виду невинной Ку-Сю. Да и правда, та показывала в качестве рекламы свои фотокарточки в молодом возрасте и приговаривала, что была ещё той звездушкой. Савий с видом знатока причмокивал губами, а Герберт качал головой. Что делает с

красотой жизнь! Каких-то полтора десятка лет, и от звездульки не осталось и следа.

Но Савия это не смущало, и он игриво продолжал повторять о тонкой шейке, о том, что наконец-то в приюте появилась крутая девчонка, хоть и слабая на головной конец.

Потом оба решили, что близость была ошибкой. Савий стал снова груб, перестал делать яишенку и как-то обидно сказал пробудившейся молчальнице:

– Ку-Сю проснулась, отложила каку и села пить чай.

На это бывший литературовед Ку-Сю обиделась и решила порвать с охальником. Видимо, слово «кака» сыграло в этом приговоре решающую роль.

Однако чувствам не прикажешь, и потрёпанные жизнью молодые съехали на отдельную квартиру, где прожили недолгую семейную жизнь, уже навсегда прервавшуюся очередной госпитализацией бедной Ку-Сю.

СВЯТАЯ КОНКУРЕНЦИЯ

Духовенство города не любило Герберта, его церковь и приют. Батюшку весьма технично очерняли и эффективно изолировали от православной общины, посылали к нему самых опасных сумасшедших и создавали такую репутацию, что деятельность его сводилась к нулю.

Причём всё это делалось за глаза, а при встрече священники улыбались, троекратно лобзались, охотно твердили «Христос посреди нас».

Конечно, буквальное следование евангельским заповедям бросало вызов самодовольному духовенству. Герберт не ставил себе цели бросать ему вызов, но так получалось, что, открывая собственный дом всем страждущим и бездомным, он делал болезненный и очевидный упрёк всем тем священникам, которые не только не делали ничего подобного, но и вели себя по-хамски и ханжески со своими прихожанами. Разумеется, противодействие не заставило себя долго ждать.

За всем этим лежала не только зависть к добрым делам, но и простая грубая конкуренция за пожертвования. Зачем православные будут подавать Герберту на каких-то нищих, когда нужно давать на позолоту купола храма и на содержание честного духовенства, а не какого-то выскочки с его оборванцами?

Причём чаще всего до Герберта доходили такие вещи.

Спрашивает кто-нибудь у другого батюшки, что он думает о церкви Герберта, а тот грустно улыбается и тяжело вздыхает. Больше ничего не надо, этим всё сказано.

В более тесном кругу распространялась явная ложь, что Болгарская церковь, к которой принадлежал Герберт, не совсем каноническая. Это было неправдой, во всяком случае, на тот момент. В наше беспокойное время противостояния Московского Патриархата с Константинопольским вот-вот возникнет новый раскол, и трудно сказать, кто на чьей стороне окажется.

Герберт привечал протестантов и прочих еретиков, даже принимал от них пожертвования. Когда четырнадцать голодных ртов, как не принять мешки с рисом от добрых людей? Ну и что, что от протестантов, тут не важно, от кого. Принимали и от атеистов.

Герберт думал, что сменится старое поколение духовенства, и эти наветы за глаза прекратятся. Но не тут-то было. Эстафету приняли молодые священники. Они уже не знали точно, в чём обвинить Герберта, и просто говорили прихожанам, что, мол, с этим батюшкой что-то не в порядке.

Главной же причиной для обвинений всегда была Эльза. Герберта рукоположили при том, что он был женат на разведённой.

Герберт обошёл эту проблему тем, что перед рукоположением написал заявление, что никто из супругов *не был раньше венчан*. Гражданский брак не принимался в счёт. Священноначалие обо всём догадывалось, но решило, что будет правильно такого ревностного верующего, как Герберт, рукоположить.

Именно Эльза впоследствии своим уходом и сделала священство Герберта невозможным. Предавший раз, предаст и снова...

ДУХОВНАЯ БЕСЕДА

Герберт всё потерял, но не как испытуемый Богом бедный Иов, лишённый семьи и стада, а в гораздо худшем варианте. Он потерял нить, по которой бродил в лабиринте. Его жена забрала десятилетнего сынишку Патрика и ушла в государственный приют. Эльзе казалось недостаточным просто лишить мужа всего, она вдобавок унижала его как мужчину, говорила, что он никому не нужен.

Герберт, пытаясь разрядить обстановку, рассказал Эльзе анекдот: «Когда жена ушла, мне сначала было грустно и тоскливо. Но потом я завёл собаку, купил мотоцикл, о котором всегда мечтал, и наконец-то вдул соседке! Жизнь сразу наладилась, вот только теперь думаю, что, когда жена с работы вернётся – мне конец!».

Но вместо смеха от Эльзы он получил в ответ: «Иди, вдуй соседке!» – хотя она прекрасно знала, что у Герберта никогда в жизни не было никаких женщин, кроме неё.

Ах, так? Ну хорошо! Через пять дней после развода Герберт сообщил Эльзе, что нашёл другую женщину и предложил ей руку и сердце. Эльза не поверила. Звучало достаточно интригующе для обычного человека, а ведь Герберт был ещё и православным батюшкой. Он хотел отказаться от священства, убеждённый Эльзой, что является плохим служителем церкви. А поскольку многие разведённые священники вопреки традиции продолжают служить, то Герберт заявил о намерении вступить во второй брак и тем автоматически получил освобождение от сана.

Тогда Эльза пригласила бывшего супруга на беседу к духовнику отцу Алипию. Формально она искала примирения, но Герберт, увидев её совсем изменившуюся, отстранённо взволнованную, недобрую, понял, что в душе жена и не помышляет о

прекращении войны. Тогда он затеял разборки на отвлечённую тему:

– Джейк убил нашего кота, – предъявил Герберт.

– Кот болел, и его увезли на усыпление к ветеринару, – парировала Эльза.

– А у меня есть сведения, что наш сын застрелил его из духового ружья! – скандально взвился он. Эльза раздосадовалась.

– С чего ты взял?

– В коридоре была кровь, а жильцы слышали выстрел и приглушенное мяуканье.

– Чего ты хочешь?

– Понять, какой монстр твой сын, – Герберт намеренно произнёс слово «твой», имея в виду «ты воспитала чудовище».

Джейк давно отстранился от отца без видимой причины, ещё задолго до последних событий, когда поводов для ненависти не могло и быть. Зато сын трогательно любил мать. В его поведении чётко прослеживался эдипов комплекс – классика жанра.

Эльза пришла в покалывающее негодование:

– Ты совсем сошёл с ума!

– Пусть представит справку из ветлечебницы.

– Не сомневайся.

– И я подам в суд на ветеринара, который усыпил моего кота без моего согласия.

– Как же здорово! – злилась Эльза. – Не представь мы тебе справку – сын окажется монстром, а представь – подашь в суд! Ты со своими жильцами совсем повредился рассудком.

Перебранку прервало появление деловито шуршащей рясы.

Отец Алипий одарил бывших супругов рассеянным взглядом. Было ясно, что ему совершенно не хочется участвовать в разборках, вот-вот должна была начаться служба. Повисло характерное для подобной сцены молчание. Тогда Герберт взял быка за рога.

– Я предлагаю такой формат встречи, – с едва заметной иронией начал он, – пусть своё видение сложившейся ситуации сначала изложит Эльза, потом я, а потом Вы, отец Алипий, выскажете своё мнение.

Эльза помолчала и чуть слышно прошептала, что ей нечего излагать, пусть говорит Герберт. Тот ухмыльнулся так, будто бы противник на дуэли предложил ему первый выстрел.

– Ну что ж, тогда я попытаюсь объяснить, что произошло. Вы, отец Алипий, являетесь для нас обоих авторитетом. Правда, когда я обратился к вам с просьбой повлиять на Эльзу, мне было заявлено, что вы не станете брать ничью сторону. Я на вас обиделся. Всё же потом оказалось, что вы дали Эльзе совет ничего не рушить и просто отстраниться, если ей что-то не нравится.

Итак, девять лет назад, почти сразу после крещения, мы открыли свой дом для всех нуждающихся в крове, пище, внимании и любви. Дом наш неприлично велик, в нём три этажа, жить там одной семьёй просто нецелесообразно. Этот дом – след моих амбиций, когда я был довольно успешным бизнесменом. Следуя завету Христа раздать всё и следовать за Ним, я посчитал, что открытые для всех двери моего дома станут самым подходящим первым шагом в этом направлении. Также с благословения

архиепископа мы построили при доме часовню, куда стали приглашать священников. Мы издавали православную газету и приглашали через неё людей. Сначала к нам приезжали более или менее благополучные посетители, но потом мы скатились на некое подобие приюта для бездомных, наркоманов, алкоголиков и инвалидов. Я учился всех их терпеть, относиться к ним со вниманием, по возможности прощать, любить и ни в коем случае не осуждать.

После того как Эльза ушла, я попытался удалиться в монастырь, для чего проехал пять тысяч километров. Но матушка позвонила епископу, митрополиту, настоятелю монастыря и отправила им отвратительные письма. В монастыре я пробыл всего семь дней, меня очень технично оттуда выжили. Я пустился в обратный путь длиной пять тысяч километров. Эльза разогнала бездомных и преследовала меня, куда бы я ни поехал.

Отец Алипий молчал. Эльза смотрела в сторону отсутствующим взглядом. Герберт продолжил:

– Теперь я повстречал женщину и собираюсь на ней жениться. От сана я откажусь. Ведь если я с ней венчаюсь, то останусь частью Церкви? Ведь так можно? Ведь у меня будет шанс на Царствие Небесное, если я потом буду каяться?

Герберт явно наслаждался, он говорил так, как часто говорили ему. Церковь всё покрывает, всё терпит, лишь бы были жертвования.

– Вы и сами всё знаете, – ответил отец Алипий и выжидающе посмотрел на Эльзу. – А зачем, собственно, вы настаивали на встрече со мной?

Эльза сказала:

– Что тут говорить! Вы же понимаете: он меня ненавидит.

Я НЕ СВЯТОЙ

Герберт рассуждал:

– В моей ситуации нет ничего нового. Она прекрасно ложится на историю с Иовом несчастным или Иудой. Господь испытывает нас до самой смерти. В вере я не только не ослаб, но, наоборот,

очень укрепился. Вера подобна попытке скакать на разъярённом быке-сатане, который несётся во весь опор и бешено пытается сбросить нас со спины. Рано или поздно ему это удаётся, это только вопрос времени.

И лишь святые удерживаются на нём. Но я не святой. Я упал с быка. Герберт писал:

1

Я не святой.

А впрочем, кто же свят?

Живой святой –

То нонсенс жалкой блажи.

Живой – не свят,

А мёртвый не докажет,

Что дотянулся

Он до райских врат.

Как этот путь покат!

Как нас толкают в спину,

Как видят в каждом грех,

И как же много тех,

Кто на пути том сгинул!

Жестоко, Боже, требовать от нас

Какого-то святого совершенства:

Нам даже зуб за зуб

И глаз за глаз
Даются трудно.
Это ль не блаженство –
С размаху дать
Обидчику по роже?
Святыми стать
Ты требуешь, о Боже,
Суля в той святости найти покой.
Что, если кто-то вовсе не такой,
Что, если естество иное:
Ему не хочется покоя, –
Он разве в этом виноват?

2

Бог, хватит валить всё на дьявола,
Хозяин в доме – Ты.
Изволь навести порядок,
И так жизнь нас не радовала,
Заклочены мечты
В могильные ограды.

Ты – символ простоты.
Ну и сделай нам жизнь проще,
Да чтоб поменьше яда.
Крути чертям хвосты
Так, чтоб им стало тошно

Высовываться из ада.
Трагедия на трагедии.
Куда Ты смотришь?
При чём тут свобода воли?
Или Ты во святом неведении?
Или за нос нас водишь
И любишь побольше боли?
Зачем Тебе раболепие?
Зачем хвала льстивая?
Зачем воздыхания?
Вечность проведу во склепе я.
Такая смерть некрасивая –
Лежать и гнить без дыхания.

Зачем это уродство?
Ничего не поправить?
Зачем обижаешь праведников?
Смерть лишена благородства,
Как рэкетирский паяльник,
Которым пришли порадовать.

Плохо тебе было,
Что я тихонько жил.
Надо из себя вывести
И после что есть силы
Рвать до последних жил
Душу мою, до могилы.

Что за вселенский садизм?
Ты хотел откровенно –
Нате!
Ты сорвал с меня крест и ризы,
Хоть я был слугой отменным
Даже в домашнем халате.

В Евангелии от Матфея говорится: если исполнять заповеди Божьи, служить ближнему своему, любить его и Бога, посвящать все дни свои служению Богу и ближнему, то людям не о чем беспокоиться – ни о том, что им есть и пить, ни о том, во что одеться. И Господь повторяет это, приводя в пример траву, которую Он так красиво одевает, что она становится полевыми цветами.

Говорит Он: «Уж если эти полевые цветы так красивы, что красивее риз самого царя Соломона, то неужели вы, маловеры, не верите, что Господь может одевать вас? Если птицы небесные не сеют, не жнут, однако кормит их Господь, неужели вы боитесь, что не накормят вас?».

Это обетование звучит уже две тысячи лет, но до сих пор очень мало людей ему верит. Человек хочет гарантий, стремится сам себе зарабатывать, жаждет

припрятать что-нибудь на чёрный день, чтобы был запас. Не верят люди Господу, не верят даже тогда, когда Его благодеяния очевидно проявляются. А посему жалка и отвратительна жизнь большинства из нас.

Верят люди больше копеечке, денежке – вот истинный бог. Его лелеют, любят, ему доверяют. Какое там Евангелие, какие ещё обетования, жертвы Христовы, высшие сферы – вот она, копеечка! Копеечка – это наш настоящий идол. Это то, во что можно верить, на что можно положиться; то, что всегда спасёт, согреет, будет самым главным другом, помощником, единственно верным и надёжным родственником – словом, самым что ни на есть лучшим оплотом человеческого бытия.

Но Господь говорит: «Нельзя служить двум господам – и Господу, и маммоне». Маммона и есть та самая копеечка, которой люди готовы служить и за которую согласны продать свою жизнь. Вместо счастья бытия и удовольствия общения с ближними, вместо радости служения Богу, наслаждения чудесной природой и красками скоротечного лета

люди готовы залезть в глубокий подвал и целыми сутками тереть там какие-то посудины, тяжело работать не покладая рук, даже не понимая, во имя чего. Потому что людской бог – это копеечка. Она идол и потому важнее всего – бытия, жизни, спасения. Человек усердно на неё работает и готов рад её на всё: предать и ближнего своего, и Бога, и собственную жизнь.

Именно об этом говорит Господь: «Если око ваше чисто и просто, то и вся ваша душа чиста и проста. А если око ваше нечисто, то вся ваша душа, всё нутро наполняются тьмой. А если то, что вы считаете светом, есть тьма, то какова же ваша тьма?» – и ужасается. Какова же тьма человека, который отрекается от Господа ради копеечки, ради тридцати серебряников, которые были заплачены за жизнь и за Господа нашего?

Не надо повторяться, называя всех иудами, – это всё мы уже слышали и проходили. Поклоняясь копеечке, будучи готовыми ради неё предать Бога, Христа, мать и брата, любовь и жизнь, люди идут в ад. Ибо тот, кто любит копеечку больше Бога,

больше жизни, не может сопребывать с Господом в раю. Не получится купить себе пропуск в рай, такой увеселительный билет, за который можно заплатить и иметь гарантию, что окажешься в раю. А каков будет рай человека, если кроме сребролюбия у него ничего нет – ни истинной любви, ни искреннего прощения, ни подлинного умиления перед престолом Божиим?

Да, у нас ничего нет. Есть только любовь к этим копеечкам: лишь бы их было больше, лишь бы собрать их и упрятать. Какой же тогда будет рай? Что он из себя представляет? Горы копеечек, в которых мы станем купаться? Может, это будут горы бумажных денег или каких-то векселей? Каков он, рай для сребролюбца?

Увы, для сребролюбца нет рая. Этого никто из людей не понимает. Они готовы всё продать за копеечки, и нет никакой возможности прекратить это. А копеечки тем временем превращаются в страшные, горящие угли. И чем больше человек набивает их себе за пазуху, в подмышки, карманы, тем больше они будут его жечь и мучить. Это

камешки на дороге в ад, это свидетельство по капельке проданного и преданного себя и Бога.

Это очень серьёзный вопрос. Конечно, любовь Божья велика, каждый сидит и думает: «Что бы он там себе ни говорил, а я свои копеечки буду беречь». Да, Господь милостив и будет вразумлять людей в течение жизни, снова и снова лишая копеечек, показывая всю тщетность попытки предать Бога и заменить его золотым тельцом.

Рано или поздно эта борьба закончится. Вопрос лишь в том, что победит: золотой телец, маммона, ад, деньги, превратившиеся в угли, или покаяние и спасение.

НЕ В КОНЯ ОВЁС

– Просто удивительно, насколько люди не умеют договариваться! – негодовал Герберт. – Скажи, объясни, чего ты хочешь; я подумаю, и может быть, это не окажется настолько уж невыполнимым. Но нет! Театр всё время продолжается, каждый пытается изображать из себя нечто отличное от того, чем является на самом деле. А кем человек является, он и сам не знает и неизменно прибегает к

предательству как лучшему финалу любых
отношений, венцу! Венец Иуды...

Предательство. Излюбленный исход!
Как часто ты красуешься пред нами,
Простое, как обманутый народ,
И гордое, как брошенное знамя.

Предательство. Как весело звучит!
И хочется, не шевеля губами,
Бросаться на копье, откинув щит,
И на щите быть принесённым к маме.

Предательство. Ты светоч и маяк,
Движение, доказанное прозой.
Нам без тебя прожить нельзя никак.
Отбросим стыд, прикрывшись мудрой позой!

Предательство. Как узок твой изгиб,
Как неподкупна ненависть измены!
И в тот момент, когда почти погиб,
Вдруг начинаешь верить в перемены.

Предательство. Как лицемерны те,
Кто не слагал в экстазе дифирамбы!
Я б волю дал твоей простой мечте –
Прорвать на свете все речные дамбы.

Предательство. Ты как ночной потоп:
Внезапно и бесстыже, прямо в утро!
Увы, напрасно старый хитрый поп
Скрывал от нас, что быть Иудой – круто!

Предательство. Глоток вина – там яд.
Предательство. Нож в спину. Иль в затылок.
О, как тебе я буду даже рад,
Когда войдёшь без стука утром сивым!

Предательство. И я тебя предам!
И возведу порок в дурную степень.
Я – мёртв, смержу, я – сцена не для дам.
Я – жук. Я – червь. Я – неотступный слепень.

Предательство. Смириться и забыть,
И, бог с ним, не заметить поруганья –
Да! – как икон потресканная зыбь
Не замечает лживость покаянья.

Когда семья решила пожаловаться на Герберта
духовнику, Адлер позвонил ему и сказал: «Отец
Алипий, бывает всякое. Может, и ваша жена когда-
нибудь будет жаловаться мне на вас. Объясните моей
семье: нужно либо быть христианами, либо вообще

не связываться с верой. Объясните, что не существует служения в чистых рубашках, невозможно в чистой рубашке взойти на крест. Служение Христу – это кровь, пот, унижения, а всякий проповедующий иначе – просто лжец».

Отец Алипий ответил, что не хочет становиться ни на чью сторону и не будет вмешиваться.

– Но ведь это ваш долг – вразумлять, не так ли? Сколько же можно пускать всё на самотёк? – спросил Герберт.

– Знаете, – ответил отец Алипий, – конечно, я сделаю всё возможное, но будь как будет. Всё-таки я не стану брать ничью сторону.

– Даже сторону Христа? – возразил Герберт.

– Кто его знает, – пробормотал отец Алипий и напомнил Герберту Понтия Пилата, вопрошающего Христа, что же есть истина, в то время как истина стояла перед ним.

Так и случилось. Герберт не знал, о чём шёл разговор у семьи и духовника, но в итоге ему показалось, что никакой помощи от отца Алипия он не получил. В дальнейшем, после примирительной

духовной беседы, которая никого не примирила, Герберт встал, обнял священника и произнёс:

– Так ли уж это правильно – не брать ничьих сторон? Очень надеюсь, что вам не будет совестно за то, что вы сделали или не стали делать.

Герберт напрасно сердился на отца Алипия. Впоследствии выяснилось, что тот, в общем-то, ничего не мог поделать.

Хотя Герберт всегда удивлялся, встречая того или иного священника: зачем он этим занимается? Существует его фасадная сторона, которая известна и хорошо знакома прихожанам и окружающим, а есть некая внутренняя, где священнослужитель, если способен, честен с собой и со своими близкими. Эти стороны совершенно разные, абсолютно непохожие друг на друга. Та праздничная, лакированная известна многим. Но внутри у человека совсем иное: да, Бог жесток, а вера слаба; да, люди Церкви ведут себя отвратительно, всё гниёт и разлагается.

Казалось бы, зачем тогда всё это нужно? Неужели из-за того, что священники больше ничего не могут, кроме как махать кадилом? Кому они

приносят облегчение? Кому принёс облегчение Герберт? Мир как был жесток и отвратителен, так прежним и остался.

Пока с человеком этого не происходит, кажется, что всё гармонично и правильно, а все объяснения – безусловно верные и единственно истинные. Если что-то не сходится, всегда думается: «Наверное, я не знаю каких-то подробностей; это из-за них с человеком произошло то или иное несчастье». Но семьи распадаются, люди предают друг друга, несмотря на то, что им даже нечего делить. Дети гибнут.

Кто должен нести за это ответственность? Конечно, священники объясняют своим прихожанам: во всём виноваты вы сами, вы грешные, отвратительные, погрязшие в своих несовершенствах. Но, с другой стороны, если в детском саду воспитанники вдруг начинают шалить, доставлять друг другу различные неприятности, ранят, обижают, кто несёт ответственность за их действия? Сами дети? Нет, воспитатель.

Тогда как же можно перекладывать ответственность на простых людей, которые едва появились, открыли глаза и совсем не смыслят, куда двигаться и что делать?

После многократных попыток уйти от мучившего Герберта служения, он не нашёл иного пути, кроме как окончательно порвать с ним. Казалось, что в земной Церкви он не встретил ничего, кроме лицемерия, наглого вранья и убийственного предательства. Если какой-то человек и казался более или менее приемлемым, то лишь потому, что Герберт слишком поверхностно его знал.

Он и сам был источником всяческого греха, пошлости, гордости и не видел больше смысла продолжать эту деятельность. Когда же ему стали известны истинные мотивы действий, совершаемых матушкой, он горько пожалел, что отказался от сана.

В своей последней проповеди Герберт, ещё не зная о готовящемся против него заговоре, упомянул, что матушка – единственный человек, оказывающий ему поддержку. Кого он только ни призывал за эти девять лет! Но никто даже не хотел сделать вид, что

согласен следовать за Христом. И когда матушка оказалась главным гонителем и разрушителем храма, то более оставаться в Церкви не имело смысла.

Не случайно последняя проповедь Герберта стала именно такой:

«Дорогие братья и сестры! Сегодня мы прочитали отрывок из Евангелия от Матфея, где Господь призывает двух рыбаков – Петра и Андрея – и ещё двоих братьев Зеведеевых, и они бросают отца, оставляют мрежи (сети) и следуют за Ним.

Как всё просто! Когда в начале своего пути я читал Евангелие, то именно так и думал: всё будет очень просто. Я приду, объясню, что Христос есть истинный Бог, что Он Мессия, скажу: «Бросайте все свои дела, пойдём за Христом», – и все побросают и пойдут. Пожалуй, одним из самых больших сюрпризов духовной жизни для меня оказалось то, что найти себе единомышленников практически невозможно. Людей много, они приходят и уходят, некоторые остаются. Но они ни в коей мере не считают себя единомышленниками, не собираются ничего бросать, хотя, в общем-то, ничем особенным

и не занимаются; они не желают следовать ни за каким Христом.

Вот уже девять лет я неустанно призываю: «Давайте все вместе будем служить людям и Христу». Однако результаты моих усилий плачевны – сказать прямо, они нулевые. Никто не последовал за Христом; во всяком случае, ни один человек не оставил прежнюю жизнь и ничем не занялся.

Конечно, я понимал, что не смогу никого воскрешать – я не апостол, не святой, не Христос; исцелять тоже вряд ли буду; но думал, что своей горячей проповедью хотя бы позову за собой последователей – чего это стоит? Тем более в прежние времена мне удавалось убеждать людей во многих более сложных вещах.

Но нет! Христианство оказалось самым тяжёлым товаром. Даётся оно бесплатно, но люди не хотят его брать. Так, в качестве красивой традиции – пожалуйста! В качестве дани уважения своим предкам – пожалуйста! Зажгут свечу, оставят монеты на содержание церкви. Но в ракурсе того, чтобы поменять себя внутренне, чтобы бросить какие-то

старые привычки и занятия, действительно взять и хотя бы попробовать погрузиться в христианство – нет, оно им не нужно!

И ладно бы, они потом разбегались. Я всегда думал: должны же быть какие-нибудь молодые, неоперённые, глупенькие девочки и мальчики, которым можно поднять душу своей проповедью. Или дедушки с трясущимися руками и дряхлые бабушки, которым особо нечего терять, сказавшие: «Хорошо, батюшка, мы пойдём за тобой!». Но ничего подобного не произошло. Ни старики, ни молодёжь, ни женщины, ни мужчины – никто не последовал за мной.

Все люди разные: есть глупые и умные, есть хитрые и бесхитростные, добрые и злые, но все они действуют одинаково. Никто не желает пойти на такой шаг и бросить свои мрежи, свою мирскую деятельность.

Самое обидное, что многие из тех, кто оказывается рядом со мной, не имеют в реальности никакого занятия: им и бросать-то, по сути, нечего. Человек ничем в жизни не занимается, ему просто не

от чего отказываться. Ведь для начала достаточно согласиться даже на словах, хотя бы так: «Да! Давай служить Христу Богу, давай соблюдать заповеди вместе. Давай будем вместе кормить голодных, предоставлять приют бездомным».

Кстати, это мог бы сделать даже атеист: не обязательно следовать за Христом, чтобы творить элементарное добро. Но нет! Едва человек понимает, что придётся немного поработать, как сразу требует денег или каких-нибудь дополнительных благ. Нужно кормить нуждающихся? – Извольте заплатить, я буду поваром! Ещё что-нибудь делать? – Предложите оплату. Люди говорят так, будто я наниматель и мне это больше всех надо.

Я читаю это место в Евангелии и не могу понять: как это так, почему раньше люди вставали и шли за Церковью? Значит, я плохой проповедник и человек. Люди чувствуют гниль и не хотят за мной идти. Но я-то иду – факт налицо. Я иду, но за мной никто не следует.

Вот таким сложным явлением я хотел с вами поделиться. И главное, что оно становится

препятствием. Нельзя сказать, что со мной совсем никого нет – со мной есть матушка. Она, конечно, поначалу сопротивлялась, тоже не хотела бросать свои сети – у неё в них рыба, и всё прочее. Но через несколько лет она уже стала смиряться и сейчас, к моему великому счастью, является моим единомышленником. Но этого мало – она моя супруга, что тут удивительного? Наверное, ваши супруги тоже бы стали вашими единомышленниками. Да, такая странная вещь!.. Аминь».

Эльза, Эльза!.. Вот тебе и единомышленник, вот тебе и помощница!..

Выходит, что враги человека – это его домашние, самые близкие люди, которые могли бы его поддержать и похвалить: «Молодец, что ты ступил на путь веры. И спаси Господи, что ты у нас такой замечательный!». Нет! Чаще всего родственники его осуждают, обличают. Особенно любят изобличать в лицемерии и двоедушии. Но человека можно обвинить в чём угодно. Дьявол невообразимо хитёр, и самого что ни на есть святого человека (даже

Христа) он обвинит так, что ни у кого не найдётся ответных слов. Лукавый очень изворотлив, он лжец от начала мира.

Получается, люди пребывают в постоянной борьбе. Действительно, Герберт часто слышал, как на почве веры распадаются семьи, жёны расстаются с мужьями, отцы ссорятся с сыновьями, дочери – с матерями. Одни посещают церковь, другие – нет. Но ведь тот факт, что одни любят зефир в шоколаде, а другие – без него, не вызывает столько разводов и борьбы. Лишь вечный вопрос веры не даёт покоя верующим и атеистам.

Герберт замечал, что, когда человек проявляет свою веру (не дай бог, перекрестится в разношёрстной компании, прочитает «Отче наш» перед едой), вероятность того, что его атакуют и будут пытаться сбить с истинного пути, сильно возрастает.

Ещё пусты страницы книг,
Ещё молчат слова Писанья.
Ещё не смолк последний крик,
Ещё свежи Его страдания.

Ещё живём в тени голгоф,
Ещё не внемлем сути вещей,
Ещё чужда нам Его кровь,
Пролитая с горы зловещей.

На стыке эр, на стыке стран
Писали то, что мы обрящем,
Матвей, Лука, Марк, Иоанн –
Весть о кресте душедробящем.

Вы – ангел, лев, телец, орёл;
Вас четверо. Не нужен пятый.
Несите нам то, что обрёл,
Бог-человек, крестом распятый.

Вы словно раны тех гвоздей,
Пронзивших тело, впились в душу!
И даже, кажется, теперь
И я перед крестом не струшу.

Благая весть, меня готовь
Взойти на крест, где, как и прежде –
Крестом распятая любовь,
Крестом воскресшая надежда!

Люди – очень лёгкая жертва для бесовских внушений. Они словно сажают себе беса на левое плечо и, как радио, вещают всё, что тот шепчет на ухо. Всё это люди считают очень остроумным и замечательным, думают, что изобрели это сами, что это исходит от них самих. По-настоящему человек просто является проводником бесовской пропаганды. Когда нужно промолчать, он говорит какую-нибудь гадость о Церкви, Боге, монахах, священниках; когда нужно сказать что-нибудь доброе о них, человек их поносит, уничтожает, издевается и находит это чрезвычайно развлекательным и приятным занятием.

Поэтому Герберт всё время чувствовал себя как сапёр на минном поле. С одной стороны, ему нужно было сохранить свою веру, сказать ободрительное слово другим, а с другой стороны, не смутить, не стать причиной раздора, ненависти, крика, драки.

Для Герберта главным было, чтобы между людьми сохранялся мир. Пусть всё идёт хоть вверх дном – главное, чтобы был мир. Но вместо этого Герберт получил самую страшную за всю свою жизнь войну. Он и не предполагал, что столкнётся с

такой жгучей ненавистью к своей персоне от самого
близкого человека. Ах, лучше бы он умер!..

Мне подписали смертный приговор
Изящным росчерком помады на салфетке.
Тот, кто всегда готов к внезапной смерти,
Поймёт, о чём ведётся разговор.

Средь конфетти и мишуры беспечной,
И лицемерной вечной суеты
Вдруг в спину нож. Ах, это, Брут, и ты?
Кто избежал сей пытки бесконечной –

Быть преданным не зверем, не врагом,
А сыном или верною супругой?
Мне ведь и в прошлом приходилось туго,
Но раньше, смерть оставив на потом,

Я был всего лишь предаваем другом,
А тут гораздо крепче припекло,
Как будто в спину битое стекло
Они мне втёрли, торопя друг друга.

Прощаю, сам прошу прощенья я.
Убить ведь можно и без приговоров,
Без лезвий, бритв, химических растворов.
Убить ведь можно, просто не любя!

Герберт считал, что повседневно перед нами всегда стоит выбор между духовной жизнью и серыми буднями, обычными заботами, которыми мы можем занять себя в полной мере, от начала дня до заката солнца (да и ночами можем себя утруждать всяческими помышлениями о мирских заботах). Мы можем настолько погрузиться в заботы мира сего, что забыть о духовном вовсе. И будут течь наши дни в постоянном забвении о Боге, совести, справедливости, любви, спасении, существовании вечной жизни. Конечно, мы не можем полностью оставить заботы о доме нашем, о ближних. Если поступим так, тоже превратимся в нехороших людей. Если придёт к нам голодный, а мы станем ему проповедовать вместо того, чтобы дать кусок хлеба; если придёт больной, а мы вместо того, чтобы лечить его раны, начнём снова проповедовать ему; если человек находится в темнице, жаждущий и поруганный, а мы вновь не пожалеем его, а станем проповедовать, то уподобимся фарисеям и лжецам. Ведь говорят Святые Отцы: «Прежде всего полюбите

человека, потом дождитесь, чтобы он полюбил вас, и только потом говорите ему о Христе».

Сказано и в другом месте Священного Писания, что абсолютным нашим долгом и условием спасения, условием, чтобы Господь принял нас к Себе и посчитал своими, являются следующие поступки: накормить голодного, посетить больного, утешить плачущего, одеть раздетого.

В этом и заключается основная сложность принятия верного выбора, правильной пропорции духовного и земного в нашей жизни. Господь не требует от нас стопроцентной преданности в течение всего нашего времени. Ещё со времён первородного греха должны мы в поте и крови, в непосильных трудах зарабатывать себе на хлеб. Потому и заповедь Моисеева говорит: «Шесть дней работай и только седьмой посвящай молитве и Богу всецело».

Однако разные люди предназначены для разного соотношения земного и духовного. Есть люди, которые посвящают служению Богу всю свою жизнь. Они отказываются от всего земного, материального, мирского и целыми днями полностью посвящают

себя молитве, чтению Евангелия, служению Господу. Они выбирают благую часть.

Истинное спасение души заключается в нашей способности слышать слова Божьи. Нередко говорит Господь в Евангелии: «Имеющий уши да услышит!». Самая главная проблема наша в том, что не видим и не слышим мы ничего. А ведь совершенно очевидные, мистические совпадения ведут нас чётким, однозначным путём к Господу, Церкви, спасению. Но мы умудряемся закрывать на них глаза.

Поэтому Господь стучится в сердца наши, делает в жизни очевидными события, когда призывает нас и говорит: «Идите за Мной, слушайте, выбирайте благую часть!». Но мы не слышим и не хотим Его слышать. Нам удобно и спокойно в мареве повседневных суетливых забот, где не нужно прилагать усилий сердца, использовать потаённые уголки своей души, предназначенные для истинного спасения и веры.

Поэтому мы не должны жить в чутком ожидании посещения Господня. Во всяком событии жизни, во

всяком слове, казалось бы, случайно сказанном нам, во всяком совпадении кроется Его послание нам. И это послание ведёт к Евангелию, а значит, и к кресту.

Вот и дождался Герберт на свою голову посещения Господня, да ещё какого! Всего ожидал, но только не предательства жены.

СПАСИТЕ НАШИ ДУШИ

– Батянечка, спасите наши души!

– Ну, слава богу! Это же мой долг, – обрадовался Герберт.

– Не, не так. Я имею в виду SOS! – затрещал притворный голос Савия в телефонной трубке. – Потопла наша Ку-Сю.

Только по весёлым ноткам в его голосе Герберт понял, что, видимо, потопла не окончательно.

– Куся изволила на лодочке покататься. А я поспособствовал.

– Откуда вы взяли лодку? Украли?

– У соседа взяли.

– Значит, украли?

– Экий вы меркантильный, я вам об утопленнице, а вы мне о лодке. Сосед не заметил, а значит, не украли.

– Так лодка-то утонула?

– Не, её вытащили вместе с утопшей, и мы назад приплыли.

– А как же утопленница? Жива?

– Да, вот сидит обсыхает.

– Вода ж ледяная, пневмонию не подхватила?

– Не, только слегка порозовела. Им это на пользу пошло.

– Как же это случилось?

– Ну, сели мы на вёсла, отплыли на середину озера, и тут я, чтобы показать, что она мне всё ещё небезразлична, чуток её веслом огрел. А она, охальница, меня своим веслом так припечатала, что я из лодки оловянным солдатиком сиганул, а равновесие, знаете ли, не выдержало. Остов у Ку-Сю несмотря на стройность, мощный. Сам проверял.

– И что же дальше?

– Ну, как водится, лодочка перевернулась. А Куся-то плавать не умеет. Ну я подумал, если мы

вместе выплывать будем, то оба и потонем. Поэтому я поплыл к берегу один.

– А она что?

– А она за перевёрнутую лодку держалась, пока та не пошла ко дну.

– Ну?

– Баранки гну! На берегу мужики повстречались. Я говорю, спасайте-помогайте. А они по кромке воды прогуливаются, щупают водичку и морщатся. Говорят, опасно плыть, как бы хуже не получилось.

– Куда ж хуже-то?

– Ну не знаю... Говорят, спасателей надо вызывать. С вертолётном.

– Вызвали?

– Не, не успели. Ку-Сю на дно пошла. Я говорю им, поздно вертолёт, пора подводную лодку вызывать. Ну, тогда один мужик вспомнил, что у него моторка в кустах заныкана. Поплыл и успел лодку багром подцепить. Так что не волнуйтесь, батянечка, лодка в сохранности.

– А девушка?

– Куся? А чё с ней будет!

– Достали её из воды?

– Зачем? Она так на буксире, держась за лодочку, и выплыла. Живучая – жуть! Вот только беда, ножик я свой обронил.

– Куплю я тебе новый!

– Не надо. Такой не купите. Тем более мой достали.

– Как?

– Так мужик с багром потом ещё раз сплавал и пошерудил по дну. Много чего достал.

– Неужели турецкие коврики нашлись?

– Какие?

– Ну те, что ты украл?

– Нет, их не нашли.

– А что звонишь?

– Ставлю в известность. Если сосед спросит, то это не мы.

– Так говоришь, лодка в сохранности?

– Ну, мужики её малость багром покорёжили, и одно весло мы так и не нашли...

НЕНАВИЖУ И ВСЁ ЖЕ ЛЮБЛЮ...

Odi et amo. Quare id faciam, fortasse requiris. Nescio, sed fierisentio et excrucior. «Ненавижу и всё же люблю. “Как такое возможно?” – спросишь ты. – Сам не знаю, но чувствую так, распинаясь и горько томясь».

Так сказал Катулл, и его давние слова до сих пор очень актуальны.

Какое таинственное явление или состояние могло бы объяснить поведение Эльзы? Оно не было обусловлено физической болезнью, но Эльза одновременно любила и ненавидела. Видимая теплота и искренность выливалась в бессердечие, наигранная участливость скрывала неспособность к сопереживанию, внешнее показное дружелюбие переходило в беспочвенный гнев, импульсивность мешала обстоятельности, а притворное «прости» заменяло неспособность к раскаянию и чувству вины, когда другим причинялся вред. В довершение, весь этот набор зиждился на лживости и неслыханном эгоцентризме.

Как легко разрушать
Тем, кто не строит!
Как легко угадать,
Кто кого доит,
Выдоив до синяты.
Как разрушила ты
То, что не строила?
Ведь строил всё вроде я.
Медлительная мелодия
Похоронного марша
Не сделала нас старше.
Уродливая колдобина,
Называемая пропастью,
Поглотила все буквы,
Обрюзгшие, как брюквы, –
Даже те, что прописью,
Буквы моих вирш.
Что молчишь?
Тонко возненавидела
Того, в ком души не чаяла.
Ты меня не обидела,
Ты меня не отчаяла,
А просто убила обухом.
Я теперь сансарю срок второй,
Подрабатывая пьяным в пивной
Или даже смертью с косой –

Той, что совсем не выдумана,
А вполне осязаема.
Как семя, извергаема
Душа на морозный бриз,
И даже стальной карниз
Не удержит знамени,
Предназначенного к спуску.
Теперь я тоскую тускло,
Неярко, как наглая лампа
Накаливания, а скромно,
Как светлячок на выпасе,
А их, светлячков, сонмы.
Попробуй их всех выброси
Тоже под старую задницу!
Как тебя угораздило?
Променяла меня на похлёбку,
Да и та дразнится,
Что в ней мало навару.
И теперь нашу славную пару
Можно считать наёбкой.
Сюрприз за сюрпризом,
А я всё не знаю,
Откуда, мучаясь оптимизмом,
Полна жизнь неожиданностей,
Как гробница – костей;
Костям не больно.

Не материться
Помогают только
Присутствие адвоката
И слабость мата
На фоне воя.
Я приветствую стоя
Руками-вѣтвями
Очевидные преимущества
Первобытного строя:
Завалишь мамонта –
И никаких налогов,
Разводов, подвохов.
Разве это плохо?
А тут только срамота,
Сработанная в мраморе,
Память истеричная
О прежней жизни,
Которой, в сущности, не было,
Если быть вполне критичным.
Сиплая отравы
Злого родника!
Не родной родник мне,
И наверняка
Знаю, кто подсыпал
Яду в струи вод.
Я не идиот,

Из гнезда не выпал
В ловле червяка –
Хорошо, не выпил
Я из родника.
Чудная досада,
Что нельзя понять,
И чему ж ты рада,
Рада, твою мать?
Всё ты истоптала,
Истоптала ты,
А теперь в наряде
Суперправоты...

Эльза была мастером маскировки. Герберт долгое время не подозревал, что его дружелюбная, улыбчивая и всегда приветливая жена на самом деле совсем другая.

И типичной реакцией друзей, узнававших о зверском предательстве Эльзы, было удивление: «Этого не может быть! Никогда бы не подумали, что такое может случиться!».

Да, она умела надевать маску, быть очаровательной и казаться таковой другим людям. И никто, даже сам Герберт, не знал, какая она в

действительности. Тридцать лет он прожил под одной крышей с настоящим хамелеоном.

Девиз Эльзы звучал так: люблю тебя, пока ты мне нужен. Будучи отличным манипулятором, она умело использовала в общении самые разные трюки, чтобы добиться желаемого. Если не помогала лесть, она применяла угрозы и шантаж, уничтожая таким образом любые препятствия на пути к цели. Эта женщина была мастером игры. Для людей, которые по каким-то причинам были ей нужны, Эльза становилась самым любезным и милым человеком на свете. Но стоило по какой-то причине стать для неё лишним, как мгновенно открывалось её истинное лицо.

О лживости Эльзы можно было слагать легенды. Она врала умело, веря в собственную ложь. А ведь ложь – сильное оружие. Если человек к тому же убеждён в собственной искренности, то обман очень сложно раскусить. Эльза совсем не стыдилась своей лжи и даже гордилась ею, сохраняя спокойный и уверенный вид. Поэтому легче было поверить жене, чем уличить во вранье.

Корень проблемы крылся в том, что Эльза была эмоционально холодна и даже пуста. Она совсем не испытывала эмоций, не чувствовала сожалений. Это была безжалостная, холодная машина в образе человека, без стыда и угрызений совести.

Буду предельно ёмким:
Есть если чем, то крой.
По ямам на самой каёмке,
На самом краешке ямы,
В слепоте спеша,
Всё кругом круша,
В стену головой
Всё стучимся – я, мы...
Как добро ни сей,
Словно речку, пей
От низов до устья.
Господа и дамы
Не оценят мой
Жест, тупой, как вой.
Как крутой ковбой,
Бьюсь я головой.

Сам бы на постой
Не пустил себя бы.
Обо мне твердят,
Что вдвойне урод,
Делаю что – всё
Задом наперёд;
Что ищу детей
Всё ещё в капусте
И живу, скорбя,
Там их не найдя,
Потеряв себя,
Светлого меня
В ломкости гроша,
В заунывной грусти.
В тьме зловонной ямы –
Где моя душа?
Не хватает воли, как
У алкоголика.
Неужели сдохну
Без наследника?!
Не по крови чтоб,
А по сути в точь,
Чтобы легче в гроб
Удалиться в ночь –
Или что там, после?
Пусть там будет стоп:

Седовласый поп
Обещал мне кущи.
А пока на стол
Шлют одни доносы,
Спасают наши души
Наихудшим
Из известных зол.
Считаю я вопросы:
Почему Бог зол?
С Богом без посредника?
Отрастите уши
Хотя бы,
Как у кошки,
Лучше, как у кролика.
Сутками
Считайте свои дни.
Ах, мы не одни?
Нет, мы не одни!
И не только
По могилам и колыбелям,
Но и в гиблых пробелах
Ветреной судьбы,
Кишащих кобелями
И суками.
Что случилось с нами?
Да то же, что и было:

Повсюду то же быдло,
И это не кажется жутким,
А раньше казалось,
Потому что быдло каялось.
И от этого покаяния
Нам до сих пор икается.
А теперь быдло вступило в право
И не то что не кланяется,
Даже не нагнётся
Поднять золотник –
Слишком мал им,
И страждущий лик не нравится,
Уже не тот накал им!
Нет бывшего дрожания в голосе
И щекотанья в подложечной области.
Теперь всё сосредоточено
Не только между ног.
И Фрейд им не помог:
Сексуальная революция
Захлебнулась поллюцией.
Теперь вся мразь зиждется в черепе –
Не в мозгах, а там, где их негусто.
Там и гнездится
Вялая жажда
Напиться
Кислоты и щёлочи.

Прав был отец:
Все люди – сволочи.
А тот, кто не сволочь, – того распяли,
А он им простил без злобы.
А они с головами воблы
До сих пор на это лыбятся:
Мол, обманули Бога...

Эльза была амбициозна, однако слаба и уныла, редко доводила начатое до конца, боялась ответственности и всегда пыталась переложить её на Герберта. Для неё было важно иметь возможность обвинить мужа во всём, что бы ни случилось.

Поэтому, когда Эльза решила, что Герберт ей больше не нужен, какие-либо моральные устои и табу просто перестали для неё существовать. Женщина шла к своим целям напролом, совершала поступки, выгодные только ей, не придавая никакого значения тому, что кто-то может пострадать.

Трудно сказать, почему Эльза стала такой – возможно, из-за пережитых ею жизненных травм. В детстве она испытала жестокость и даже насилие. Её родители были довольно подлыми, садистичными

людьми. В юности её бросил парень, и она пыталась покончить жизнь самоубийством. После всего пережитого Эльза превратилась в замкнутую девушку с огромным количеством психологических проблем.

К сожалению, всё это было реальностью жизни Герберта. Три десятилетия ему удавалось каким-то образом дружить с Эльзой, поддерживать контакт, пока обстоятельства не сложились так, что он оказался больше не нужен жене.

Женщина должна быть тихим ангелом, хранительницей очага и дома — это очень важное свойство. Хороший пастырь, любящий муж никогда не будет никого неволить.

Человек, живущий с Богом, ни в чём не нуждается. Можно вспомнить примеры святых отшельников, которые уходили в пустыни и годами существовали, каким-то образом не умирая от голода и холода. Не встречалось в житиях святых случаев, когда кто-то, молясь, умер от голода или холода. Обычно отшельников убивали злые люди, которым претил такой святой образ жизни. Однако Господь,

пусть и скромно, но обеспечивал монахов всем необходимым, даже если это был мёд диких пчёл. Возможно, они питались Духом Святым; так или иначе, Господь напоял их. Христос всюду подчёркивает: «Если вы со Мной, вам абсолютно не о чем беспокоиться. Я всюду вас защищу, обеспечу всем, что вам действительно необходимо и не является для вас вредным».

Поэтому вера в Господа заведомо является антигосударственной. Яркий тому пример – страшные гонения на новомучеников: насчитывались целые десятки и сотни тысяч истерзанных и убиенных верующих в 20-30-х годах. С точки зрения Божественного домостроительства, это есть вещь полезная. Если бы не произошла революция, эти люди могли бы никогда не пострадать и не проявить свою веру, умерев среди мелких грехов. Господь вызвал колоссальный целительный огонь, который привёл к венцу мученичества огромный сонм новых святых.

Получается, что даже богопротивная власть всё равно была дана от Бога. Господь попустил сие, видя

состояние Церкви перед революцией: она погрязла в самодовольстве, формализме, регализме, в каком-то бюрократизме и бесчувственности. Он низвёл её в состояние гонимой Церкви Христовой, где эти свойства смогли проявиться: предатели отказались от Церкви, отошли от неё, иуды проявили себя в полной мере. Сам Иуда тоже не показывал свою сущность в течение всего времени служения Христу, до тех пор, пока не начались серьёзные гонения.

Так же и здесь произошло отделение плевел от чего-то полезного. И поскольку всякая власть дана от Бога, поскольку разрешается Им для пользы человеческой души, то любая ситуация должна рассматриваться именно с точки зрения пользы или вреда для души.

Герберт оказался тем самым Иудой. Впрочем, он всегда полагал, что его вера не выдержит испытания.

ВЕСЁЛАЯ КОМПАНИЯ

«И некто сказал Иисусу: “Вот мать Твоя и братья Твои стоят вне, желая говорить с Тобою”. Он

же сказал в ответ говорившему: “Кто мать Моя и кто братья?”. И указав рукою Своею на учеников Своих, сказал: “Вот мать Моя и братья Мои, ибо кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат и сестра, и мать”» (Евангелие от Матфея 12: 46–50).

Герберт сидел за столом на кухне, а вокруг вместо его жены и детей сидели бывшая проститутка, два бывших вора, наркоман, алкоголичка во временной завязке и шизофреник в ремиссии. Им было хорошо. Они ели нехитрую пищу и степенно беседовали.

– Ты, батюшка, не хандри. Конечно, ты не так зарабатываешь, как в моей профессии, но тоже тебе ведь чего-то капает за то, что ты кадилом машешь, – сказала проститутка.

– Дядя, – обращался к Герберту вор, специалист по краже баранины из гастрономов, которую у него охотно покупали в кавказских ресторанах, – профессия у тебя, конечно, менее хлебная, чем у нас, но жить тоже можно.

– Нет. То, что он делает, это невозможно, – возражал шизофреник, – это даже для меня слишком безумно.

– Ты о чём? – уточнял Герберт.

– Что всех нас тут привечаешь.

– Ну как же невозможно, ведь уже девять лет так живём.

– А хоть тысячу лет, – возразил шизофреник, – невозможно, и точка, – он состроил уморительную гримасу, изображая точку. За столом все покатались со смеху.

Им было хорошо там вместе. Мимо прошлёпал в туалет инвалид с костылём.

Герберт был счастлив.

ОТЦЫ И ДЕТИ

В жизни Герберту выпало два «подарка»: характер его отца и характер старшего сына. Оба родственника обладали очень похожей тяжёлой натурой.

Герберт до сих пор не мог найти ответа на вопрос, почему ему всегда было так трудно с Джейком. Конечно, можно списать это на эдипов комплекс. Ещё можно обвинить мать в том, что она не поддерживала уважение к Герберту на достаточном уровне, и любые его действия выдавались за глупость, необязательность, ненужность, взбалмошность. Так или иначе, чем старше становился Джейк, тем тяжелее он переносил отца, хотя Герберт всегда относился к нему с любовью, вниманием и уважением.

Однажды сын заявил: «Ты должен уважать меня за то, что я ещё только сделаю, за то, чего я ещё достигну!». Герберт и так его уважал, мужчину это удивило: мало того, что человек требует уважения, которое и без того получает, так ещё и уважать его нужно за то, чего ещё не совершено. Этакий Наполеон, который, будучи капралом, требует по отношению к себе императорских почестей.

Несмотря на то, что никто особенно не вступал в споры с Джейком и не принижал его достоинства, он всегда хотел делать всё вопреки семье. Герберт

стремился познакомить сына с культурой, приглашал профессоров из Англии, тратил на его образование неслыханные суммы, содержал в роскоши. У Джейка же, наоборот, возникло стремление быть вечно оборванным, грязным. Если водить машины, то обязательно какие-нибудь развалины; если одеваться, то во что-нибудь поношенное. Так выражалось презрение ко всему, что делал Герберт.

Безусловно, налицо эдипов комплекс, будь проклят Фрейд! Хотя психолог ни в чём не виноват, он всего лишь описал болезненное стремление ребёнка к смерти родителя своего пола: девочки ненавидят матерей, мальчики – отцов. Это безумие, подобные вещи нужно подавлять, разъяснять, однако никто этого не делает.

Человеческая жизнь вообще весьма занимательный предмет. Сколько на неё ни смотришь, невозможно понять, что же это. Словно какая-то мокрая гусеница, она всё время выскальзывает из рук. В жизни нет и не будет конкретики, всё происходящее больше похоже на зыбкий, назойливый,

отвратительный сон. Совершенно не успеваешь ни уследить за ним, ни понять, ни узнать что-либо.

Так же произошло и в отношениях отца со старшим сыном. Герберт действительно всегда уважал Джейка. Когда тот был маленьким и говорил что-нибудь, отец замолкал и внимательно слушал. Но сын всегда шёл поперёк Герберту. Он постоянно боролся, несмотря на то что с ним никто не вёл войну. В итоге его просто начало трясти от одного присутствия отца, и произошёл полный разрыв каких бы то ни было отношений.

Второй сын, десятилетний Патрик, был ещё слишком мал, чтобы о чём-то говорить. В таком возрасте ничего особенного не скажешь. Старшему же сыну было уже двадцать три года.

Такие отношения обычно складываются надолго, и с этим нельзя ничего сделать.

Самым обидным для Герберта было наблюдать, как старший сын общается с чужими людьми. Джейк прекрасно владел собой, был уважителен, интересен, весел – не даром он работал на радио и выступал перед публикой ежедневно по три часа. Перед

Гербертом стоял совсем не тот человек, которого он знал. Как это было горько! Герберт хотел бы быть чужим своему сыну, тогда Джейк относился бы к нему как к постороннему – хорошо. К родному же отцу парень относился ужасно. Этот эдипов комплекс бесконечен и абсолютно неизбывен.

Во всей этой истории Джейк сыграл далеко не последнюю и весьма интересную роль. Он заявил, что называет себя верующим только для того, чтобы позлить сверстников-атеистов. Ничего в его жизни не напоминало о вере. Он устраивал шумные оргии в доме отца, не смущаясь присутствием церкви, собирал молодых людей и девушек по всему городу, а затем компания, употребляя алкоголь и марихуану, шумно резвилась до самого утра. Конечно, можно выдвинуть Герберту обвинение, что он всё это терпел, а должен был запретить. Но тогда разрыв отношений с сыном произошёл бы значительно раньше.

Герберт вспомнил, как однажды шестнадцатилетний Джейк начал дерзить, и тогда он сказал сыну: «Может быть, тебе лучше пойти жить к сестре?». У

сестры на тот момент был свой дом, приобретённый, между прочим, на деньги Герберта. Сын задумчиво произнёс: «Так что же, это начало конца?». Как он был прав! Наверное, сын чувствовал гораздо больше, чем отец. Герберту тогда показалось это странным: что тут такого, почему конец? Но это действительно было начало конца.

Очень трудно, когда за спиной одного игрока с открытыми картами все мухлюют и жульничают и за этой спиной творится целый мир удивительных событий, о которых человек ничего не знает. Как царь последним узнаёт о заговоре, а муж – об измене жены, так и Герберт последним понял, что вся его жизнь движется к краху. Чужие люди, жившие в его доме, видели происходящее, слышали разговоры, ведущиеся за его спиной. Даже маленький Патрик всё время спрашивал родителей: «А вы не разведётесь?». И Герберту казалось, что это нонсенс, какая-то глупость. Но, видимо, ребёнок всё знал, слышал, чувствовал.

Итак, Джейк всегда вёл себя провокационно и в итоге уехал в другой город. Однако там он

неожиданно подался в православие, стал посещать церковь, петь в хоре, исповедоваться. Однажды Джейк рассказал местному священнику, что его отец – тоже священнослужитель и содержит приют. Видимо, спросив совета, молодой человек получил ответ: «А что же ты тут делаешь? Поезжай и помогай отцу».

И вот «помощник» приехал. Герберт служил литургию, повернулся благословить народ и увидел старшего сына, возвратившегося в церковь. Отец обнял Джейка, благословил и решил: «Наконец-то у меня есть наследник, который продолжит хотя бы это моё начинание». Потому что все остальные направления, в которых Герберт хотел бы видеть сына продолжателем, были успешно погребены.

Но к удивлению Герберта, как только парень вернулся домой, он потерял интерес к церкви. Редко появляясь на службах, он что-то натужно пел, делал вид, что исповедуется – скорее, чтобы провоцировать священника, а не для того, чтобы вести реальную духовную работу. Он устроился на молодёжное радио, где по три часа в день

проповедовал культуру наркотиков и свободной любви. Молодой человек по второму или третьему разу переспал со всеми девочками в городе, после чего холодно заявил, что пребывает не в себе, и даже обращался к психиатру. Похоже, марихуана сильно подействовала на его психику. Во всяком случае, Джейк вёл себя как угодно, но только не как человек, желающий помочь отцу.

В момент возвращения Джейка Герберт подумал: «Наверное, Бог желает, чтобы мой сын стал священником», – и решил послать его в семинарию. В Церкви есть правило: если сын планирует стать священником, необходимо подобрать ему правильную невесту.

Церковь, в хор которой Джейк ходил в другом городе, пригласила из Белоруссии певчую, и подобная идея знакомства пришлась по душе и Герберту. Он тоже пригласил милую девочку с Украины в качестве певчей. Внезапно ворвавшись в жизнь семьи Адлеров, она влюбилась в Джейка. Но молодой человек даже не подумал обратить на неё

внимания. Конечно, она была властной, у неё были свои недостатки, но у кого их нет?

Джейк пригласил певчую на свидание в бар, где исполнял собственные песни, прославляющие наркотики и свободную любовь, но одновременно позвал и другую девушку, с которой в результате и сошёлся. Расстроенная певчая отправилась восвояси, а Джейк, возгордившись новой победой над планами отца, снова ушёл из дома и поселился у родителей новой девушки.

Надо отметить, что дети Герберта создавали даже не любовные треугольники, а любовные ромбы или фигуры с ещё большим количеством углов. Даже пересказать их отношения, не запутавшись, было бы непросто.

Итак, дочь собиралась выйти замуж за сына инспектора и поселилась с ним в отдельной квартире. Вместе с ними жил бывший молодой человек девушки, с которой сошёлся Джейк. Его и полюбила Энжела, дочь Герберта.

И вот свадьба стала очень интересным зрелищем. На ней присутствовали и возлюбленная Джейка, и её

бывший молодой человек, который, как оказалось, был влюблён в Энжелу и которого та любила. Естественно, пришёл и сам Джейк, который свою девушку не любил, а тайно посматривал на спутницу Стюарда – бывшего молодого человека Энжелы, также приглашённого на свадьбу.

Герберт произносил речь о безусловной любви перед теми, кто уже принял решение его предать, натываясь на пустые глаза уже неродных родных. Он думал, что свадьба закончится дракой, особенно если принять во внимание тот факт, что перед самым торжеством Энжела жаловалась маме на нежелание выходить замуж за сына инспектора и любовь к парню, жившему с ними в квартире. Мама, уже имевшая чёткие планы на то, чтобы использовать инспектора муниципалитета для получения собственной субсидированной квартиры, надавила на дочь: «Что за глупости! Зачем тебе это надо? Выходи замуж за того, кто есть». И Энжела уже второй раз в жизни вышла замуж не за того мужчину.

Интересно, что же останется от благополучия
Эльзы, когда её дочь родит ребёнка и уйдёт от мужа
к тому, кого действительно любит или к кому-
нибудь ещё? Месть инспектора окажется страшной.
Но Герберта это не радовало.

Куда улетают младенчества души?
Неправда, что в каждом ребёнок живёт.
С годами едва ль мы становимся лучше,
Скорее, становимся наоборот.

В светящихся сферах, в лазури и неге
Мы были счастливей, и кажется нам,
Что в детской души этом самом побеге
Таится какой-то вселенский обман,

И мы умираем как будто бы с ними.
Как были прекрасны и свежи цветы!
И небо бездонное куполом синим
Хранило невинные наши мечты.

Мы мчались, как ветер, над жёлтой листвою,
Искали жуков в каменистой стене.
Насколько же лучше мы были с тобою
В том солнечном дне, словно в ласковом сне?

И смех разливался по ветреной глуши,
Искрящийся смех – тот, что слышен в раю.
Куда улетают детей наших души?
Что сделалось с ними, никак не пойму!

Лишь Господу детства понятны границы,
Куда без возврата упрямо летят
Душ наших детей перелётные птицы –
Те, что никогда не вернуться назад.

КОНФЛИКТ С БОГОМ

– Почему Господь не дал мне мученической смерти? – вопрошал Герберт. Он хорошо помнил этот вечер, когда должен был умереть. Матушка в очередной раз что-то прошипела шизофренику, гостившему у них, и скрылась в своей комнате.

Шизофреник взял нож и отправился вслед за ней со словами: «Я хочу убить матушку!». На его пути встал Герберт, подставив под нож свою грудь.

– Убей меня, а моих родных не трогай! – доброжелательно произнёс он, словно предлагал нападавшему отведать тарелку борща. У Герберта

было так легко и спокойно на душе, как во время самой торжественной и светлой литургии.

Но несостоявшийся убийца опустил нож и позволил вызвать себе врачей. Обошлось даже без полиции.

– Как часто мы предаём Господа, но ещё чаще нам кажется, что Он предаёт нас, – думал Герберт, не понимая, почему ему выпало продолжать жизнь после того рокового и торжественного вечера, когда он был совершенно готов к смерти. Почему ему пришлось пережить позор и прочие невзгоды? Неужели, подставляя грудь под нож, он лицемерил? Это его удручало. Только впоследствии он нашёл ответ: да, он был готов к смерти. Но Господь хотел, чтобы Герберт ещё раз пал и поднялся, и смог поведать об этом миру. Перестав быть священником, он не перестал быть Его слугой.

Всё написанное в Евангелии легко переносится на нашу жизнь, на наши дела, мысли и поступки. Как часто мы получаем от Господа всяческие благодеяния – молодость, красоту, силу, энергию! Как виноградники, мы получаем виноград для того,

чтобы процветать. Но сами употребляем его во зло и во вред себе и всем окружающим. А когда Господь посещает нас, мы предаём и распинаем Его, топчем Его и ненавидим; в страхе своём боимся и тем самым убиваем Его в своём сердце.

Как уподобляемся мы книжникам и фарисеям, которые так же торжественно шли и служили, однако жизнью своей перечёркивали своё служение! Всеми своими мыслями и делами они были устремлены к земному: к обогащению, удовольствиям, к преследованию тех, кого считали недостаточно чистыми и святыми, при этом почитая самих себя за чистых и святых, за самых что ни на есть искренних приверженцев Бога. Притом не замечали, что попирают и распинают самого Бога всеми своими поступками, делами и мыслями.

Так и мы незаметно для себя уничтожаем связь с Творцом, которая существует в нашей душе. Так же и мы почитаем всяческие земные дела превыше дел небесных, оставляем небесное напоследок, и это «напоследок» никогда не наступает. Так же и мы готовы праздновать нашего Господа внешне, но

забывать и распинать Его внутренне. И Бог в Евангелии обличает нас. Каждое слово относится не к кому-то вообще, а конкретно к нам. И даёт нам Господь после всего, что мы наделали, после того, как сораспяли с другими распинателями Сына Его Единородного; после того, как предали и попрали Его, расхитили, развратили, растратили и уничтожили наследие Его – после всего этого вместо праведного гнева Он даёт нам любовь и прощение. Он даёт нам ещё один шанс покаяться, ещё одну возможность прийти к Нему.

Выберем ли мы это или не выберем? От этого выбора зависит душа наша в вечности. Самое важное в нашей жизни – это наши отношения с Господом. Люди приходят и уходят, события сменяют друг друга, всё превращается в прах. Но основной золотой нитью через всю нашу жизнь проходит наше отношение к Господу.

До ухода жены Герберт верил, что Бог есть любовь, хотя люди, проходившие мимо то рассеянного, то сосредоточенного взгляда священника, многократно доказывали обратное.

Господь жестоко обходился с ними. Герберту казалось, что он просто не ведает полноты их историй, и если бы мог знать подробности, то, несомненно, всему бы нашлось объяснение, удовлетворяющее его православному мировоззрению.

Но тут беда приключилась с ним самим – большая, в виде безусловной западни, словно расставленной жестоким демиургом. Конечно, виной всему бес, дьявол; всё можно валить на него.

Ярким поворотным моментом этой трагедии стала история, которую Джейк упоминал в разговоре с Гербертом как основную причину ухода Эльзы и её обзлётности на мужа.

В дом постучалась растрёпанная рыдающая женщина. Герберт её знал. Она оказывалась страшной проблемой для всякого, с кем пересекалась её жизнь. С одной стороны, Герберту надлежало проявить любовь к ближнему и не прогнать с порога внешне кающуюся проститутку с недавно возвращённым ей ребёнком. Она приехала к дверям его дома, не заплатив за услуги такси огромную

сумму. С другой стороны, матушка Эльза требовала прогнать несчастную гостью.

Даже если бы Герберт отказал женщине в помощи и у той бы снова отобрали ребёнка, он не избежал бы распада собственной семьи. Бомба была заложена под его домом уже давно.

Но что можно сказать? Если Бог со временем всё чаще ставит своих слуг в неразрешимые и безвыходные положения, то конец этому настаёт только на кресте, где даже сам Христос вопрошал Небесного Отца: «Почто оставил меня?».

Кажется, архиепископ Антоний Храповицкий писал, обращаясь с наставлением к молодым священникам: «Если Бог не пожалел своих самых любимых пророков и праведников, жестоко испытывал Авраама, Иосифа, Моисея, Иону, Иова, самого Христа, то неужели вы думаете, что Он сделает исключение для вас?».

Мы слушаем вполуха
О дарах Святого Духа,
Сами ж всё в оконце
Смотрим и следим,
Как нежно гуляет
По самому краю
Бесстыжее солнце
По краю седин.

Мы верим вполверы
И любим вполсилы,
А чаще не любим,
Не верим совсем.
А солнце игриво
В слоях атмосферы
Рисует нам нимбы
С усмешкою всем.

Уйдём мы внезапно,
Как водится, утром,
В безмолвную полночь,
Наставшую днём.
И солнце на запад
Засядет сутуло,
Потом ляжет навзничь
Могильным холмом.

И что мы всё мучили
Жадно друг друга,
И что мы всё пили
Родимую кровь?
Вокруг вялой кучею
Теплится дымом
Убитая напрочь
Святая любовь.

Прошли мы по жизни
Как два пилигрима –
Без цели, без смысла,
С заходом в бордель.
И как наша жизнь
Всё это вместила:
Небесные ризы
И пропасти щель?

Герберт очутился на дне пропасти. В бездне.

Поначалу он силился сохранить целостность своих убеждений, потом просто отошёл от религии, не трогая её основ, а по прошествии времени впал в ярость.

Для Эльзы же это было не временным помрачением, а планомерным и направленным действием.

Вот такое назойливое бессмысленное хождение по кругу. Перечитывая написанное двадцать, тридцать лет назад, понимаешь: там всё то же самое. Нередко спросишь пожилого человека, и оказывается, что и он ничего не понял в этой жизни. Это так жестоко — дать людям возможность воспринимать мир, мыслить, искать ответы, но никогда их не находить! Сколько могут повторяться эти кружения — бесполезные, навязчивые, неосознанные?

Каждый раз открывая глаза, люди будто заново строят мир из маленьких, крошечных, скрупулёзно нарезанных деталей огромной мозаики. Но одна из них вечно выпадает, и человек снова что-то переставливает. Постепенно все воспоминания превращаются в сплошную ложь. Уже кажется, что надо было поступать иначе, что был вполне очевидный выход, что напрасно совершено то или

иное действие. Но это лишь ещё одна грань самообмана, которая ведёт в никуда.

У Герберта был давний приятель, бенедиктинский монах. Когда-то они вместе учились в школе, но потом их пути разошлись. Однако через три десятка лет монах снова, будто специально, отыскался, чтобы поддержать беседу с другом на волнующую тему.

Герберт пожаловался на все свои сомнения и жизненные неурядицы. Монах, как водится, выслушал речь бесстрастно.

– Да, вот такой у нас Бог, – сказал он, – с характером.

– Но я не хочу верить в такого Бога! Я хочу верить в того, что есть любовь, а не обман.

– Мне кажется, лучше верить в того Бога, который есть, чем в того, которого хочется. Ведь мы мало что можем изменить, – задумчиво, со своей неизменной улыбкой ответил монах. – Я и сам вечно чувствую себя заложником, всю жизнь заложником. Несвобода что-то изменить, несвобода понять – нет никакой возможности избежать этого чувства,

словно я пленник в собственном теле в этом мире.
Да, с этим ничего не поделать.

Монах потупил взгляд, но Герберт поддержал его:

– Да, я чувствую то же самое, и как бы ни старался избежать этого ощущения, оно не отступает. Ведь нет никакого доказательства, что наш разговор в данный момент – это не сон. И довольно странно, что последний раз мы общались три десятка лет назад, а теперь снова разговариваем. Это больше похоже на сон, чем на реальность.

– Да, – согласился монах, – невозможно отличить реальность ото сна.

– А может быть, есть другой сон, параллельный, прошедший или будущий, в котором Христа не распяли, да и не надо было этого делать? В котором люди не рождаются и не умирают, не болеют и не страдают – сон, в котором действительно царствует любовь?

– Возможно, так и будет, когда мы умрём, – ответил монах.

Герберт продолжил:

– Это тоже ещё не известно. Да и как мы сможем понять, чем отличается сон жизни ото сна смерти? Разве тебе никогда не снилось, что ты уже умер?

– Снилось. Я носился со своим мёртвым телом и не знал, куда его деть, – рассмеялся монах.

Герберт задумался, но ничего не сказал. Ему не хотелось спорить и что-то доказывать.

К сожалению, возможность разговаривать с давним приятелем не облегчила душу Герберта. Почему нельзя решить вопрос раз и навсегда и не перемалывать в своей несчастной голове всё вновь и вновь, до бесконечности, до изнеможения? Каждый день и каждый час, и каждый вздох Герберт снова и снова думал, что же с ним произошло. Он находил подсказки во всём, что его окружало. Стоило ему взяться за книгу – и в ней были напоминания; слышал ли он чей-то разговор – и там находил намёк на то, что жизнь его пришла к полному краху.

Вообще, человеческий разум – весьма занудная и бесполезная субстанция. Непонятно, зачем он в принципе дан людям. Казалось бы, он должен упрощать жизнь, но на деле только усложняет её.

И действительно, важно лишь то, как человек ощущает себя здесь и сейчас, потому что всё остальное – чрезвычайная и упрямая иллюзия. Память людская нестойка, будущего человек не знает. Выходит, ценность имеет только происходящее здесь и сейчас. Но именно это здесь и сейчас превратилось для Герберта в настоящий ад. Никак не мог он освободиться от тягучих назойливых мыслей. И даже когда давал себе слово более не думать об этом, всё равно тут же его нарушал и пускался в безжалостный круговорот колющих воспоминаний.

1

Кромешный крах – таков всему итог.
И жизнь за гранью, словно жажда мести.
Я жил как мог, не умер, видит Бог,
Хоть, впрочем, слеп Он или не на месте.

Туманом боль растает поутру,
И мрачный мир наполнится восторгом.
Расслабься, Бог, я снова не умру,
Ведь смерть всегда была предметом торга.

А это значит, мы повременим,
Тем отложив немного нашу встречу.
Ведь если я живу, Тобой храним,
То потому Тебе и не перечу.

Тебе видней, зачем и почему,
Хоть, впрочем, выбор Твой едва ли ясен.
Ты позволяешь утонуть Муму,
Хотя уж лучше б утонул Герасим.

Перечить хочется. И хочется кричать
Тебе на ухо и слезами брызжа:
Какого чёрта нужно мне опять
Существовать безвольно и бесстыже?

Зачем в безмерном сумраке Твоём
Я, пролетев, погас звездой-беглянкой?
И почему не можем мы вдвоём
Просто уйти, поднявшись спозаранку?

Мне непонятны замысел и суть,
Хоть очевиден, впрочем, крах итога.
И Ты за дерзость уж не обессудь,
Но у кого спросить, как не у Бога?

Зачем, любя, Ты требуешь страдать?
Зачем, любя, Ты видишь в нас ничтожеств?
Зачем всё это вечно повторять
И бесконечно боль людскую множить?

2

Меня под руки дьяконы вели,
И плыл я в белом длинном одеянии.
И мерный хор в глубины высоты
Взлетал, как будто верил в состоянье
Потусторонней лёгкости своей.
За мной по кругу, словно сонм светил,
В тончайших нитях ладана и воска
Плыл строгий храм, и светлая полоска
Сочилась сквозь витраж на пол.
Как было всё и правильно, и веско.
У алтаря разверзлась занавеска,
И вот Божественный престол!
Я опустился на колени,
И, словно ласковые тени,
Коснулись меня пальцы рук,
И всё свершилось как-то вдруг,
И долго «аксиос» гремел,
И хор небесным гласом пел.
Скажи, Господь, мне, как же это
Мне совместить с проклятьем лет,

Пришедших после? Где ответ?
Когда-нибудь ответишь мне Ты?
Не надо только: «Виноват
Ты сам!» – то просто отговорка.
Зачем провёл меня сквозь ад?
Зачем общественная порка?
Уж слишком силы неравны:
Творец вселенной и ничтожный
Твой дерзкий раб изнеможённый.
Не надо «Виноват лишь ты!».
Ты ставишь часто в положение,
Откуда, что не выход, – бред.
Зачем? Когда-нибудь ответ
Ты дашь мне без пренебреженья,
Без благозвучного вранья:
За что не любишь Ты меня?

3

Все, кого я крестил, оставались безбожны,
Все, кого я венчал, разводились, ударившись в блуд.
Мои книги и мысли прослыли удушливой ложью.
Никого не исправил основанный мною приют.

Все, кого я прощал, ничего никому не прощали.
Все, кого я любил, ненавидели всех и меня.
Понапрасну уста им мои о Всевышнем вещали:
До Всевышнего им было попросту до фонаря.

Я-то верил всерьёз и себе тем выматывал душу,
А кругом все играли, дурачились, пили, дрались.
И ведь думал уже: пред крестом я, наверно, не струшу,
Пьяным грудь подставлял под ножи, чтоб они напились

Не привычного пойла, а крови горячей и пенной.
Я считал это подвигом, точно, во имя Христа,
Ну а звёзды в моей сердцу милой домашней вселенной
За спиной всё роптали, шепчась неспроста.

В храме бунт; это так по-старинному мило –
Жечь иконы и к стенке поставить попов!
Думал я, что запала на это б хватило,
Если б я не ушёл без особых проклятий и слов.

Но и этого мало. Гоняли меня десять тысяч
Разлинованных миль по изъезженной в муках стране,
Бесновались, в безумии жалобы тыча,
И достали уже даже в монастыре.

4

А что, если всё это кажется только,
Что важные вещи случаются с нами?
А что, если мы – отставные букашки,
И что это всё растворится клубами
Безмозглого дыма в расщелине мира?
А что, если просто мы станем другими,

Жующими взрывы истерзанной плоти?
А что, если Бог пристрастился к охоте
За странными случаями в подворотнях
Прокуренных истин и траурных празднеств?
А что, если в храмах поют не о том нам?
А что, если пение сделалось тёмным?
А что, если мы, удавившись упряжкой,
Нашушаем прыщик на собственной ляжке,
И в этом прыще различим непременно
Намёк на присутствие целой вселенной,
Наличие вечного гнусного плена,
В котором содержит нас всех мирозданье?
А может, мы просто боимся признанья,
Отсутствия смысла и верных ответов
Для нас, для бродяг и невольных поэтов?
А что, если всё только кажется нужным
И если любовь не нужна обоюдно
Ни тем, кто её прославляет в потёмках,
Ни тем, кто готов поперхнуться издёвкой
И верить беспечно в своё постоянство,
Пометив рукой ключевое пространство,
Где скважин замочных роится проклятье?!
Ну как вам такое моё восприятие?
Волнительно? Да, безусловно, и тошно
От вечной взъерошенности и подошвы,
Которой нам смерть наступает на горло.

Мы любим её, безусловно, притворно.
Закончивши дни так бесславно, позорно,
Без счастья, без дум, просто выпалив слёзно:
«Нам хватит осмысленной боли!» – и поздно
Вернуться назад, где бушует сомнение,
Где – нет, не горят! – только тлеют поленья,
Где в каждой улыбке теперь и сначала
Укромно укрыто змеиное жало.

5

Мне кажется, что я добрее Бога.
Когда я мог, то многим я помог.
За доброту мне, видно, в ад дорога,
Туда меня отправит добрый Бог.
Коль каждый получает во что верит,
То мне достался б точно Бог добрей,
Который не предаст и не изменит,
И не предложит мне поест камней.
Я недоволен. Да, я недоволен,
Мне неприятен нашей крови цвет.
И среди звона громких колоколен
Я так искал, но не нашёл ответ:
Зачем всё это тучное безумство,
Водоворот из пошлых сточных вод?
Кто хочет верить в высшее искусство,
Меня едва ли до конца поймёт.

Я не могу привыкнуть откровенно
Молчать и верить в царственность могил!

Я никого ведь так и не простил,
Как не прощают все обыкновенно.
И бархат пальцев мне зияет, как
Пустой вопрос на крене изголовья.
Я не люблю поповское сословье,
Самодовольство рясы и кулак,
Которым бьёт в затылок поп-дурак
Подростка, уязвлённого безбожьем.
Отвратно как-то всё это, и рожи,
Увы, мне эти не забыть никак.

6

Игриво чувства меняют знак,
Меняют вымя на пустопорожность.
У каждого третьего будет рак,
Несмотря на предосторожность.
А каждый второй получит знак
И будет носиться с ним устало.
И каждый четвёртый у нас дурак,
А всех остальных уже всё достало.
У каждого пятого будет сюрприз,
У каждого первого будет вечность.
И жаль, что предметы падают вниз,
Лишь ускоряя свою скоротечность.

А если бы все мы падали вверх,
Уж если, как водится, падать надо?
Это касается даже тех,
Кто вовсе и не собирается падать.
Неописуемый каламбур
Можно постигнуть на пике безумства.
И, покидая застенки кобур,
Иконы наганами в руки берутся.
И метят нам в каждое место, любя
Сам смысл прицеливаний, с прищуром.
Многого ждал я, увы, от себя!
Абсурдно, однако, прослыть балагуром
Немому. О, как я хочу немоты,
Не скальной и хладной,
А мерной и мудрой!
О, сколько готов я платить за мечты,
Монетой обильной соря безрассудно!
Но всё разлиновано жёлтой петлёй
Исчерченных вдрызг бесконечных парковок.
Мне жизнь представлялась какой-то другой,
Без пошлой причуды упавшей подковы
Слепому на темя. Хочу слепоты!
Но только не той, что играется в жмурки,
А мерной и мудрой, как мерно часы
Грозят нам впотьмах непременной побудкой.
Иссяк я настолько, что в пору занять

От тысячи жизней чужое дыханье.
Я больше не в силах на граблях стоять,
Упорно раскачиваясь в ожиданьи,
Что станет светло, что воротятся дни,
Которых и не было, нет и не будет,
Что снова забрезжат в туманах огни,
И ночью никто никого не разбудит.

7

Поглумились, и Бог с ними...

Дело даже не в том, что Сатана правит миром; суть в том, что люди слишком уж радуются его присутствию – с ним уютно. Он потакает самым разным человеческим страстям – гордыни, жадности, разврату, пошлости, наглости, злобе. Людям так сладко, так хорошо с Сатаной! Поэтому любое, мельчайшее проявление Божьего вмешательства в жизнь ставит это дьявольское, сатанинское счастье под угрозу: боже мой, оказывается, есть Бог! Боже мой, оказывается, будет Суд! Боже мой, оказывается, мы и правда служим Сатане, а не Господу.

Но человек будет отрицать это до бесконечности.

Мир лежит во власти дьявола не по вине того, что демон так уж силён, а потому, что каждый с

огромным рвением, увлечением и преданностью служит своим страстям, а через них служит самому Сатане. Без людской поддержки лукавый был бы очень слаб и едва ли мог бы что-то творить.

Сотворив страшные вещи, люди начинают порицать Бога: «Как же Он это допускает? Как же это Он допускает страдания младенцев? Как же Он допускает несправедливость! Как же Он допускает то и это!». Но при этом человек гонит Господа при любом Его проявлении, не даёт Ему исправить жизнь.

Герберт часто наблюдал, что у него в приюте люди спасаются от героиновой зависимости – бывает, они не употребляют наркотики по полгода. Как часто видел он раскаивающихся преступников, которые длительное время больше не совершают преступлений! Однако рано или поздно люди снова срываются и бросаются в этот сатанинский мир, потому что всякого проявления Бога недостаточно для того, чтобы укрепить их на благом пути.

Теперь настало время, когда и сам Герберт потерял и церковь, и дом, и душу.

Я покидаю дом, как покидает тело
Уставшая душа от тяготы мирской.
Я покидаю дом, где ближе стало Небо,
Но так и не нашёл в котором я покой.

Я покидаю дом, больной и безвозвратный,
Где восемнадцать лет ушли коту под хвост.
Я покидаю дом, и не вернуть обратно,
Как не вернуть родных, снесённых на погост.

Я покидаю дом, где каждая ступенька
Воспоминаний груз безропотно хранит.
Я покидаю дом, как призрак или тень как,
И дом мой, как культя, назойливо болит.

Я покидаю дом, как будто в нём и не жил,
Как будто не звучал в нём звонкий детский крик.
Я покидаю дом, где, как в углу медвежьем,
Жила больная мать и мой отец-старик.

Я покидаю дом, напрасно разорённый,
С текущей вечно крышей, трещиной в стене.
Я покидаю дом, и я едва ли помню,
Чтоб так безумно больно когда-то было мне.

Я покидаю дом, где я едва ли ведал,
Что все мои тома – «одна сплошная ложь».
Я покидаю дом и знаю тех, кто предал,
Но только вот зачем, едва ли их поймёшь.

СТРАШНАЯ КАРТИНА

Христос стоял к нам спиной, тело Его было мертвенно-синим.

Картину написал художник Игорь Мунк, в основу сюжета легла Тайная вечеря. Но это совсем не тот момент, когда Иисус, окружённый апостолами, преломляет с ними хлеб и благословляет вино.

На полотне Христос распят в воздухе и повёрнут к нам спиной. Он обращён туда, за пределы горницы, где среди колонн царствует то ли небо в золочёной ауре, то ли безжизненная пустыня, а может, и то и другое. Оттуда, из этого Небесного Царствия, к нам

неуверенно заглядывают то ли тонкие облака, то ли смертельные испарения.

На столе наполовину сдёрнута скатерть, словно в результате борьбы или спешки. И самое страшное – на столе вместо хлебов, символа тела Христова, символа спасения, единения с Богом, лежит груда камней, словно Бог – не добрый отец, а злой и вместо хлеба подал камень, а вместо рыбы – змею. Стоит погасший семисвечник, символ неопалимой купины, из которой Бог глаголил к Моисею. А в чаши капает, струится, тяжело падает кровь из пробитых рук.

Герберт пребывал в таком шоке, что не мог уснуть и даже плакал. Что это? Господь отвернулся от нас? Мало того, что Его распяли; неужели мы при этом отвернули Его от себя? Или нет ничего, кроме жестокого отвратительного обмана? Снова Достоевщина?

Герберт не переносил Достоевщину в своей жизни, но вышло, что всё его бытие вспухло упрямыми Достоевщинками, словно вулканами

фурункулов, как искусанная назойливыми мошками плоть.

Достоевщина являет собой некий омут, когда люди могут жить счастливо и всё для этого имеют, но по необъяснимой дьявольской наклонности мучают друг друга. Если пытаются объясниться, тем делают ещё хуже и неминуемо, вполне осознанно приближаются к реальной, не надуманной, не театральной гибели.

Герберт похоронил свою любовь. И даже достоевщина недотягивала до такой пафосной трагедии.

Полями в звонкой рани, как побледнеют тучи,
Уйти мне будет проще. Ты ждёшь давно меня.
Промчусь я через рощи, взлечу я через кручи,
О, как разлука ранит! Не вытерпеть ни дня.

И тяжким думам тесно от ноющей разлуки.
Не слышно мне ни звука, и некому помочь.
Мой путь – сплошная мука. Согбенный, скрестив руки,
Бреду в край неизвестный, и день мне стал как ночь.

Меж звёздными мирами читаю твоё имя,
И парус не белеет над бездной грозовой.
Не встречусь я губами с ресницами твоими,
А положу фиалки на камень гробовой.

Достоевщина слишком свойственна окружающим, и поэтому отказаться от неё только одному человеку недостаточно, другие непременно привлекут его против воли. Они припишут совсем несвойственные ему пороки и устремления, создадут фантом, не имеющий ничего общего с реальным человеком, разве что кроме внешнего поверхностного сходства.

Они начнут жить не с человеком, а с его фантомом, не внемля ни протестам, ни горьким увещаниям. Рано или поздно человек рухнет в созданную для него воронку, сольётся со своим фантомом в поведении и отношении к тем, кто создал этот призрак; а те только взвываются в мрачном экстазе — мол, мы же говорили!

В Библии постоянно говорится, что Бог есть любовь. Иной раз Герберт представлял, как Бог, который есть любовь, уничтожил тысячи людей, наслав на них потоп или огонь с неба. Но ведь

родитель не станет живьём снимать с ребёнка кожу только из-за того, что тот плохой! Родитель будет продолжать его любить и наставлять. Герберт видел в этом нестыковку, противоречие и не мог понять: если Бог есть любовь, зачем Он так жесток?

Мир, в котором мы живём, – это мир мучения. Люди просто привыкли к этому мучению, потому что страдают всё время. Они просыпаются и мучаются, они голодны и мучаются от этого, они чего-то хотят и мучаются; наконец, они получают желаемое и тоже мучаются. За всю жизнь люди настолько привыкли к мучению, что уже не воспринимают его как таковое и находят в нём некое удовольствие, насыщение.

Однако мир, в котором оказались Адам, Ева и все их потомки, является неким подобием ада. Смерть же – вызволение из этого ада. Именно так это видит Господь. Поэтому для Господа не является злом переселение человека из нашего адского существования в некое иное состояние, где тот, возможно, будет страдать меньше.

С тех пор как смерть вошла в мир, все люди рано или поздно умирают. Но если воспринимать все дни жизни как мучение, то выходит, что, чем раньше люди покидают этот мир, тем меньше они претерпевают страданий. Господь таким образом прекращает людские мучения в земной жизни, когда видит, что её дальнейшее течение не пойдёт человеку на пользу в жизни вечной. Именно по этой причине Он прекращает существование Содомы и Гоморры, в которых ситуация доходит до того, что жители хотят изнасиловать мужеложским путём пришедшего к ним ангела. Города уже окончательно погрязли в грехе, но Авраам ещё ведёт споры: «А если найдётся хоть шестьдесят, пятьдесят праведников, сохранишь ли Ты город?». Но не находится там достаточно праведников, и Господь уничтожает селения. Потому что эти люди, продолжая существовать, снискали бы себе ещё большие наказания и проклятия. Бог положил этому конец.

Представьте, что преступника выпустили на волю. Он что-нибудь украл, но пока ещё никого не

убил, его снова заключили в тюрьму. Но если его не лишить свободы, он вдобавок кого-нибудь убьёт, и тогда человека надо будет приговаривать уже к высшей мере наказания. Получается, что Господь, насылая потоп, серу на города или простую внезапную смерть на человека, освобождает людей от повседневного мучения.

Это всё абсолютно бессмысленно для человека, не верующего в вечную жизнь, в понимании которого единственным данным сверху благом является его существование. Однако даже такой человек, даже атеист, может догадаться, что его существование – это мучение. Из этого возник буддизм. Учение выросло из осознания того, что всё существование есть мука. Страдание возникает от желания, от страсти и потребности. Следовательно, отказавшись от всяческих желаний, люди могут ослабить свои мучения – в этом заключается путь и смысл буддизма.

Очевидно, не только христиане могут догадаться, что жизнь человека есть мучение – это в состоянии понять и атеист. Тогда он говорит о счастье

нерождения или о счастье небытия и начинает к этому стремиться. Известно множество примеров самоубийств среди мало верующих людей или атеистов. Ещё больше подобных смертей происходит в результате самоубийственной жизни, когда человек начинает вести себя таким образом, чтобы его существование прекратилось как можно быстрее. Например, в современном мире ездит на машине с огромной скоростью, в древние времена бросается в самую гущу битвы, где воины машут топорами. Это тоже самоубийство, только совершаемое человеком сознательно в попытках прекратить свои мучения.

Давайте рассмотрим ситуацию именно с такой точки зрения. Бог смотрит, как люди страдают. И Он окажется ещё большим мучителем, позволяя людям терзаться и далее, чем если бы просто прервал пытку. Это Он и делает. Получается, что Бог действительно любовь именно в том проявлении, что прекращает мучения людей?

Зачем Господь сотворяет таких детей, которые рождаются калеками?

Это очень важный вопрос. Стоит отметить, что с родителями, у которых появляются такие дети, происходят разительные перемены. Они овладевают искусством безусловной любви – любви не за то, что ребёнок талантлив, красив, умен и во всём замечателен, а просто так. Дитя может появиться и некрасивым, и уродливым, и калекой, а родители будут его любить. Это очень важное свойство. Очень часто это посылается семьям, которые испытывают большую гордость за своих детей, за их способности. И в дальнейшем семьи сильно страдают, рождение такого ребёнка считается позором. Это тяжёлое испытание.

О причинах такого испытания говорится в притче о слепорождённом. Бога спросили, за чьи грехи слепой человек стал таким: за грехи его родителей или за его собственные? «Нет, – ответил Господь, – это для того, чтобы на нём свершилась благодать Господня». И исцелил слепого.

Человеку не дано понять, зачем родился тот или другой калека. Но если увечные не будут появляться на свет, то остальные люди не смогут возвращать в

себе особые навыки безусловной любви, которая есть необходимое обстоятельство для наследия Царствия Небесного.

Поэтому калечным на всю жизнь детям, которые приходят к священникам, всегда говорят, что их место в Церкви. Господь уготовил их для Церкви, ибо в ней и происходит взросление человеческой души, возрастание в любви, в способности безусловно любить и сострадать. Тогда у этого ребёнка появляется колоссальный смысл его существования – вызывать жалость.

Но может, всё и правда только сон? Герберт многократно возвращался к этой мысли. Да, всё сон, или, точнее, сны, перетекающие друг в друга. Действительно, внешнего мира для него нет. Мир – лишь отражение в его сознании. По сути, всё воображаемое и кажущееся на самом деле существующим имеет единую основу и качественно не отличается друг от друга. Всё является лишь содержимым сознания.

Герберту казалось, что он может внезапно проснуться, и всё пойдёт или по-старому, или лучше,

или хуже, или вовсе окажется совсем иным. В одном сне люди страдают и умирают, а в другом всё совершенно иначе. В этом сне царят вот такие верования и законы физики, а в другом – совсем иные. Может ли такое быть? Вполне!

В каком-то другом сне Христос не был распят, Его вовсе и не нужно было распинать для примирения с Богом; в нём люди до сих пор добры и ласковы, а Господь не наказывает и не мучает того, кого любит.

Герберт пытался представить себе, что же есть Бог. Заученно повторяя, что Бог есть любовь, он воображал себе всё самое милое, ласковое, нежное, весёлое и доброе, что только мог придумать, и говорил себе: это Бог. Но после того как он лишился семьи и дома, потерял возможность забывать свои мучительные будни в помощи другим, всё милое и доброе повисло в невесомости, а Бог сместился в сторону. Они, Бог и добро, больше не совпадали друг с другом. И наверное, это был конец веры.

И всё же может быть, что в другом сне этого противоречия нет, там уютно и первозданно, там Бог

незловбив и никого не испытывает. Недаром в слове «испытание» таится слово «пытка»...

СРЕДИ БУЙНОПОМЕШАННЫХ

Ну хорошо, допустим все вокруг Герберта были буйнопомешанными. Он и сам не мог не сойти с ума!

Может ли человек оставаться нормальным среди буйнопомешанных? Вряд ли. Как бы он ни старался сохранить трезвость мысли и присутствие духа, как бы ни отстранялся от окружающего безумия – ничего не выйдет. А ведь именно так себя и ощущаешь. Все кругом совершенно не в себе.

Причём ладно бы, если тихо сходили с ума где-нибудь там, в сторонке. Так нет же! Каждый норовит пронестись полуголым галопом по твоей жизни, громко издавая звуки, только отчасти напоминающие человеческую речь. Причём оттого, что ко всему привыкаешь, отвратительность ситуации не отступает, отвращение только становится слегка привычным чувством реакции на повседневность.

Наверное, разумен тот, кто сходит с ума со всеми. И вовсе уж безумство пытаться оставаться в своём уме, когда все вокруг безумствуют. Надо быть в гармонии с хаосом. Во-первых, чтобы не выделяться, во-вторых, чтобы хоть как-то оправдать потерянную жизнь. Всё равно до срока из отделения буйнопомешанных нас не выпишут. А когда выпустят – то только ногами вперёд.

Причём если с тихопомешанными можно ещё как-нибудь сладить, приспособиться, просчитать их действия, может быть, даже попытаться помочь или хотя бы извлечь какую-то пользу, то с буйнопомешанными этот фокус не пройдёт. Пока ты будешь возиться с одним, второй пронесётся галопом и огреет тебя оглоблей по голове.

Вот и получается, что в мире нормальных нет и не может быть. Если они в теории и имелись в начале, то давно и безнадежно слились с дружной толпой безумствующего большинства.

Не зря всеми почитаемый безумец Диоген бродил с фонарём среди бела дня по людным местам со словами «ищу Человека». Это ещё в античности

стало хрестоматийным примером отчаянной жажды встретить нормального человека.

Отшельничество – вот ещё один популярный выход из бедлама, именуемого «обычная жизнь». Но мир так создан, что, оторвавшись от окружающих, заточив себя в безлюдное место, сразу сойдёшь с ума. Увы, мы не самодостаточны, как, скажем, медведи, которые могут себе позволить одинокие прогулки по свободным лесам, живут одни и, скорее всего, живут неплохо (пока не потянет к самке).

Жестоко обошёлся с нами негибаемый рок. Одна радость, что мало кто в состоянии это осознать.

И мы несёмся полуголым галопом, гогочем, с нарастающим увлечением рвём все связи с разумом. А что, может быть, в этом и кроется великая мудрость – суметь быть безумным среди безумных, при этом не сознавая, что чем-либо отличаешься от них? Чтобы не превозноситься в напрасном порыве – мол, они-то так себе, а я-то вот какой!

Какой может быть спрос с буйнопомешанных? В том-то и дело, что спрос берётся с нормальных, но нормальными им быть не дадут! Что с того, что ты

различаешь добро и зло? Ты делаешь добро, а все кругом реагируют так, словно бы ты делаешь зло. И наоборот! Попробуй ничего не замечать – и тут же угодишь в лечебницу для буйнопомешанных, в которой в буйнопомешанном мире содержатся отнюдь не нормальные, что казалось бы логичным, а ещё более буйно помешанные.

Заточение несносно, анестезия не помогает. И срок этого заточения – вся жизнь! Одна надежда, что за пределами этого бытия существует некая нормальность, хотя откуда ей в нас взяться? Загадив этот мир, мы загадим и любой параллельный или перпендикулярный.

Мы уже не ходим днём с огнём, как Диоген. И цена проживания в бочке стала настолько высокой, что всю жизнь мы должны безумствовать, чтобы иметь хотя бы тонкие дощечки у себя над головой.

Каждый раз, когда по сто раз на дню у нас возникает подозрение, что с миром что-то не так, или того хуже, что со мной что-то не так, – бросьте эти бесполезные вредительские мысли. Неситесь полуголым галопом со всеми! Ведь безумие – это так

увлекательно. Безумие – это хорошо! Безумие – это свобода! Слава безумию, освободившему нас от ответственности, освободившему нас от Мудрости, Любви и Бога!

ВРАЧЕВАТЕЛИ ДУШ

Конечно, род занятий священника и психиатра пересекается. Во всяком случае, они имеют дело с одними и теми же людьми.

Вообще, обвинение друг друга в ненормальности – самое модное средство унижить оппонента. Герберт не считал ненормальность унижительной, но когда его собственный сын поставил условие, чтобы отец показался психиатру, Герберту стало обидно.

Он вспомнил, как собственноручно нёс сопротивляющегося отца в сумасшедший дом и тот кричал: «Будь ты проклят! Когда-нибудь и тебя твой сын сдаст в сумасшедший дом!». Проклятие сбылось.

Герберт записался на приём к психиатру. Разговор оказался интересным.

– Бывают ситуации, когда человека загоняют в строго определённую роль. То есть партнёр или собеседник имеет о вас собственное конкретное представление, но оно совершенно не соответствует тому, как вы воспринимаете себя сами. Таким поведением партнёр насильно навязывает другому определённую роль, – пожаловался Герберт.

– Разделим данную общую проблему на две составляющих. Первая – взаимоотношения партнёров в браке, вторая – взаимоотношения бизнес-партнёров, людей в любом деловом общении. Общение в браке предполагает предварительное более или менее длительное знакомство. За это время люди могут узнать друг друга и либо принять навязываемую роль, либо каким-то образом уйти от неё ещё до брака. Конечно, если человек осознаёт, что его пытаются загнать в рамки.

В деловых отношениях не всегда возможно заранее присмотреться к человеку и понять, чего он от вас хочет и в какой роли ожидает увидеть. Поэтому как для семейных, так и для деловых отношений очень важно вовремя распознать

манипуляцию, понять, что вас пытаются использовать в определённой роли, выгодной другим.

Это очень распространённое явление, потому что все мы склонны играть в жизни некую роль в тех или иных ситуациях. Как говорят классики психологии, в каждом из нас живёт три роли одновременно: ребёнка, родителя и взрослого человека. В одной обстановке мы ведём себя как дети, в другой примеряем образ критикующего или любящего родителя, в третьей должны действовать, как взрослые люди. Естественно, если во взрослом состоянии человек долго играет роль ребёнка, то взаимоотношения с партнёром выстраиваются нерационально. Взрослые люди в деловых отношениях должны вести себя сообразно возрасту.

Иногда один партнёр берёт на себя роль родителя – разговаривает поучающим, менторским тоном, постоянно подчёркивает собственное превосходство. Таким образом он ставит другого человека в положение ребёнка, ожидая соответствующих реакций. Если второй партнёр принимает позицию

младшего, могут возникнуть более или менее длительные отношения. Но если вторая сторона отвечает не с позиции ребёнка, а как взрослый или родитель, в основном это приводит к конфликту. Поэтому люди должны общаться с одинаковой позиции – той, которая соответствует направленности разговора.

– Стоит отметить, чаще всего это происходит бессознательно, без анализа поведения. Если поговорить с людьми, ведущими себя так или иначе, обнаружится закономерность. Хотя партнёры и живут бок о бок, они словно находятся в разных измерениях, – продолжил Герберт.

– Если речь идёт о семье, то, как правило, дальнейшие взаимоотношения расписываются в первые две-три недели после брака или даже в период ухаживаний. Один из партнёров принимает отведённую ему роль. Чаще всего женщина остаётся ребёнком, а мужчина по своему статусу, как бы полагающемуся ему, берёт на себя роль родителя. Но по идее это два зрелых человека, которые и вести себя должны по-взрослому.

Если задать женщинам вопрос, какого мужчину они хотят видеть рядом, большинство ответит: волевого, авторитетного, умеющего зарабатывать деньги, настоять на своём. В то же время в семейных отношениях жена требует от мужа совсем другого: чтобы он обходился с ней не как взрослый человек, владеющий навыками общения и способный отстаивать свою позицию, а как родитель. С другой стороны, когда некоторое время женщина пребывает в состоянии ребёнка и хочет, чтобы супруг что-то сделал для неё, тот этого не совершает – просто потому, что он мужчина. Мы не сексисты, но нельзя отрицать, что существует два типа поведения в семье: присущее лишь мужчинам и свойственное только женщинам.

Если ожидания женщины не соответствуют представлениям, полученным в результате воспитания или собственной фантазии, наступает конфликтное состояние. С одной стороны, жена хочет, чтобы партнёр был самостоятельным и умел принимать решения; с другой стороны, она желает в каких-то ситуациях оказывать на него давление,

выступать в роли родителя. Как правило, мужчина не всегда улавливает этот момент перехода: только что супруга была мягким ребёнком, и вдруг я должен делать что-то по её требованию, чего, оказывается, не выполняю! Конечно, это конфликтная ситуация.

– Люди склонны соответствовать чужим ожиданиям. Есть закономерность: когда вы беседуете с человеком, который говорит с акцентом, то незаметно для себя начинаете так же произносить слова. Иногда вы «отзеркаливаете» собеседника, то есть повторяете его жесты и выражения. Таким образом люди подсознательно пытаются достичь лучшего понимания. В большей мере люди точно так же стремятся соответствовать как позитивным, так и негативным ожиданиям, которые возлагаются на них другими людьми.

Предположим, близкий человек постоянно ожидает от вас неприятных действий и поступков, которых вы совсем не планируете. В принципе, уже не имеет значения, будут они совершены или нет, потому что партнёр сформировал о вас определённое мнение, которое очень трудно изменить.

– Безусловно. За советом к психологам, психотерапевтам, религиозным деятелям или просто авторитетным с личной точки зрения персонам люди обращаются тогда, когда понимают, что их общение не даёт ожидаемых результатов. Вследствие разговоров постоянно возникают какие-то конфликты. Хорошо, если человек сам понимает, что проблема в нём: скажем, налицо неправильные ожидания или особый эмоциональный фон, который предполагает ежеминутную готовность к агрессии со стороны. Но иногда отклонения в одном из членов семьи замечают близкие. Например, видят, что муж постоянно заряжен отрицательной энергией, всё время ожидает подвоха, общается на повышенных тонах, принимает агрессивные позы. Тогда родственники тоже обращаются к специалистам. Но чаще всего клиент приходит, когда у него что-то не ладится в жизни. На первом этапе 90% обратившихся не понимают, что это исходит от них самих, и просят о помощи: «Что мне делать с партнёром, чтобы он откликнулся?».

– То есть проблема якобы не во мне, а в моём партнёре.

– Да. Большинство людей не видят, что корень проблемы кроется в них самих. Поэтому цель консультантов, психологов – понять суть конфликта. Ведь спорный вопрос всегда обоюден, волнует сразу двух партнёров.

Первое, что должен уяснить каждый пациент: переделать другого человека значительно тяжелее, чем изменить себя. Большинство конфликтов, особенно если они протекают с разными людьми по одинаковому сценарию, говорят о том, что в самом человеке скрыта проблема. Он не может выстраивать отношения с членами общества либо с определённым кругом лиц. Например, женщина не может вступать в отношения с мужчинами от 30 до 40 лет, но с мужчинами старшего возраста контакт налаживается легко. Другой пример – у человека не получается найти общий язык с подростками, но на взрослых людей это не распространяется. Иногда мужчина не в состоянии общаться с женщинами определённого типа, а со всеми остальными без

труда поддерживает беседу. Бывает, человек показывает прекрасные навыки общения в кругу давних знакомых, которых знает по 15–20 лет, но абсолютно не контактирует с людьми, которых видит второй раз в жизни. Он чувствует себя чужим в новой компании, не может наладить обратную связь. Это именно вы не можете установить контакт, а не окружающие необщительные люди по каким-то своим причинам. Поэтому, если за консультацией обращается только один член семьи, как правило, я прошу рассказать всю семейную историю. И человек начинает понимать, что многое действительно зависит от его отношения к партнёру.

– Очень часто я чувствую, что люди из моего близкого окружения имеют определённые цели и стремятся их достичь, применяя конкретные практические способы.

– Манипуляции встречаются в разных сферах жизни. Самая первая область, где люди часто манипулируют друг другом, – семейные отношения. Здесь есть такие понятия, как зависимость и созависимость. При данном способе взаимодействия

один человек зависит от другого, и это касается не только ситуаций, когда муж – алкоголик или наркоман, а жена вынуждена с ним жить. Это не единственная почва для манипулирования. В среднестатистических семейных отношениях также есть зависимый и созависимый партнёр. Мы очень часто применяем различные приёмы, вызывая у другого человека, например, чувство вины. Это состояние возникает при манипуляциях очень часто. Чувство вины у одного партнёра приводит к тому, что второй получает от него желаемое. Результатом созависимых отношений часто становится их распад или даже болезнь членов семьи. Ведь ощущение вины, обида и желание угодить супругу, которые обязательно присутствуют в манипуляциях, иногда вызывают очень негативные, стрессовые эмоции. Поэтому психосоматические заболевания во многих случаях связаны с проблемами манипулирования как в семье, так и в других жизненных сферах.

– Да, мои близкие пытаются мной манипулировать, но при этом не умеют договариваться, – пожаловался Герберт.

– Существует одна особенность психики человека, получившая научное название «алекситимия». Она означает слабую способность или невозможность выражать эмоции в устной форме. При алекситимии человек держит переживания внутри, будучи не в состоянии перевести их в слова. Считается, что данная черта личности может быть как врождённой, так и приобретённой, навязанной социальным окружением.

– В какой-то мере мы все этим страдаем, – согласился Герберт.

– Правильно. Иногда проблему замечает сам человек или окружающие, иногда затруднение выявляется на приёме у специалиста, хотя клиент пришёл с психосоматикой. Например, он испытывает непонятные летучие боли по всему телу, в мышцах, а физической причины для них нет. В конце концов человек попадает либо к психологу, либо к психиатру и понимает, что у него психосоматическое расстройство, а физические ощущения зависят от процессов, происходящих в мозге.

– Но данное состояние может быть кем-то навязано. Например, человеку постоянно приходится быть не самим собой. Однажды ко мне пришли свидетели Иеговы. Я всегда всех принимаю и беседую. Среди них была девушка и пожилой отец. Разговор свёлся к простому вопросу: зачем они ходят по домам? Было видно, что девушка очень не хочет ходить. Спустя некоторое время я встретил её в инвалидной коляске – отнялись ноги, но причина нарушения неизвестна. Я объясняю это соматической реакцией на нежелание ходить по домам, потому что девушка не смогла сказать родителям «нет».

– Подсознательно она не желала ходить с сектантами – и теперь она не идёт.

– Да, это даёт девушке оправдание, чтобы не совершать нежеланные действия, и в то же время оставляет возможность пребывать в привычной для неё группе людей. Хотя, естественно, человек не осознаёт этого и считает, что страдает каким-то заболеванием.

– Да, чаще всего люди обращаются именно с такими проблемами, потому что не удаётся выяснить органических причин нарушения.

– Однако если девушку спросить о жизненных взглядах, она выставит себя горячей, абсолютно искренней свидетельницей Иеговы: она бы ходила по домам, да не может. Таким образом, человек не осознаёт своих эмоций.

– В этом и дело: понимания нет, а эмоции прорвались наружу через психосоматику. Моей задачей стало бы объяснить девушке, что в её состоянии есть эмоциональная подоплёка, что к чувствам нужно вернуться, выразить их словами, проработать.

– Но в данном случае причина не в голове девушки. Триггером является вся её жизнь – например, отсутствие мужа, отношения в родительской семье, строгая община.

– И всё же это защитная реакция.

– Если подвести девушку к этому осознанию, то она сама уйдёт из общины и окажется абсолютно беспомощной.

– Мы подошли к главному: многие подобные состояния для чего-то человеку нужны. Подсознательно организм считает, что если выйдет из данного положения, то станет ещё хуже. Организм не знает, что с ним произойдёт.

– Но объективно человеку действительно может стать хуже.

– Мы не знаем. Возможно, у него есть хорошая семья, которая в трудную минуту окажет поддержку.

– Всё вышеописанное происходит в современном мирном обществе; но давайте вспомним страшные годы фашизма или агрессивного коммунизма. Если бы гражданин восстал против режима, против того, что не желает выполнять, его бы просто расстреляли.

– Поэтому в большинстве своём люди поддаются, подыгрывают режиму.

– Значит, это некая иллюзия – считать, что человеку, которому открыли глаза и лишили своеобразной защиты, станет лучше? Всё может обернуться ещё хуже.

– Это ещё один пример того, что, если индивид останется в прежнем социальном окружении, любые

усилия будут бесполезны. Это похоже на работу с наркозависимыми людьми.

– Нужно менять среду, друзей.

– Да, если больной не сменит среду, лечение окажется безрезультатным. Недавно на приём пришла молодая сорокалетняя женщина с рядом сложностей. С первой беседы она, казалось, поняла суть проблемы, но под конец задала вопрос: «А если я буду нормальной, то лишусь социального жилья?». Всё! Эта установка поддерживает женщину в проблемном состоянии. Клиентка вернётся к наркотикам и прежнему образу жизни, потому что неизвестно, что с ней произойдёт, если этого лишиться.

– Возникает интересный вопрос: а как же принцип «non posse», «не навреди»? Если девушку, неспособную ходить, вылечить и заставить покинуть существующую среду, она может оказаться в ещё более нехороших условиях – скажем, займётся проституцией. Раньше она как адепт «Свидетелей Иеговы» имела сдерживающие моральные принципы (как бы сектантов ни ругали, у них есть

определённые нравственные рамки). Лечением мы можем привести девушку, не привыкшую к соблазнам окружающего мира, к ужасному состоянию.

– Не мы приводим её к этому.

– Она придёт сама, но мы станем катализатором.

– Она вольна выбрать другое состояние.

– Вы согласны, что здесь очень важно не навредить?

– Безусловно.

– Вне зависимости от того, как себя вели родители, неизбежно наступает момент, когда дети определённого возраста отдаляются от них.

– Это очень распространённое явление, имеющее физиологическую основу. Во многих религиях указывается, что дети должны отделяться от родителей в определённом возрасте. Однако это происходит не во всех семьях. Существует превратное мнение, что абсолютно все дети проявляют негативизм по отношению к родителям, но чаще это встречается в семьях определённого типа. Патологические формы ситуация принимает,

когда в ребёнке закладываются психологические установки, не совпадающие с теми, которые имеются у биологических отца и матери. Чаще это явление объясняется наследственностью.

– Например, при эмиграции, когда родители были воспитаны в стране с одной ментальностью, а ребёнок рос в другой.

– Да. Как правило, наиболее тяжёлые негативные ситуации складываются в семьях, где ребёнок с малых лет видит неискренность в отношениях родителей – это первый фактор дальнейшего отдаления. Второй фактор – отец и мать, ведущие двойную жизнь: в обществе они одни, в семье – совершенно другие.

– Может быть, они ведут двойную жизнь даже по отношению друг к другу?

– Да, это особенно. Дети видят неискренность отца и матери по отношению друг к другу, когда вслух декларируется одно, а на деле происходит совсем другое. Поведение родителей на людях и общение дома сильно различаются. Известно

множество подобных примеров, особенно в тоталитарном обществе.

У многих подростков психологическое развитие складывается таким образом, что они принимают рисунок поведения родителей, вливаются в поток, понимая, что нужно быть именно таким, что это хорошо. Но человеческая природа иная, личность не может разорваться на две части. Поэтому у детей часто развивается подростковый экстремизм – яркая особенность их психологии. В возрасте с 11 до 16 лет у подростков преобладают экстремистские решения, всё видится либо в чёрном, либо в белом цвете. Если ты утверждаешь, что всегда говоришь правду и требуешь того же от меня, будь сам честен; если ты лжёшь, и я буду лгать. Это своеобразная тонкость процессов, приводящая к отдалению детей от родителей. Ведь в подростковом возрасте заложено, что ему нужен авторитет.

В старых патриархальных обществах и некоторых современных, где высоко развиты религиозные устои, ребёнок с малого возраста вместе с отцом и матерью ходит в церковь, синагогу,

мечеть. Он воспринимает некие идеалы, которые поддерживает семья. При таком укладе процессы негативизма наблюдаются реже, хотя совсем не исключаются. И причины могут быть разными. Ведь как известно, даже верующие люди неидеальны.

– Чаще всего имеет место конфликт общества и веры.

– Да.

– Почему священников обвиняют в том, что они ездят на «мерседесе»? Потому что вслух служители говорят о скромности и жертвенности, а на деле показывают обратное. Возмутителен не сам факт наличия «мерседеса», мы ведь не обвиняем в подобном врачей. Любой успешный специалист может себе позволить более статусные вещи.

– Подростки понимают, что учатся годами для того, чтобы зарабатывать много денег и преуспеть в жизни. Но когда внешний рисунок расходится с тем, что ребёнку внушали, это вызывает неприятие.

– Я не слышал, чтобы кто-то ругал муллу или раввина, которые ездят на «мерседесе». Ведь в тех религиях другая философия, иные принципы.

– Но вернёмся к нашим баранам. Что же делать, если происходит отчуждение детей от родителей? Мы понимаем, почему это происходит, но ничего не можем сделать.

– Особенность подростков в том, что они не могут сказать «нет». Эта стадность, когда все заодно, создаёт риск вовлечения ребёнка в сомнительные группы. Юный гражданин не умеет отвечать «нет».

– Для подростка очень важно, что в сообществе его принимают.

– Да, он соглашается с членами группы.

– Чтобы удовлетворить потребность быть принятым.

– Да. Он не может почувствовать себя так же вне группы, это факт. Например, белая ворона в классе – всегда изгой, школьник, который имеет серьёзные психологические проблемы. Если такие люди обращаются к нам, в первую очередь мы учим с помощью специальных упражнений говорить «нет» или хотя бы нейтрально относиться к предложениям, способным привести к нежелательной ситуации. Подросток может понимать, что согласие приведёт к

криминалу, конфликту с родителями, но не быть в состоянии ответить «нет», соглашаясь с группой. Умение отказывать или хотя бы нейтрально воспринимать чужие предложения – важный навык.

Существует целая серия подготовительных упражнений, одно из них называется «Confront». Два человека должны сесть друг напротив друга на расстоянии около метра и никак не реагировать на слова оппонента. Тот может оскорблять партнёра, смеяться, рассказывать анекдот. Конечно, подразумевается не физическое, а визуальное и словесное воздействие. И подросток не должен проявлять никакой реакции.

– Но в молодёжной среде часто воздействуют физически, бьют.

– Это уже другая ситуация. Если человек может воспротивиться хотя бы словесному воздействию, это большой шаг к тому, что он найдёт иной путь, не последует слепо за группой. Упражнение «Confront» очень ценно для психологии личности, потому что не реагировать на агрессивную речь невероятно сложно. В людях заложена особенность выдавать

сильную реакцию на слова. Казалось бы, слово – всего лишь нематериальный объект, пустое сотрясение воздуха.

– «В начале было слово...» Мы знаем, что слова вызывают эмоциональную реакцию, которая порой подобна физической боли.

– А почему? Слово, жест или запах часто становятся триггером к появлению сильной эмоциональной реакции. Человек может до поры даже не знать услышанного слова, однако в какой-то момент оно срабатывает. Для этого нужно понимать сказанное. Например, мужчина не владеет мексиканским языком. Проходящие мимо подростки произносят какое-то ругательство по-мексикански, но не с интонацией оскорбления, а между делом, просто так. Если человеку незнакомо это слово, он улыбнётся или подумает, что с ним здороваются. Но если значение известно, трудно сказать, как мужчина среагирует. Большинство почему-то выдаёт агрессивную реакцию, двойную: либо бить, либо бежать.

– Fight or flight.

– А упражнение «Confront» выводит личность на другой уровень. Вам что-то сказали, но это лишь звук, слово, не действие – не реагируйте. Это очень сложно, особенно с некоторыми словами. В подготовительной фазе мы выявляем именно такие слова.

– Иногда пассивная реакция вызывает ещё большую агрессию.

– Правильно. Но не стоит поддаваться, ведите себя так, как нужно вам.

– Но тогда противник перейдёт к действиям: начнёт драку, убьёт, отравит вас.

– Совсем необязательно. Пусть ко мне обращаются с ругательством и конфликтом, а я поведу себя спокойно.

– Но ведь цель противника – унижить. Если слабые меры не действуют, он будет повышать градус агрессии.

– Не всегда. Я долгое время жил в Израиле среди общины горских евреев, очень эмоциональных людей. Первое время я даже пугался. Иногда местные начинали поносить друг друга ужасными

словами, громко кричать и яростно размахивать руками (однако, не приближаясь близко). Через час я наблюдал, как они вместе пили чай, вспоминали родственников – уже без агрессии, абсолютно нейтрально. Боже мой, что это было и что произошло потом? Слова ранят только тех, кто воспринимает их как оружие.

– Всё же в некоторых ситуациях лучше отреагировать так, как ожидает оппонент, чтобы не эскалировать конфликт. Вам сказали: «Ты дурак!», – вы ответили: «Сам дурак», – сделали вид, что обиделись, и ушли, а внутри ничего не испытываете. Здесь и закончилась вся агрессия. Если же в ответ на ругательство я усядусь и стану вызывающе смотреть на противника, выражая полное безразличие, человек скажет что-то ещё, так как почувствует, что этого недостаточно, и стукнет меня стаканом по голове. Мы возвращаемся к моменту, когда иногда лучше войти в роль, которую вам предлагают, чтобы не усугубить ситуацию.

– Да, в некоторых ситуациях для погашения конфликта можно поступить и так. Но самое главное,

что человек не среагирует эмоционально. В ответ можно сказать что угодно, не обязательно сидеть и молчать.

Упражнение вырабатывает в подростке такую способность. Человек в состоянии что-то ответить, но не полезет в драку, не среагирует эмоционально, воспользуется словами, как в вашем примере. Есть ещё один приём против кибербуллинга (школьной травли) – так называемое психологическое айкидо. Человек в утрированной форме соглашается с оппонентом. Например, его называют дураком, а он отвечает: «Да, я дурак, я такой».

– Это снижает градус агрессии?

– Как правило, да. Ведь противник рассчитывает на другую реакцию, а с ним соглашаются: тогда зачем ругаться? Принцип айкидо срабатывает очень часто, особенно в семейных отношениях. Но подчеркну главное: можно говорить в ответ слова, но нельзя реагировать эмоционально.

– Значит, если муж скажет жене: «Ты потаскуха», она должна согласиться: «Да, я потаскуха!»?

– Это уже крайний случай.

– И тогда муж схватится за нож или начнёт душить супругу. Нужно быть очень осторожным при обобщении.

– Безусловно, это не панацея.

– Но есть ещё одно противоречие. С одной стороны, не выражать свои эмоции – плохая привычка.

– Да, в определённых ситуациях.

– Иногда люди переходят в болезненное состояние с чувством потери себя, отстранённости, словно наблюдают за собственной жизнью со стороны. Такие симптомы возникают при неврозах. Люди жалуются: «Я не чувствую себя, смотрю на свою жизнь со стороны».

– Это есть болезненное состояние.

– И если человек будет тренироваться в подавлении живой реакции, то может легко вогнать себя в это состояние.

– Нет, потому и проводятся специальные тренировки, ведь человек отказывается от реакции осознанно.

– Но для чего это нужно?

– Чтобы избежать конфликта, чтобы вас не ударили по голове. Если мне заявят: «Ты дурак», – а я отвечу тем же, конфликт не прекратится.

– На этом всё закончится, люди встанут и разойдутся.

– Вовсе нет. Следующий этап – тот, о котором упоминали вы, то есть развитие конфликта: «Ах, значит, я дурак?!»

– Эскалация.

– Да, происходит эскалация конфликта.

– Это касается и развода?

– С точки зрения психогенетики разрыв отношений очень часто предопределён заранее – конечно, не однозначно. На это влияет много факторов: окружающая социальная среда, личное отношение к тому или иному вопросу (например, к семье). Но очень часто стереотипы поведения, которые имелись в родительской семье, исполняются детьми. Поэтому, если люди хотят прервать отношения, всегда нужно смотреть, целесообразен ли развод в той или иной паре. Иногда к такому решению толкают просто переживания каких-то

очень тяжёлых отношений, и ситуацию можно исправить.

Если же развод предопределён генетически, то стереотипы поведения, которые наблюдались в родительской семье, в дальнейшем переносятся людьми и в собственные отношения с супругом. Может произойти столкновение двух совершенно разных культур, где отличается восприятие даже базовых понятий, таких как любовь, комфорт, забота, уверенность. Каждый человек видит это по-своему. Молодая пара начинает совместную жизнь, и первое время всё кажется прекрасным благодаря влюблённости. Но примерно через 9–12 месяцев каждый обнаруживает в партнёре стороны, которые его совсем не устраивают, начинаются ссоры. Если люди признают существование проблемы, им можно помочь – разъяснить, научить правильно общаться, слышать друг друга. Если этого не происходит, то уже через 1–2 года такие пары распадаются. Если же мужчина и женщина создают семью, заводят детей, проблема остаётся непроработанной. Тогда муж, к примеру, не понимает, почему обиделась жена: что

же он такого сказал? А жена пытается разгадать, что же имел в виду супруг. Здесь начинается манипулирование. В то же время накапливается взаимная агрессия, потому что в семье царит сильное непонимание. Если такая пара вовремя приходит на консультацию, есть шансы сохранить семью, особенно при наличии любви и чувств. Развод вовсе не обязателен.

Однако бывает, что люди сожительствуют, но не удовлетворяют друг друга, в отношениях уже нет любви, уважения. Тогда нужно уточнить, какими заболеваниями страдают супруги, потому что негативные эмоции влияют на тело. Многие болезни связаны со стрессовыми ситуациями в семье. Хотя людям приходится трудно не только дома, но и на работе, всё же семья – это главное. Некоторые законы семейных отношений передаются по наследству. Но если два человека по-настоящему захотят жить вместе, ситуацию можно изменить. Здесь обязательно нужно смотреть, что привело к разрыву в предыдущих случаях. Как правило, человек не может самостоятельно изменить

стереотип поведения и тип эмоциональной реакции. Моя задача – научить человека иначе реагировать на определённые ситуации. Этот навык часто даёт хороший эффект.

ПОСЛЕДНЯЯ БЕСЕДА СВЯЩЕННИКА С ДЕТЬМИ О ДВУХ ПУТЯХ И ЛЮБВИ

Герберта пригласили в детский лагерь «Дорожка» для беседы с детьми о двух путях и любви. Так получилось, что это было его последнее слово, сказанное в роли священника.

– В жизни есть только две дороги: либо мы идём, приближаясь к Богу, либо удаляемся от Него. Других путей нет.

Господь создал людей таким образом, что у нас всегда есть свобода выбора. Человек всё время должен выбирать. Почему Он сотворил людей такими? Потому что Бог есть любовь, а любовь невозможно получить силой, заставляя другого испытывать к вам нежные чувства. Можно принудить кого-то уважать вас, бояться, но нельзя

заставить вас полюбить. Вы согласны с этим? Кто-нибудь пробовал заставить другого человека полюбить вас?

Дети зашумели. Кто-то спросил: «Почему?».

– Такое происходит из-за самой природы, сути любви. Невозможно заставить любить. Господь создаёт свои творения со свободой воли и выбора: либо любить Его, либо нет, ведь Он не может и не хочет их принуждать. Поскольку сам Христос не заставляет любить Его насильно, то и мы не можем этого делать по отношению к другим людям. У каждого из нас есть свобода выбора. Это больно, потому что всегда хочется быть любимыми. А есть ли такие, кому не хочется?

В зале поднялась только одна рука.

– Можно с уверенностью сказать, что такое встречается не часто. В зале пятьдесят человек, и не хочет только один. Подозреваю, что на самом деле и он желает чувствовать чью-то любовь. Что бы мы ни делали, не получится заставить любить себя. Господь предоставляет свободу выбора, предлагает два пути. Первый – путь мира сего, он понятен каждому.

Например, когда мы голодны, то хотим кушать. Но даже если чувства голода нет, мы всё равно хотим чего-нибудь вкусенького. Очень часто люди желают вещей, без которых можно легко обойтись. Сейчас все сыты, но, если принести мороженое, каждый ребёнок в зале набросится на него, да и я тоже. Причём некоторые сильно переедят.

Удовольствия мира сего понятны каждому. Вы хотите красивых вещей, интересных игрушек, модной одежды, лучших айфонов, статусных машин у родителей, а потом и у вас самих. Вы сами желаете быть красивыми. Половина девочек в зале наверняка хочет стать моделями. И наверняка кто-то из мальчиков хочет жениться на модели.

Дети громко засмеялись.

– Итак, в мире есть много привлекательного. Мир убеждает нас, что мы должны стать счастливыми. Мир говорит, если вы богаты, красивы, имеете власть – вы счастливы. Если вы умны, вас ждёт счастье. А что на этот счёт говорит Господь?

Кто-нибудь встречал в Евангелии список того, благодаря чему человек может стать счастливым?

Оказывается, он существует и называется «Нагорная проповедь», Евангелие от Матфея, глава 5, с самого начала.

Там говорится, что Господь восходит на гору, к Нему приближаются ученики, и Бог начинает их учить. «Вы – свет миру», – говорит Христос, то есть с первых же слов признаётся людям в любви. Он не называет их жалкими муравьями, которых неизвестно зачем сотворил. Нет, Христос произносит: «Вы – соль земли», – и обращается как к Своим ученикам, которые должны нести свет во все языцы, во все народы.

Далее Господь даёт список, где указано, кто может быть счастлив. В разных Евангелиях написано: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное». Что значит «блаженный»?

Чтобы понять, нужно обратиться к оригиналу Евангелия, написанному на греческом языке (оригинал не найти ни на иврите, ни на арамейском). Там «блаженный» звучит как «макариос» (μακάριος), что значит «счастливый». Смысл слова «блаженный»

– счастливый. Мы получаем от Господа список, как человек может быть счастлив.

В списке нет богатства, силы, славы, красоты, ума, плотской любви. Тогда что же в нём? Первое, что говорит Господь: «Блаженны нищие духом». Блаженны, счастливы те, кто понимает, что сами по себе они – ничто. Без Бога, без Духа Святого, без Его вдохновения, Его действующей силы люди – ничто; словно нищие, просят помощи у Господа. Они не надеются во всём на себя, как те, кто горд, а уповают на Христа. Значит, счастливы негордые. Плохо быть гордым! Гордый человек думает, что всё хорошее, происходящее в его жизни, случается оттого, что он такой великий, красивый, умный и способный. Но по-настоящему он ничего не имеет, а хорошее происходит не потому, что человек достиг красоты и силы. Всё зависит от Бога, а людям нечем гордиться. Что бы мы ни делали, всё совершается по соизволению Божьему.

Гордый человек отходит от Бога, требует к себе почитания и уважения, становится злым, потому что его не оценили. Затем впадает в уныние, и многие

гордецы совершают самоубийство. Среди больших знаменитостей, великих писателей, громких художников и артистов мы встречаем тех, кто наложил на себя руки. По идее, эти люди должны ощущать себя самыми счастливыми, а они совершают суицид. Вот путь, по которому дьявол ведёт всякого гордеца! Бес толкает человека к разрушению, самоуничтожению, самоубийству.

Поэтому в первой же строке Господь говорит: «Блаженны нищие духом, блаженны негордые, благословенны те, кто полагается на силу Божию».

Следующие слова Христа таковы: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся». Слезы бывают разные. Так, слёзы зависти – плохие. Это не тот плач, о котором говорит Господь. Христос имеет в виду слёзы покаяния. «Блаженны чистые сердцем, блаженны милостивые, блаженны миротворцы, блаженны кроткие». Здесь нет упоминания о сильных, смелых, о всегда побеждающих.

Таким образом, перед нами лежат только два пути. Представим любую жизненную ситуацию – например, вас обидел друг. Вы можете либо обидеть

его в ответ, либо простить и сделать вид, что не заметили насмешки. Как правильнее поступить? Лучше простить человека и притвориться, будто ничего не произошло.

Почему же нужно выбирать именно прощение? Потому что Бог прощает человека тогда, когда тот прощает других. А если мы не прощаем, то и Господь не отпустит нам грехов.

Возьмём другую ситуацию, когда двое ругаются между собой. Лучше их помирить, нежели позволить подраться.

Что значит «кроткий»? Кротким называет себя Господь, Он говорит: «Придите ко мне, все труждающиеся и обременённые, и Я упокою вас, ибо кроток есмь». Кроткий – это тот, у кого есть сила, но он не применяет её. Каких кротких животных мы знаем? Например, корову, которая могла бы растоптать любого копытами, забодать рогами, но она кротка и не делает этого.

Господь хочет, чтобы мы были такими, каков есть Он. Поэтому в каждой жизненной ситуации нужно делать выбор, и это совсем не просто. Вся

логика мира требует быть жёстким, добиваться своего, никому не прощать обид, отбирать у других для себя и так далее. Логика Евангелия говорит об обратном: прощай всем, отдавай всё что есть, не жадничай, не завидуй, не кради, не бери чужого. Этому и учит Господь.

Вы хотите выбрать путь, которому учит Бог? Кто из вас может сейчас отдать в подарок свою самую любимую игрушку? Вы очень добрые дети и хорошие христиане. Кто-нибудь пробовал подарить другому вещь, которая вам сильно нравилась? Вы чувствовали, что в этот миг испытываете наслаждение? Это происходит тогда, когда вы ощущаете внутри себя Бога.

Так же происходит и во всём остальном. Мы будем счастливы, если последуем советам Господа, и станем несчастны, если пойдём в обратном направлении. Мы будем несчастны, если устремимся к богатству и забудем, что вокруг много нуждающихся. Господь вложил это в нас, как программу в компьютер. У каждого механизма есть своё предназначение. Например, цель холодильника

– морозить, давать холод. Так же и мы были созданы для того, чтобы быть по образу и подобию Божьему. Люди были сотворены, чтобы стать как Бог, стать любовью. А любовь невозможна без отдачи.

– Что самое главное для любви? – спросила юная слушательница.

– Самое главное, – отвечал Герберт, – кроется в словах апостола Павла, лучше которого никто на земле ещё не сказал: «Любовь всё покрывает, всё терпит, она не ищет зла, не радуется неправде». Это и есть описание любви. Она не может быть условной, нельзя любить человека за что-то и почему-то, а можно только просто так. Если вы любите девочку потому, что у неё красивые волосы, она станет лысой. И такого не может быть, ведь апостол Павел сказал, что любовь никогда не перестаёт. Следовательно, любовь не может зависеть от чего-то, она просто есть и всегда будет существовать. «Всё закончится в этом мире, – говорил апостол, – а любовь будет продолжаться».

Поэтому самое главное для любви – не искать для неё причину. Если вы найдёте причину, по

которой полюбите человека, это будет уже совсем другое чувство.

Не слушайте тех, кто говорит: «Что ты изображаешь из себя святого? Всё равно ты не такой». Ну и что? Святым становится не тот, кто безгрешен. Святой – это тот, кто понимает, что имеет грехи и хочет от них освободиться. Несвятой либо не понимает этого, либо понимает, но не желает покаяться, очиститься от грехов. В этом основное различие.

Поэтому на небе все, кто с Господом, обязательно святы. Ведь Христос сам освящает всякую вещь.

Если человек захочет поговорить с Христом, в большинстве случаев ничего не получится. Встреча с Господом не вербальная, не умственная. Вспомните, что говорил апостол Пётр, который оказался на горе Фавор, горе Преображения. Когда Христос преобразился и ученики узрели фаворский свет, Пётр воскликнул: «Хорошо нам здесь, Господи!».

Бог – это не слова, не мысли, не разговоры. Ощущение Бога есть чувство полной защищённости,

неограниченной свободы и любви к себе. И это чувство неопишимо человеческими словами, в земном мире нет ничего такого, с чем его можно было бы сравнить. Поэтому не возникает вопроса, освящает ли Господь человека, когда тот является пред Ним. Если человек хотя бы покался и дошёл до Господа, то он причисляется к святым не за свои заслуги, а за счёт свойства Бога освящать всякую вещь.

Представьте мужчину, который живёт в пещере и хочет добраться до света. Когда человек выйдет из норы, солнце будет его освещать, потому что оно сияет и хорошим, и плохим, и слепым, и зрячим. Так и Господь озаряет каждого, кто доберётся до Него. А добраться до Бога можно, становясь Ему подобным. Он – любовь, и вы будьте любовью; Он прощает, и вы не держите зла; Он не судит, и вы не критикуйте. Становясь подобными Богу, вы становитесь ближе к Нему.

– Что делать, если вы очень сильно пытаетесь кого-то любить, но люди не воспринимают этого? – спросила одна девочка.

– Это очень больно. Хорошо, если рядом есть человек, который вас понимает и может пожалеть. Это страшно горько, когда ты всем сердцем кого-то любишь, а в ответ получаешь холод, презрение и самое ужасное – безразличие. Лучше бы уж вас ненавидели! Самое тяжёлое – это равнодушие.

Этот вопрос, видимо, очень волновал девочку:

– Обычно, если кого-то по-настоящему любишь, то в каком-то смысле человек должен это почувствовать и дать ответ. Но что значит, если нет совсем никакого ответа? Он равнодушен? Может, стесняется или просто относится к тебе по-дружески?

– К сожалению, это неутешительно, – вздохнул священник. – Если человек любит, он проявит свои чувства. Это мы сами пытаемся себя успокоить, убедить, что он не даёт ответа, потому что стесняется или по другим причинам. К несчастью, это значит, что человек нас не любит, и тут уже ничего нельзя сделать. В каждого вложено разное количество любви и потребности в ней. Кому-то подобные чувства не нужны вовсе.

Знаете ли вы, почему люди боятся любви? Потому что любовь – это Бог. Она требует от человека жертвы, а люди не хотят ничем жертвовать, они даже не желают поделиться пирожком. Поэтому многие люди, поняв, что настоящая любовь всегда жертвенна, отказываются от неё.

Что делать в таких случаях? Не обижаться, терпеть, прощать. Это очень больно именно потому, что в разных людях заложена разная способность к любви и потребность в ней. Кто-то чахнет без этого чувства, а кому-то оно совершенно не нужно. Это надо пережить. Господь видит наши способность и желание любить и обязательно пришлёт такого друга, который разделит с нами любовь.

Каждого человека, с которым мы встречаемся, Господь посылает для того, чтобы мы попытались его полюбить – даже такого, который ненавидит нас, издевается, даже врага. Это невероятно сложно, но такова и есть задача христианина – постоянно учиться любить тех, кто не испытывает к нам тепла, ненавидит нас. Нужно научиться ради них жертвовать, уступать им. Это трудно, а Господь

каждый раз усложняет задачу. Мы всё равно не сможем сделать больше, чем Он, который молился о распинающих и избивающих Его, о плюющих в Него. Христос говорил: «Господи, не ведают, что творят!» – и вымаливал прощение для своих врагов.

Сама природа, сущность настоящей любви одинакова для всех её проявлений: человека к Богу, мужа к жене, матери к сыну, даже для детской любви к котёнку. Вы терпите животное, разрешаете ему царапаться и писать на коврик потому, что любите его.

Не существует отдельных видов любви. Всякая безусловная любовь состоит из одной и той же материи. Поэтому не надо концентрироваться на любви только к одному человеку, а других людей не замечать. Надо стараться любить всех.

– Если ты кого-то любишь, это даёт тебе Бог? – прозвучал детский голос.

– Да. Это то, что называется даром любви. Способность любить – это огромный дар. Многие думают, что любить может каждый, но это не так. Посмотрите на жизнь, на окружающих и вы увидите,

что очень немногие люди умеют любить по-настоящему. Любовь – это дар Божий: когда вас обижают, вы находите силы улыбнуться и сказать: «Прости меня!». Когда вас бьют по одной щеке, сумеешь подставить другую и молиться об обидчике – это дар Божий: «Если я тебя злю, ударь меня ещё раз. Прости меня!». Это невероятный дар, который находится за пределами обычных человеческих возможностей. Именно в нём заключается величайшая цель христианства – научиться любить.

Я очень благодарен вам, вы замечательные дети, потому что, во-первых, слушаете меня, во-вторых, слышите. Слушать и слышать – очень важные вещи. Чаще всего Господь говорит: «Имеющий уши да услышит». Ведь главная проблема в том, что Христа никто не слушал и не слышал, и лишь некоторые ученики сподобились и слышать, и слушать, и только тогда восприняли всю глубину и благодать Божьего наставления.

Очень хорошо, что у вас есть уши, что вы умеете слушать и слышать, понимать и стараться вникнуть в то, что вам говорят. Храни вас Господь! Я очень рад,

что вокруг есть столько молодых христиан, которые будут нести свет Евангелия, будут стараться любить и жить по-евангельски.

Когда-нибудь вы станете взрослыми и, может быть, вспомните, что однажды приходил чёрный поп с крестом и говорил, что всегда надо любить. А потом вы станете старенькими, и может, и тогда ещё будете помнить, что когда-то, в начале XXI века, в 17-м году, приходил священник с крестом и учил любви. Некоторые события остаются с нами на всю жизнь. В момент, когда они происходят, мы можем ещё не понимать их значимости. Но иногда даже простой разговор меняет направленность жизни человека — в голове что-то щёлкает, и вдруг осознаются очень важные вещи.

Во-первых, нельзя заставить других людей полюбить вас, и надо прекратить попытки это сделать. Лишь гордые принуждают к любви, а потом накладывают на себя руки, так как им всегда всего оказывается недостаточно. Во-вторых, любить нужно не за какие-то качества или дела, а просто так.

И в-третьих, Бог есть любовь. Если вы будете любить, то будете с Богом. Аминь.

ПРОЩАНИЕ

– Плюшевый Медведь, – написала Эльза мужу ещё до того, как окончательно отдалась своей пагубной страсти, – отношения наши подошли к заключительной стадии. И хотелось бы, чтоб заключительная стадия была не хуже всех предыдущих. То, что со мной было, было чистым выбросом собственнического чувства по отношению к тебе, которое всегда портило твою жизнь и наши отношения между собой. Очень ты меня потряс своей новой связью, так что получила за все свои прегрешения молодости. Исповедавшись, я, естественно, простила: ну, вдул и вдул, разница-то? Он всё равно меня любит, а если полюбит кого-то ещё – что ж, сердце у него всегда было большое, а за последние годы вообще растянулось до невероятных пределов. Пусть ещё один человек будет счастлив.

Нашего общего прошлого это изменить не в состоянии.

Плюшевый Медведь всё-таки оказался ещё каким мужчиной! И это нормально! Ты моложе меня и темперамент гораздо сильнее.

Конкурировать я не могу и не хочу. Я вообще человек не этого направления. Мне никогда не нужен был здоровый, сильный мужик, и ты мужиком для меня никогда и не был, Плюшевый Медведь, и я это всегда в тебе ценила и уважала. Другом был всегда, отцом, духовным братом был, товарищем, плюшевой игрушкой. С тобой любая будет счастлива и на седьмом небе. Одиноких и несчастных женщин пруд пруди.

Патрик у нас очень сложный мальчик, он требует по крайней мере моего полного внимания. Образ нашей жизни, при которой он вырос, на пользу ему не шёл, он очень повреждённый ребёнок, и ему необходима моя полная отдача и концентрация, чего я не могла дать в нашем доме. Ребёнок был абсолютно один, уткнувшийся в компьютерную приставку, ему не с кем было поговорить. Так что

наш разъезд по отдельному жилью на него произвёл положительный эффект – он стал быстро развиваться по направлениям, совершенно раньше не проявлявшимся. Мама стала нормальной, такой, какую имел когда-то Джейк, а не вздрюченной, взмыленной, вечно в дурном расположении духа стервой. Патрику надо дать столько любви и внимания, сколько мы ему задолжали с каждым жителем нашего приюта, всегда откладывая его интересы на потом. Я думаю, его злость на тебя быстро пройдёт, он тебя очень нежно любит и очень к тебе привязан. Будете встречаться, общаться, будешь его баловать – для него это важно, и он этого хочет. Я уверена, что всё у тебя получится, и ты снова встанешь на ноги финансово, тогда и посмотришь, что можешь ему дать, что может быть для него лучше: школа или занятия с репетиторами, или что-то ещё.

С Джейком, я думаю, пройдёт по тому же сценарию. Он уже ждёт очереди к психологу через пару недель, выпустит там пар и придёт в более или менее адекватное состояние. С Энжелой вообще всё

проще. Она давно уже живёт отдельной жизнью, и мы стали для неё важной, но в количественном эквиваленте незначительной частью жизни. Она взрослеет и в связи с новоприобретённой профессией медсестры приучилась анализировать, принимать профессиональную помощь, самостоятельно искать помощи в научных статьях. Это всё, так сказать, по поводу нашей семейной жизни.

По поводу общественной жизни я не могу быть так же уверена и высказывать какие-то свои соображения совершенно безапелляционно. Просто предположу.

Я думаю, священство тяготило тебя уже давно. Обоих регентов ты привёз, чтоб подстегнуть свой угасающий интерес к службе. Священство – это в первую очередь служба, конечно, а всем остальным может заниматься кто угодно. Первая регентша выполнила свою задачу и дала толчок к дальнейшей церковной жизни, но импульс угас очень быстро, и вторая оказалась очень неудачной попыткой, только разрушив всё, что ещё можно было спасти. А так как ты принял священство из-за меня, против меня оно и

повернулось в первую очередь. И я тебя не виню. Ты тоже человек и ты не железный. Чтобы тянуть всё наше хозяйство со всеми разнообразнейшими злыми клоунами, с каждым их индивидуальным взбрыком и жить высокодуховной церковной жизнью, нужно быть титаном. Ни ты, ни я титанами не являемся. Это был просто вопрос времени, как быстро мы сломаемся. Ты и новые отношения завёл так быстро, чтобы отсечь возможность возвращения в сан, ты устал. Сломался в одной сфере, я в другой. Странно, как мы вообще протянули так долго. Бог помогал.

Прости меня за слабость, за ревность и нетерпение к танцовщицам и стюардессам, я была не идеальной твоей опорой. Но хотя бы можно сказать, что сделано было в общей сложности больше, чем кем бы то ни было. Накал страстей, событий и потоки людей для меня были невыносимы. Я, как и была, осталась спаточным зайцем, боящимся людей, любящим тишину, созерцание, закрытый мир моей семьи – мужа и детей. Я и муж постоянно измотаны, старшие дети разбежались, младший – беспризорник.

Я держалась, пока могла. С тобой жизнь всегда очень яркая, наполненная событиями, людьми, новыми проектами, планами, но у меня просто уже нет на это сил. Прости. Если тебе нужна будет какая-нибудь помощь с теми, кто остался, я помогу. Я и так с ними встречаюсь и вожусь. Если надо привезти продукты или кого-нибудь куда-нибудь свозить, я сделаю, в рамках, конечно, своей занятости.

Ну вот, наверное, и всё, что я хотела тебе сказать. Все остальные аспекты для меня менее существенны.

Я хочу повторить, что я тебя люблю, и дети тоже, и всегда будем любить. Прошу простить за боль, которую я причинила тебе своей неразумностью и неумением разговаривать – для этого мне надо время и пространство, которого у меня на тот момент не было. Я уверена, что у тебя будет всё отлично и что ты всегда по-доброму будешь относиться и к детям, и ко мне, что у тебя будет удачный второй брак, ты будешь успешен, а значит, и счастлив. Успех для тебя имеет первоочередное значение, будь то бизнес или церковь. Твоя избранница, опытная, здоровая, детьми не обременённая, шанс не упустит, сделает

всё, чтобы ваша совместная жизнь состоялась. Между нами предлагаю оставить дружбу, совместную любовь к детям, взаимопомощь – всё как всегда. В сущности, ничего и не изменилось базисно.

Я очень надеюсь, что не раню тебя ещё раз, не сержу и не раздражаю. Этого совсем в моих планах не было. Прости, если что-то не так сказала, это только моё видение ситуации, и я не настаиваю именно на ней. Я была совершенно искренна, никаких игр и подводных планов, у меня есть чем заняться, кроме этого.

«МЕНЯ БОЛЬШЕ НЕТ»

В предыдущей главе так всё было замечательно! Но вот и пример двойственной сущности Эльзы. В какой-то момент Герберт написал ей, что недоволен тем, что его визиты не имеют смысла. Патрик играл в страшные игры и не обращал на него внимания.

– Что поделать, он сам не хочет видиться с тобой, – пояснила Эльза.

– Ты, по сути, лишила меня родительских прав! Это, в конце концов, незаконно.

– Ах, ты хочешь по закону? – с яростью ответила Эльза. Она давно хотела вовлечь его в судебную тяжбу, потому что ей полагался бесплатный адвокат, а Герберта бы это разорило окончательно. Да что уж говорить, его и разорить было невозможно, потому что он и так остался ни с чем. Едва хватало на жизнь.

– Я готова к битве, – гордо заявила Эльза и тут вывалила на Герберта такое количество грязных планов против него, что он захлебнулся.

– Меня больше нет, – чётко сказал он. Эльза продолжала ещё что-то добавлять. И Герберт повторил несколько раз: «Меня больше нет».

Сначала Эльза опасалась, что Герберт начнёт атаку, но, когда поняла, что он действительно решил исчезнуть из её жизни, принялась говорить всем знакомым и членам семьи, что Герберт заявил, будто они для него умерли.

Герберт исправно платил минимально положенные алименты, хотя Эльза принимала их неохотно.

Так прошло полгода, пока адвокат Эльзы не прислал документы на развод. Там закреплялся минимальный размер алиментов и значилось, что Эльза ни при каких обстоятельствах, даже в случае «катастрофических проблем», не попросит у него помощи. «Мне от него ничего не нужно!» – повторяла она.

– Обычно те, кому от нас «ничего не нужно», отбирают у нас всё, – возражал Герберт.

Герберт был поражён, что через полгода градус ненависти к нему не уменьшился, а повысился!

Но тут был вовлечён адвокат. От матери требовалось поддерживать в Патрике желание видаться с отцом. В противном случае суд ни за что не отдаст все права на ребёнка матери.

Герберт всё подписал, понимая, что за сердце ребёнка надо бороться не в суде. Единственное, чего он потребовал: чтобы его письмо к сыну было зачитано мальчику психологом или кем бы то ни было, но не Эльзой.

Герберт писал:

«Мой милый Патрик!

Очень скучаю по тебе и хочу тебя увидеть. Я помню, как мы веселились вместе и что я провёл всю твою жизнь рядом с тобой, пока твоя мать не забрала тебя от меня. Я люблю тебя так, как отец может любить своего сына.

Мне очень жаль, что мы с твоей мамой оформляем развод. Я никогда не хотел разлучаться с твоей мамой. Я любил её всю жизнь. Я встретил её, когда был всего на семь лет старше, чем ты сейчас! Это была исключительно её инициатива – расстаться со мной. Всё произошло к моему полному удивлению, и я чуть не умер. Даже сейчас я думаю, что это всего лишь плохой сон, я проснусь и увижу, что ничего не случилось. Но реальность такова, что сломанное не починишь.

Образ жизни, который мы вели в течение девяти последних лет с приютом в нашем доме, активно поддерживался твоей мамой большую часть времени, и ты должен знать и понимать, что за этой идеей стоял не только я.

Я искренне верю, что мы помогли многим людям, которые в противном случае умерли бы, и

эта деятельность была лучшим, что мы сделали в нашей жизни.

Я стал священником по просьбе и с согласия твоей мамы. Наша вера требует самопожертвования. И приют в нашем доме был этим самопожертвованием, а не результатом нашего безумия. Это нормально для некоторых священников.

Внезапно год назад твоя мама попросила меня о разводе. Она не объяснила, зачем ей это нужно, и не сказала, что ты уезжаешь в другое убежище. Она сказала мне, что вы собираетесь жить с другой семьёй, чтобы помочь заботиться о больном ребёнке. Я подписал все бумаги и всегда делал то, что просила твоя мама. Всё было сделано втайне и за моей спиной. В результате вы получили дешёвую квартиру, в которой сейчас живёте.

Ты должен знать, что я предлагал другие способы, которые позволили бы сохранить наш дом для нуждающихся и иметь отдельную квартиру для нашей семьи, но твоя мама не согласилась ни на один вариант. Она знала, что если у вас будет

субсидированная квартира, то я не буду иметь права жить с вами. У меня не было возможности воссоединиться с семьёй в этой квартире, и твоя мама никогда мне этого не предлагала. Это показывает, что у твоей мамы никогда не было серьёзных планов спасти наш брак.

Из-за того, что твоя мама ушла из дома, я потерял дом и сан священника (есть такое правило).

Этот дом, где ты родился, который тебе всю жизнь будет видеться во сне, был единственным достижением в моей жизни, и для меня он составлял целый мир. Потеряв тебя, семью и свой дом, я пришёл в отчаяние.

Я никогда ничего не делал против планов вашей матери, несмотря на все её опасения по поводу моей мести. У меня не было никаких плохих намерений.

Единственный момент, о котором мы спорили с мамой, заключался в том, что нам не удаётся видеться свободно и без её наблюдения. На Рождество в «Макдональдсе» ты вёл себя очень агрессивно по отношению ко мне в её присутствии и говорил, что больше не хочешь меня видеть. В

других случаях, когда я навещал вас на квартире, у тебя не было интереса ко мне. Я думаю, ты поступал так, чтобы угодить своей маме, и если бы мы остались одни, ты был бы другим.

Уход твоей матери привёл к гибели церкви, дома и моего священства. Я потерял последнюю поддержку, а по наводке нашего нового родственника – инспектора – пожарные закрыли наш дом.

Отвечаю на вопрос, который вы задали мне на Рождество: «Почему все ваши дети ненавидят вас?» – я не знаю. Джейк всегда активно выступал против того, что я делал в своей жизни – как в бизнесе, так и в церкви. Энжела вышла замуж за сына человека, который отправил нас в тюрьму и который стоит за тем, что я потерял дом и семью, а ты лишился любящего отца. Я всегда был добр к своим детям и делал всё, что они хотели. Ты должен спросить их, почему они меня ненавидят. Ты также можешь задать тот же вопрос своей маме. Искренне верю, что я всегда относился ко всем вам наилучшим образом с любовью и уважением.

После того как ты узнал все эти факты, я хотел бы, чтобы ты начал видаться со мной наедине, без участия твоей мамы. Мы можем повеселиться, сходить в кино, заняться шоппингом или что-нибудь ещё. Я хочу быть частью твоей жизни».

Герберт не надеялся, что письмо возымеет действие. Он написал его в ответ на обращение от адвоката Эльзы, которая безо всяких оснований в свою пользу лишала Герберта родительских прав. Герберт не сопротивлялся. Он всё равно никогда не принимал никаких решений за детей без согласия Эльзы.

Единственным условием, которое поставил Герберт, было желание, чтобы это письмо прочитал кто-нибудь не связанный с Эльзой – учитель или психолог. Его требование пообещали выполнить.

Герберт уже ни на что не надеялся. После года нескончаемого потока лжи и проклятий, которые выливались на Патрика в адрес отца, надеяться на то, что одно письмо что-то изменит, было глупо.

Герберт давно поссорился с Богом и ни с чем, кроме упрёков, к Нему не обращался. Но тут не выдержал и взмолился: «Дай мне видеться с сыном! Ещё пару лет и этого малыша не станет. Появится хмурый и желчный подросток».

И вот произошло чудо. Позвонил Патрик и звонким голосом затараторил:

– Папа, мне прочли твоё письмо! Я тебя люблю! Я тебе верю! Ты ни в чём не виноват! Я хочу с тобой видеться!

Герберт дрожащим голосом что-то отвечал. Ему казалось, что это сон, ему очень хотелось плакать, но на этот раз это были слёзы радости.

Потом, как холодный душ, в трубке зазвучал непривычно наглый голос Эльзы. Ненависть сняла маску лицемерия.

– Привет. Ну всё, Патрика уже ознакомили с твоей версией событий. Он хочет видеться с тобой. Только я прошу тебя не говорить с ним больше обо всём этом. Говорите о радостном.

– Хорошо, конечно о радостном, только о радостном! – тихо промолвил Герберт и блаженно улыбнулся сквозь слёзы.

НАКОНЕЦ-ТО РАЗГОВОР С СЫНОМ

Патрик без надзора Эльзы охотно общался с отцом.

– Я играл в карты с нашими алкоголиками, наркоманами. Я практически постоянно выигрывал. Я помогал моей маме тоже иногда играть, потому что я знал правила. А когда мне было четыре, я уже понял, что не люблю правил.

– Правил? – уточнил Герберт

– Правил, ну, как в школе. Школа – это просто г...но. Я ненавидел всё, что связывалось с учением, потому что это мучение для меня и практически всех, кто ненавидит школу. Я не могу идти в школу, потому что это просто ад на палочке. Я не могу этого делать. Я не могу, правда.

– Объясни, почему ты не хочешь ходить в школу?

– Иногда у меня есть смешанные чувства насчёт всего этого.

– Почему?

– Потому что иду в школу, сижу там – мне скучно, нечего делать. Постоянно надо что-то учить. Я понимаю, что это надо – идти туда, в школу, и всё там хорошо, но всё равно. Почему вообще надо идти в школу, когда можно просто всё это выучить дома? Мои учителя как машины! Не как люди...

– Но взрослые дети, Энжела и Джейк, не ходили в школу, ты знаешь?

– Правда?

– Они ходили только в самом конце. В основном всю жизнь я нанимал им учителей.

– Это ужасно, я не представляю, как я могу учиться с учителем.

– Почему? Для Джейка я даже приглашал учителей из Англии, профессоров.

– Правда? И как они?

– Ему было интересно.

– Да? Я не могу учить что-то, если мне это неинтересно.

– Это правда. Это ужасно.

– И мне постоянно попадаетея какой-то идиот-учитель, который даже не может научить меня тому, сколько будет пятью девять. Я, конечно, знаю, что это 45, но всё равно. Есть учителя, которые могут тебя заинтересовать! Но такие попадаютея редко.

– Да, поэтому я и нанимал их, и только настоящих учёных. У Джейка был профессор по литературе, поэтому он так хорошо пишет стихи. Они три недели просто гуляли и разговаривали.

– Папа, ты читал книжку, которая называется «Моя семья и другие звери»?

– Даррелла?

– Да. Ты помнишь, как мальчику в этой книжке (то есть самому Дарреллу) наняли хорошего учителя, который рассказывал о всяких животных и том, что они делали. Ему было интересно, и он всё выучил.

– Да. Я поэтому так и делал. Я нанимал учителей по истории, по физике. Они гуляли с Джейком, разговаривали и занимались. И было очень здорово. А с Энжелой занимался я. Мы очень, очень хорошо жили. Мы были так счастливы...

– Когда мне было шесть или семь лет (не очень помню), я начал смотреть ютуберов. Это было лучшее развлечение в моей жизни. Я мог просто каждый день сесть и смотреть их часами. Когда вы, мои родители, уезжали для чего-то, я оставался дома и смотрел на папином компьютере целый день, без остановки. Для меня ютуберы были очень большим развлечением, меня это как-то отвлекало от настоящей жизни. Потом я просил мою маму, чтоб она купила мне Minecraft. Это была моя первая игра, которую я по-настоящему хотел купить. Не как Mario, не как Wii, а настоящая игра, хорошая, созданная замечательной компанией.

Я практически всё в ней выучил. Там, внутри игры, так хорошо! А вообще, я не могу понять, почему мне надо что-то делать: почему мне надо идти на улицу, почему мне надо есть, почему мне надо всё это делать. Почему, я не понимал этого.

– Что ты имеешь в виду?

– Я просто не понимаю, почему вообще сделана жизнь.

– Ты знаешь, я и сам до сих пор не понимаю.

– Я даже не понимаю, почему жизнь так по-идиотски сделана.

– Ты знаешь, у меня то же самое. Об этом я постоянно думаю. Я ничего не понимаю. Почему всё так по-идиотски устроено?

– Если каждому человеку Бог хочет устроить хорошую жизнь, почему бы не сделать так всем?

– Вот именно.

– Это несправедливо. Как справедливый Бог может быть не справедливым? Почему он пугает адом?

– Смотри: тебе 10 лет, мне – 48, а мы думаем и говорим об одном и том же.

– Зачем были созданы люди? Зачем вообще всё было придумано? Это невозможно даже понять, почему.

– Мы ведь всё время страдаем.

– Даже если есть настоящий Бог, то разве Он добрый?

– Это то, о чём я сам думаю.

– Если Он даёт дьяволу побеждать, то разве Он может быть добрым? Пусть бы нас всех отдал дьяволу, чтоб тот нас уничтожил, и всё!

– Да...

– Зачем бесконечно ходить по кругу? Почему все только и думают, как сделать деньги? Украсть друг у друга! Врать друг другу! Зачем законы, если все их нарушают? А наказание случайно достаётся кому-то одному и вовсе не потому, что он что-то нарушил, а потому, что кто-то ему хочет сделать плохо.

– Прекрасно. Кто-то ответил тебе на эти вопросы?

– Нет!

– Когда я был священником, я думал, что знаю ответ, а теперь, выходит, не знаю.

– Это хорошо. Мне не нравились твои ответы. Всё происходящее как игра: новые препятствия, новые уровни, а потом ты умираешь и game over! Зачем, папа? Никто не может на это ответить.

– Не может. А если сможет, то соврёт, – Герберт обнял сына. – Всё, что нам остаётся – прижаться друг другу и стараться жить... Нам не на кого

надеяться. Надо просто жаться друг другу, как маленьким мышкам, которых застала гроза!

Я МНОГОЕ В СЕБЕ НАШЛА...

На второй день Герберт заехал за Патриком, но там оказалась Эльза и ещё двое мальчиков, друзей Патрика. Эльза удивительно похудела. Её внешность не понравилась Герберту, хотя он и не подал виду. Очевидно, женщина находилась в активном поиске.

Герберт нехотя пригласил всех на аттракционы. Эльза знала, что он не сможет поступить иначе.

Пока дети гуляли, Эльза говорила, что живётся ей скучно, она пыталась устроиться в мертвецкую, готовить тела к погребению, но её не взяли. Герберт удивился такому выбору, но вразумительного ответа не получил.

Герберт был приветлив, и Эльза легко делилась своими мыслями. Но нового в них Герберт ничего не слышал.

– Ну, значит, у всех всё хорошо? – Эльза неприятно посмотрела Герберту в глаза.

Герберт молчал. Потом сказал:

– Ну что ты хочешь, чтобы я ответил? Как Христос Понтию Пилату в «Мастере и Маргарите», когда они идут по лестнице на небо. Пилат с надеждой спрашивает: «Скажи, ведь распятия не было?». Христос молчит, а потом тихо отвечает: «Ну конечно не было». Таков и мой ответ, – у Герберта навернулись слёзы на глаза.

– Ну и хорошо, – улыбнулась Эльза, делая вид, что не замечает слёз.

Наконец Герберт привёз Эльзу и детей домой. Дети сразу побежали играть. Эльза задержалась.

– Ты знаешь, я многое о себе поняла, открыла в себе много неожиданного.

Герберт слушал.

– Во-первых, я очень жёсткий человек. Во-вторых, для меня очень важна свобода.

Эльза замялась.

– Ну а в-третьих?

Эльза снова замялась, то ли игриво, то ли и правда в нерешительности.

– Ну, начала, так продолжай, – настаивал Герберт в нетерпении.

– Это тайна...

– Ну какая может быть тайна? Экстрасенсорные способности открылись?

– Если бы! Хотя я многое чувствую.

– Секс, что ли?

– И ещё какой! – страстно сказала она. – У меня их трое.

– Что, одновременно?

– Ну, я к этому двигаюсь. Давай поедem на озеро, там поговорим.

– Давай здесь.

– Тут я не хочу, чтобы соседи нас видели.

– А ты говорила, что бывшие мужья вселяются под шумок в госквартиры к бывшим жёнам. А тут говоришь, что боишься, чтобы тебя не застукали с бывшим.

– Они мне завидуют: такую квартиру получила!

– Ну, хорошо, поедem, – неохотно согласился Герберт.

Они доехали до тихого уголка на озере.

Мы опустим здесь подробности сексуальных экспериментов Эльзы, чтобы не превращать книгу в порно низкого пошиба. Скажем только, что... Впрочем, и этого не скажем. Пожалеем читателя.

Герберт был в шоке. Он ожидал, что Эльза попытается найти себе нового спутника жизни, но чтобы пуститься в такой головокружительный полёт из постели в постель!.. Причём не скрывая от партнёров, что их у неё трое, и при том, что двое из них – женатые люди, что никого она не любит, и прочее, прочее, прочее...

– И давно тебе пришло такое желание? – осторожно спросил Герберт.

– А оно меня никогда и не покидало. Ведь ты меня не удовлетворял.

– Да, я не по этой части, – спокойно признался Герберт, и тут Эльза попыталась его страстно поцеловать. Герберт вырвался. Ему было противно.

– Может, не надо? – отшутился он. – Как ты говоришь, ты берёшь в рот бог знает что... И тебе это нравится! А мне неприятно.

Эльза не обиделась и рассказала отвратительный анекдот, который не хочется здесь приводить.

– Ну а что с деньгами? – решительно поменял тему Герберт.

– А с деньгами хорошо, – таинственно блеснула глазами Эльза. – Мужчины меня не оставляют в нужде.

– И это в твои пятьдесят лет! Замечательно, – сказал Герберт и горько улыбнулся.

А ЛАРЧИК ПРОСТО ОТКРЫВАЛСЯ...

На протяжении целого года, прошедшего между разрывом отношений с Эльзой и встречей, описанной в предыдущей главе, Герберт мучился нестерпимым вопросом: «Зачем?». Зачем Эльза намеренно вытолкнула его из своей жизни, разрушила всё, что только можно было разрушить? Он не находил ответа. Все приводимые доводы были недостаточны. А ларчик просто открывался.

Как только он услышал о трёх партнёрах, стало ясно, что Эльза все эти годы страдала

нереализованной сексуальной зависимостью, обострённой строгостью православных правил. Вот природа и взяла своё. Конечно, Эльза об этом и не подозревала, но вот её открытие собственной сексуальности пролило свет на мучивший Герберта секрет. Такую зависимость называют саморазрушающей, ведь она вызывает много страданий. И если сексуальная зависимость у мужчин обычно носит скорее физиологический характер, то для женщин это чисто психологическая проблема. Такого рода несвободу можно смело приравнять к алкогольной или наркотической зависимости. Ведь главный её фактор – уход от реальности, заикленность на определённых переживаниях.

Женщины, страдающие зависимостью от секса, испытывают настоящую ломку, если у них отсутствует возможность удовлетворить свою потребность. Это как навязчивая идея, которую невозможно контролировать; она стоит на первом месте в их жизни, даже несмотря на отрицательные последствия. Но при этом, находясь замужем, да ещё

и в строгом православном сообществе, они всеми силами её подавляют.

В большинстве случаев истоки женской сексуальной зависимости находятся в детстве. Это либо сексуальное насилие в раннем возрасте, либо просто недостаток внимания со стороны родителей. У Эльзы было и то и другое. В первом случае ребёнок получает искажённую модель поведения. Повзрослев, девушка начинает считать, что секс с партнёром – единственная возможность быть кому-то нужной. Пережив в детстве насилие, она страдает от крайне низкой самооценки. Осознав свою греховность, девушка винит себя в произошедшем с нею и не верит, что такого ужасного человека, как она, можно искренне полюбить. Поэтому, как бы её ни любили, она не верит этой любви. Сломав нормальные ровные отношения, она ищет новых сексуальных партнёров, чтобы унять чувство одиночества, страха и беспомощности. Только во время соития она чувствует себя желанной и нужной, прочие аспекты жизни ей мало интересны.

Во втором случае, когда сексуальная зависимость у женщины зародилась из-за невнимания к ней как к ребёнку со стороны близких, происходит нечто похожее. Девочке не хватает ласки, любви и прикосновений; повзрослев, всё это она получает во время сексуальных отношений. Получив краткий момент эйфории, она самоутверждается и повышает самооценку. Но нежности и любви такие отношения не приносят, а потому она отправляется на поиски нового партнёра. Получается своего рода замкнутый круг: спасаясь от одиночества, женщина ищет полового партнёра, а не получив духовной близости, повторяет порочный путь. Она вновь и вновь соблазняет, побеждает мужчину, но под оболочкой роковой женщины кроется страх принять свою ненужность.

Так уж устроено, что дети часто винят себя за ошибки взрослых. И если в юном возрасте они были нелюбимы или обделены вниманием, то считают себя просто недостойными этого. Они с болью в сердце принимают роль изгоя, вершина счастья которого – крохи с чужого стола. И поэтому они не

колеблясь меняют сексуальных партнёров ради минутного счастья, не веря в возможность получить нечто большее. Порою это приводит к мазохистскому наслаждению – терпеть унижение от собственной никчёмности и повторять свои действия вновь и вновь. Даже понимая всю разрушительность такого поведения, остановиться они не в силах.

Когда мы слышим о подобного рода зависимости, в голову приходят нелицеприятные мысли о женщинах лёгкого поведения и проститутках. Хотя что касается последних, то сексуально зависимых среди них единицы – обычно «ночных бабочек» волнует лишь экономический аспект. Им секс как таковой неинтересен, просто они не видят другого способа заработать деньги. Те же, кто страдает от настоящей сексуальной зависимости, не мыслят свою жизнь без половых отношений. И не потому, что им нравится сам процесс: можно быть сексуально зависимой и не любя секс, ведь суть не в нём. Просто некоторые женщины видят в сексе единственную возможность ощутить ласку, понимание, нежность.

Конечно, такое поведение осуждается обществом, ведь окружающие не понимают причин, толкающих женщину в объятия разных партнёров. И если для мужчин такое поведение в современном обществе не считается великим грехом, то на репутации женщин ставится жирный крест. Попав в ловушку негативного общественного мнения, женщине ничего не остаётся, кроме как продолжать искать счастья именно таким путём – дурная слава не даёт возможности встретить нормального мужчину. Возможно, обратившись за помощью, она смогла бы измениться внутренне и поменять стиль поведения. Но у нас не принято выносить сор из избы.

Поэтому, прежде чем негодовать и оскорблять подобных женщин, стоит задуматься: что подвигло их на участь вечного духовного одиночества в постелях разных мужчин?

Возможно, сам термин «сексуальная зависимость» не совсем верен – точнее было бы сказать «нарушение близости». Многие представительницы прекрасного пола осознают

неправильность своего поведения, они мучаются от чувства вины и раскаяния, но продолжают искать сексуальные приключения. Это как запретный плод, который пугает и манит одновременно. Они рано или поздно испытывают осуждение со стороны окружающих и даже со стороны своих партнёров, становясь объектом оскорбления. Но и это их не останавливает. Почему сексуальная зависимость управляет ими?

Как бы то ни было, женщины с подобной проблемой сами избегают постоянных отношений, так как боятся духовной близости. Чаще всего они просто не знают, что это такое. Ни дома, ни в школе никто не учит тому, как правильно любить, брать и отдавать прекрасные чувства. И секс служит отличным заменителем душевного тепла, правда, недолговечным. Ведь само слово «близость» в сознании многих становится синонимом к слову «секс».

А ведь настоящая близость подразумевает доверие, отсутствие страха, желание всегда быть рядом с родным человеком. Там проблемы решаются

спокойно и сообщая, а новизна отношений поддерживается в общей спальне, но никак не в поиске новых партнёров для секса. Не ведая о существовании такого внутреннего тепла и близости, многие несчастные женщины путают обычную сексуальную зависимость и чувство любви.

Именно осознание своей греховности заставило Эльзу надеть на себя узду православия, освободившись от которой она погубила себя и всех своих близких.

Вот так преступление, сексуальное насилие над малолетней, произошедшее более полувека назад, и невнимание родителей привело к описанной в этой книге катастрофе.

Чувство неполноценности и греховности заставляло Эльзу подавлять свою сексуальную страсть, а её неудовлетворение выливалось в агрессию. Чтобы замаскировать свою беду, Эльза убедила себя и всех окружающих, что плотские утехи её не интересуют. Тем более открывшееся Герберту оказалось совершенной неожиданностью.

Будучи матушкой, Эльза совершенно не следила за собой и выглядела как старуха. При этом страдала от этого неимоверно. Она не могла признаться себе в своих истинных потребностях и поэтому неистово осуждала и ненавидела более раскрепощённых женщин, оказывавшихся в приюте. Для того чтобы освободиться, ей было необходимо уничтожить тот мир, в котором она жила.

Конечно, главным препятствием на своём пути в чужие постели стоял её муж Герберт. Хотя он был абсолютно не ревнив и простил бы измену, Эльзе нужно было сделать его виноватым во всём. Оглушительными провокациями она вытолкала Герберта из семьи, и когда тот, лишившись сана, устроил свою личную жизнь, Эльза наконец почувствовала себя свободно. Ведь теперь он больше не стучал своим православием ей по голове.

Мог ли Герберт, будучи батюшкой, ограниченным строгими православными правилами, предотвратить случившееся? Вряд ли. Во всяком случае, он до сих пор не понимал, как. Его сексуальные возможности и темперамент и близко

не могли утолить такую жажду. Кроме того, Герберт был полная противоположность Эльзы. Как-то в детстве один пьяный дядя целовал его в засос так, что он задыхался, и с тех пор он не любил целоваться и вообще не любил прикосновений.

Он предлагал ей принимать лекарства, чтобы погасить агрессию, а они погашали и либидо. И поэтому Эльза не желала их принимать.

Шерше ля фам под ручку с Фрейдом снова победили! И Бог, в общем-то, тут был как бы и ни при чём. Герберт жалел, что не сохранил свой сан, не продолжил бороться за свою церковь и приют. Ей-богу, Эльзина болезненная страсть не стоила того, чтобы лишать несчастных крова и опеки, а Герберта – спасения души. Но, увы, было поздно.

Очень хорошо, что хотя бы в конце стало ясно, что дело было не в православии, не в Боге, не в идее осуществлять Евангелие на практике. Дело было в тяжёлой психологической проблеме Эльзы, в которой она не была виновата, потому что не осознавала её, и в которой ей могли бы помочь специалисты, если бы хоть кому-нибудь было бы о

ней известно и если бы она сама захотела, чтобы ей помогли.

Герберт написал Эльзе мягкое, деликатное письмо обо всём этом, закончив словами:

«Спасибо за твою искренность. Она мне была необходима. Это был тот самый главный кусочек пазла, которого мне не хватало, чтобы понять, что же произошло. Более того, это снимает вину с Бога, с тебя и с меня».

И получил ответ:

«Там ещё много чего можно дописать: и как я молчала обо всех неудобствах и терпела до конца, лишь бы не потерять тех отношений, что были; как подстраивалась под любые идеи и роли ради этого. И на разрушение пошла, только когда окончательно стало ясно, что внимания и тепла я больше не получу. Ты утонул в концепциях. Сейчас, по крайней мере, никаких иллюзий о любви — пошла, потрахалась, дозу свою получила и свободна на время, а там снова по кругу. На деле я тебе никогда и не была нужна как человек. Как любимый человек. Не за приют надо было бороться с моей болезнью, а

за меня и за свою любовь. А у тебя свои проблемы – ты очень добрый. Но никого не любишь, кроме себя...

Ты был виноват только в одном: что твоя жена осталась один на один с её проблемами, и ни под каким видом ты не соглашался заняться, понять и помочь, прикрываясь Евангелием, как щитом. Понимать и помогать чужим было интереснее, чем своей обрыдлой Эльзе, на которую и так ушла вся твоя бесценная жизнь. Ха-ха-ха! Я уже всё поняла сама. Счастья тебе с твоим Богом».

ЭПИЛОГ

Как хотелось бы, чтобы хоть одна строка этой книги была выдумкой, неправдой. Увы!..

Герберт, несмотря на то, что был сначала дельцом, потом писателем и даже священником, на самом деле всегда представлял себя плюшевым медвежонком, а Эльзу – зайчиком. Он верил, что рай – это такое место, где они вечно будут жить в сказочном ласковом лесу. А Бога представлял добрым, покровительствующим этим плюшевым малышам.

Но и Эльза, и Бог разрушили эти грёзы, и медвежонок остался плакать один у картины с отвернувшимся распятым Христом.

Трудно Эльзе и Богу было не разрушать этот сказочный плюшевый лес? Ну, хорошо, Эльзе понятно чего, а Богу-то что не хватало? Но они оказались злыми, и медвежонок не представлял себе, как они посмотрят ему в глаза после всего, что он пережил.

Пока Герберт не умер, у них с Богом не было случая посмотреть друг другу в глаза, а вот глаза Эльзы были сначала стеклянными, потом нагло встревоженными, а теперь безнадёжно пустыми. Медвежонок закрылся лапками, чтобы их не видеть, и решил: «Если у Бога такие же пустые глаза, то лучше я зажмурюсь!».

– Дорогой Плюшевый Медведь! – обратился к нему Бог. – Не вздумай зажмуриваться! Бог тебя любит!

...Но Он очень загадочный...

